

Часть I. История и сущность испанского анархизма и начало Гражданской войны

- 1. Идеологические корни испанского анархизма
- 2. Эскизы анархического общества
- 3. Испанское либертарное движение
- 4. Начало Гражданской войны

1. Идеологические корни испанского анархизма

Одна из главных проблем, вставших перед анархистами после того, как в начале Гражданской войны на них свалилась власть, заключалась в том, что среди них в действительности не было согласия относительно того, какое общество они хотели создать. Хотя движение существовало в Испании около трёх четвертей столетия, только за два месяца до начала войны оно попыталось объяснить в деталях то общественное устройство, которым оно желало заменить капитализм, и ту политическую организацию, которую оно хотело создать на месте государства. Но даже документ, принятый на Сарагосском конгрессе Национальной конфедерации труда в мае 1936 г., ни в коем случае не отражал единогласное мнение испанских анархистов. (Я буду обсуждать Сарагосскую резолюцию в следующей главе.)

Испанские анархисты были частью широкого международного движения. Основные теоретики этого движения не были испанцами, хотя некоторые испанские либертарные мыслители внесли в него существенный вклад, и конечно же, национальное наследие и традиции Испании, бравшие своё начало в Средневековье, повлияли на формирование мышления испанских анархистов, как ведущих, так и рядовых, накануне и во время 1930-х.

С началом Гражданской войны и распадом существующих структур власти на местном, региональном и даже национальном уровне, анархические группы в разных частях лоялистской Испании, неожиданно оказавшиеся во власти или получившие более или менее широкое влияние, начали осуществлять на практике идеи анархизма, как они их понимали. Дальнейшее изложение покажет нам, что в их подходах наблюдались большие различия.

Кроме того, взяв на себя двойную задачу – попытаться перестроить общество, будучи лишь одной из нескольких конкурирующих сил даже в регионах, где их сторонники составляли большинство, и организовать защиту лоялистской зоны от войск генерала Франко, – анархисты с самого начала были вынуждены поступиться некоторыми из излюбленных положений их философии и идеологии. В самом деле, согласно одной из точек зрения, история анархистов во время Гражданской войны в Испании – это перечень непрерывно накапливавшихся уступок, на которые они шли в попытке защитить основы либертарного общества, заложенные ими в первые дни и недели конфликта.

Чтобы дать фон к изучению новизны институтов, введенных анархистами в начале войны, и роковых отступлений, которые им пришлось делать впоследствии, безусловно, необходимо нарисовать, по крайней мере в общих чертах, картину той революции, которую пытались осуществить испанские анархисты. С этой целью, в этой и следующей главе, я вначале рассмотрю интеллектуальные истоки анархизма. Далее я обрисую основные течения мысли

в анархическом движении за сто лет, предшествовавших Гражданской войне в Испании, и их изменение и развитие в самой Испании. Наконец, я подведу итоги и прокомментирую то развёрнутое изложение целей и программы испанского анархизма, которое было принято движением незадолго до начала войны.

Истоки анархических идей

Пётр Кропоткин, Рудольф Роккер и другие анархисты, проследившие истоки идей, которые они разделяли, утверждают, что анархизм уходит своими корнями в древность. Кропоткин и Роккер согласны в том, что китайский философ Лао-цзы и стоик Зенон Китийский были одними из первых мыслителей, анархических по существу¹. О последнем из них Кропоткин писал: «Ярчайшим представителем анархической философии в древней Греции был Зенон... который открыто противопоставлял свою концепцию свободного общества без правительства государству-утопии Платона»².

Аналогичным образом, анархические тенденции можно было наблюдать в «определённых христианских сектах Средневековья»³, в особенности среди гуситов и анабаптистов, непосредственных предшественников протестантской Реформации. Роккер и Кропоткин также доказывали, что анархические идеи могут быть обнаружены в сочинениях Рабле и Дидро⁴.

Пётр Кропоткин решительно настаивал на том, что средневековые города-государства Европы, простиравшиеся от Англии до Руси, были ближайшей к нам исторической моделью того политического и общественного устройства, к которому стремились позднейшие анархисты. Он писал в своей «Взаимопомощи»: «...Средневековый город не был централизованным государством. В течение первых столетий своего существования, город едва ли можно было назвать государством, поскольку дело шло об его внутреннем строе... каждая группа имела тогда свою долю верховной власти... Средневековый город являлся двойною федерацией: всех домохозяев, объединённых в небольшие территориальные союзы – улицу, приход, конец, – отдельных личностей, объединённых общею клятвою в гильдии, сообразно их профессиям. Первая федерация была плодом деревенско-общинного происхождения города; вторая же была плодом последующего роста, вызванного новыми условиями»⁵.

Великий предшественник Кропоткина, Михаил Бакунин, не разделял его энтузиазма в отношении средневековых городов-государств как модели для современного анархического преобразования общества:

«...Между средневековой коммуной и современной коммуной существует громадная разница. За пять веков изменилась не только книжная история, изменились нравы, стремления, идеи, интересы и потребности народов. Итальянские коммуны вначале были действительно обособлены, являлись совершенно независимыми политическими и социальными центрами, между ними отсутствовала солидарность и они поневоле должны были довольствоваться сами собой. Какая разница с тем, что существует теперь! Материальные, умственные и нравственные интересы создали между всеми членами одной

и той же нации, что я говорю? – между самыми различными нациями социальное единство, настолько могучее и действительное, что всё, что делают ныне государства, чтобы парализовать его и уничтожить, остаётся бессильным»⁶.

Если оставить в стороне применимость средневековой мысли и политико-экономической организации к идеологии и философии анархизма XIX и XX века, то практически все согласны с тем, что первым современным анархистом был Уильям Годвин. Пётр Кропоткин писал о нём: «Первым изложил политические и экономические положения анархизма англичанин Уильям Годвин в 1793 г. в своём “Исследовании относительно политической правды” [“Enquiry Concerning Political Justice”]. Он не употреблял слова “анархия”, но очень хорошо излагал её основные положения, нападая на законы, доказывая ненужность государства и говоря, что только с уничтожением судов будет достигнуто настоящее правосудие – единственное настоящее основание всякого общества. Что касается собственности, то он прямо требовал коммунизма»⁷.

Пьер Прудон

Уильям Годвин не организовал политического движения, чтобы добиться установления того общества, которое он отстаивал в своём «Исследовании». Прудон же принимал активное участие в революционной политике и поэтому может быть назван подлинным основателем современного анархизма.

Пётр Кропоткин отмечал, что Прудон был первым человеком, который стал использовать слово «“анархия” применительно к негосударственному строю общества». В своём первом памфлете «Что такое собственность?» («Qu'est-ce que la propriété?») Прудон провозгласил, что «собственность есть кража». Однако, как указывал Кропоткин, Прудон «подразумевал лишь собственность в её современном, римско-правовом, понимании как “право на употребление и злоупотребление”», но в собственности, «понятой в ограниченном смысле владения, он видел лучшую защиту против посягательств государства». Он стремился «экспроприировать нынешних собственников земли, жилых домов, шахт, фабрик и так далее... сделав капитал неспособным приносить проценты; и он предлагал достичь этого посредством национального банка, основанного на взаимном доверии всех занятых в производстве, которые согласились бы обмениваться между собой своими продуктами по себестоимости, с помощью трудовых чеков, соответствующих количеству рабочих часов, необходимых для производства определённого товара... Вдобавок, подобный банк получил бы возможность давать беспроцентные ссуды, взимая лишь около 1 процента или даже меньше, чтобы покрыть расходы на администрацию...»⁸

Рудольф Роккер поясняет: «Эта форма экономики делает лишней всю политическую машину принуждения. Общество преобразуется в союз свободных общин, устраивающих свои дела согласно собственным нуждам, каждая самостоятельно или во взаимодействии, где свобода индивидуума находит в равной свободе других не ограничение, но скорее своё подтверждение и обеспечение... Эта федеративная организация поистине безгранична в смысле возможностей развития и открывает самые широкие перспективы для каждого индивидуума и общественной активности в целом»⁹.

Довольно любопытно, что, несмотря на осуждение Прудонем государства, он в 1848 г. стал депутатом Учредительного собрания Второй Французской республики. Прудон стремился провести в нём свой проект по созданию национального трудового банка и, потерпев неудачу, так же безуспешно пытался основать подобное учреждение на частных началах¹⁰. Михаил Бакунин позднее заметил по поводу этого банка, что он «мог бы процветать при более счастливых условиях»¹¹.

Хотя идеи Прудона по большей части не оказали никакого прямого воздействия на испанский анархизм, они оказали влияние на одного из ведущих политиков Испании, чья горячая приверженность федерализму позволила усилить и в каком-то смысле легитимизировать этот принцип, отстаиваемый анархистами. Этим человеком был Франсиско Пи-и-Маргаль.

Пи-и-Маргаль был главным защитником республиканского федерализма в Испании во второй половине XIX века. Он четыре раза избирался депутатом, занимал должность министра внутренних дел, а затем и президента недолговечной Первой Испанской республики в 1873 г. Карлос Рама отмечает, что, «с точки зрения интеллектуального развития, наиболее значительным было влияние на него Пьера-Жозефа Прудона», основные работы которого он перевёл на испанский¹².

Влияние Прудона на Пи-и-Маргалья отражено в одном из его комментариев в книге, опубликованной в 1854 г.:

“ «Всякая власть – нелепость. Любой человек, налагающий руку на другого человека, – тиран. Более того: он святотатствен. Между двумя суверенными людьми невозможно ничто иное, кроме соглашения. Власть и суверенность находятся в противоречии. Власть как основание общества должна, следовательно, уступить место общественному договору».

В другом месте Пи-и-Маргаль пишет: «Федерализм исходит не от человечества, но от отдельного человека. Из человека вырастают, путём стихийного и естественного развития (иными словами, договора), семья, поселение, провинция, нация, группы наций, и так как было бы заблуждением полагать, что коллективы не наследуют существенных особенностей тех элементов, которые их составляют, то, поскольку индивид автономен, общества признаются и провозглашаются автономными. Автономна нация, автономны провинция и муниципалитет, и каждый автономен сам благодаря себе, по своему собственному праву»¹³.

Джордж Эзенвейн делает наблюдение: «И как преданный апостол Прудона, и как самостоятельный теоретик, Пи повлиял на формирование идей нескольких поколений анархистов, включая такие знаменитые фигуры, как Хуан Серрано-и-Отейса, Рафаэль Фарга Пельисер, Гаспар Сентинон, Фермин Сальвочеа, Ансельмо Лоренсо, Рикардо Мелья и Фернандо Таррида дель Мάρмоль»¹⁴.

Другой иностранный наблюдатель, немец Гельмут Рюдигер, объясняя значение анархизма для Испании, также подчёркивал важность самобытного испанского федерализма, нашедшего отражение в работах Пи-и-Маргаля. Во время Гражданской войны он писал:

«Испанский анархизм – не что иное, как выражение федеральных и индивидуалистических традиций страны. Это объясняет огромное влияние испанского анархизма и тот факт, что марксизм оказался не в состоянии поглотить либертарное движение в Испании, как в других европейских странах. Но мы должны заметить, что испанский анархизм основывается на простых инстинктах людей, в чём заключается и его сила, и его слабость. В этом его сила, поскольку широкое народное движение является результатом не абстрактных дискуссий, не теорий, культивируемых немногими интеллектуалами, а динамичной социальной силы, часто вулканической, и его стремление к свободе всегда может рассчитывать на сочувствие миллионов людей...»¹⁵

Тем не менее молодое испанское анархо-синдикалистское движение, возникшее всего за четыре года до основания Первой республики, не поддержало правительство Пи-и-Маргаля. Ансельмо Лоренсо, первая значительная фигура испанского анархизма, много лет спустя писал: «Когда республиканская партия была в оппозиции... и задаривала рабочего лестью и обещаниями, уверяя его, что при республиканско-федеральной форме правления он получит полностью гарантированные на практике личные права, мы всегда отвечали, что знакомство с принципом власти заставило нас понять, что их обещания неискренни и что в высшей степени консервативное предназначение всякого правительства, как бы его ни называли, убеждает нас в обратном – федеральные республиканцы должны будут напасть на права человека, так же как на них нападали реакционеры... Факты подтвердили нашу правоту...»¹⁶

Однако в ретроспективе испанские анархисты высоко оценивали Пи-и-Маргаля. Рикардо Мелья, другой ведущий мыслитель и активист иберийского анархизма, в своём некрологе памяти вождя республиканцев, умершего в 1901 г., писал, что он был «мудрейшим из федералистов, едва ли не анархистом, едва ли не самым справедливым среди справедливых»¹⁷.

Значение Михаила Бакунина для идеологии испанского анархизма

Не подлежит сомнению, что Михаил Бакунин был одним из двух теоретиков, оказавших наибольшее влияние на испанский анархизм. Именно он отправил своего итальянского последователя в Испанию, чтобы отвоевать для анархизма зарождавшееся там рабочее движение, сначала в Мадриде, затем в Барселоне, и тем самым положил начало испанскому анархическому движению. Известно, что в двух случаях он сам собирался поехать в Испанию, но не осуществил это намерение¹⁸.

Однако, хотя Бакунин и не посетил Испанию лично, он поддерживал связь со своими последователями в ней, и его переписка со многими его учениками была обширна¹⁹.

Как говорит профессор Берт Хозелиц: «Без Бакунина анархический синдикализм, особенно подобный тому, что существовал длительное время в Испании, был бы немыслим. Без Бакунина Европа, вероятно, никогда не увидела бы организованное анархическое политическое движение...»²⁰

Бакунинский анархо-синдикализм преобладал в анархическом городском рабочем движении и повлиял на профсоюзы Национальной конфедерации труда (НКТ), установившие контроль на большинстве предприятий в Каталонии и на многих – в Валенсии и других частях республиканской Испании после 19 июля 1936 г.

Михаил Бакунин был русским аристократом, старшим сыном среди одиннадцати детей. Он недолгое время находился на военной службе, а впоследствии изучал философию в России и за границей. Его первой политической приверженностью был панславизм, но, находясь в эмиграции, он также участвовал в революции 1848–1849 гг. в Германии. Он утвердился на позициях анархизма лишь в начале 1860-х²¹.

Не будем забывать, что Бакунин был главным оппонентом Карла Маркса внутри Первого Интернационала (Международного товарищества рабочих, МТР) и, будучи исключён из него марксистами в 1872 г., создал своё собственное, «подлинное» МТР. Некоторые из испанских последователей Бакунина, в частности Ансельмо Лоренсо, принимали личное участие в борьбе бакунистов внутри Интернационала и в их организации, образовавшейся после раскола²².

По большей части испанские анархисты отстаивали в рабочем движении идеи Михаила Бакунина. Однако, как мы увидим, в некоторых вопросах испанцы отклонялись от его теорий и указаний.

Идеи Бакунина о государстве

Подобно всем сторонникам анархизма, Михаил Бакунин был убеждённым противником государства. Он доказывал: «Оно исторически возникло во всех странах от союза насилия, опустошения и грабежа – одним словом, от войны и завоевания... Оно было с самого своего образования и остаётся ещё и теперь божественной санкцией грубой силы и торжествующей несправедливости»²³.

Далее, говорил Бакунин, «Очевидно, что все так называемые общественные функции государства в действительности представляют не что иное, как решительное и непрерывное отрицание насущнейших интересов отдельных областей, коммун, ассоциаций и огромнейшего числа людей, подчинённых государству. Эти общественные функции представляют нечто отвлечённое, фикцию, ложь, и государство в целом есть подобие обширной бойни или огромного кладбища, где незаметно, в тени, и прикрываясь этим отвлечённым нечто, этой абстракцией, с притворным сокрушением, приносятся в жертву и погибают все лучшие стремления, все живые силы страны»²⁴.

Одним из многих пороков государства, доказывал он, было то, что оно давало начало собственности: «Философы-доктринёры, равно как и юристы и экономисты, предполагают всегда, что собственность создавалась раньше государства, между тем как очевидно, что юридическая идея собственности, точно так же, как и право семейное, юридическая семья, исторически не могли родиться иначе, как в государстве, первым актом коего было неизбежно их установление»²⁵.

Поэтому, заключал Бакунин, «государство было всегда принадлежностью какого-нибудь привилегированного класса: духовного сословия, дворянства или буржуазии; наконец, когда все другие классы истощаются, выступает на сцену класс бюрократов, и тогда государство падает или, если угодно, возвышается до положения машины. Но для существования государства непременно нужно, чтобы какой-нибудь привилегированный класс был заинтересован в его существовании»²⁶.

Даже демократическое государство не свободно от недостатков, присущих ему с самого основания: «Никакое государство, как бы демократичны ни были его формы... не в силах дать народу того, что ему надо, т.е. вольной организации своих собственных интересов снизу вверх, без всякого вмешательства, опеки, насилия сверху, потому что всякое государство, даже самое республиканское и самое демократическое, даже мнимое народное государство, задуманное г. Марксом, в сущности своей не представляет ничего, иного как управление массами сверху вниз, посредством интеллигентного и по этому самому привилегированного меньшинства, будто бы лучше разумеющего настоящие интересы народа, чем сам народ»²⁷.

Всеобщее избирательное право также не даёт никакой защиты от зловласти государства. Бакунин отмечал: «пока избирательное право будет осуществляться в обществе, где народ, рабочая масса экономически подчинены меньшинству, владеющему собственностью и капиталом, насколько бы независимым или свободным ни был или скорее ни казался народ в политическом отношении, выборы никогда не могут быть иными, как призрачными, антидемократическими, и абсолютно противоположными нуждам, инстинктам и действительной воле населения»²⁸.

Испанские сторонники Бакунина следовали за ним в обличении государства. Первый национальный конгресс испанских анархо-синдикалистов, проходивший в Барселоне в июне 1870 г., принял резолюцию, которая провозглашала: «Запечатлённые кровью, достойные похвалы стремления народов к собственному благосостоянию уже имели место в истории; но, будучи постоянно основанными на сохранении государства, все усилия, направленные на осуществление этих целей, оказались бесплодными. Государство не допускает не изменений в системе, ни реформ»²⁹.

Аналогично, так называемый Конгресс в Театре комедии, проведённый Национальной конфедерацией труда в декабре 1919 г., принял Декларацию принципов, которая подтвердила антигосударственную и вообще анархическую позицию движения: «...Принимая во внимание, что тенденция, с наибольшей силой проявившая себя в рабочих организациях всех стран, – это продвижение к полному, всеобщему и совершенному освобождению Человечества в нравственной, экономической и политической сферах, и

считая, что эта цель не может быть достигнута без социализации земли и орудий производства и обмена и без устранения всепоглощающей власти государства... конгресс... в соответствии с сутью заветов Первого Интернационала рабочих, провозглашает, что конечной целью Национальной конфедерации труда Испании является анархический коммунизм»³⁰.

Вплоть до начала Гражданской войны испанские либертарики не переставали осуждать государство и не изменяли своей решимости уничтожить его в первые дни революции. Тем не менее самой парадоксальной, с точки зрения идеологии, уступкой, на которую они пошли в ходе конфликта, было их согласие участвовать сначала в официальном правительстве Каталонии и затем в центральном правительстве Испанской республики. Даже после того, как их устранили из этих высших органов, они продолжали оставаться мэрами и муниципальными советниками и занимали посты на разных уровнях государственного аппарата до самого поражения в Гражданской войне.

Отрицание Бакуниным политических партий

Последовательный в своём полном отрицании государства, Бакунин также был противником любых политических партий: «Неверно... утверждать, что нас не интересует политика. Мы не пренебрегаем политикой, раз мы хотим положительно её убить. Вот существенный пункт, в котором мы расходимся решительным образом с политическими партиями и буржуазно-радикальными социалистами. Их политика состоит в использовании, в реформе и преобразовании политики и государства; тогда как наша политика... это полное уничтожение государства и политики, являющейся необходимым его проявлением... Кто хочет заниматься политикой иначе, чем мы, кто не хочет вместе с нами уничтожения политики, тот должен необходимо творить государственную политику, патриотическую и буржуазную...»³¹.

Бакунин утверждал, что представители рабочих в парламенте государстве перестанут быть революционерами: «...Рабочие депутаты, попавшие в условия буржуазного существования и в атмосферу чисто буржуазных политических идей, фактически перестав быть рабочими, становясь людьми государственными, сделаются буржуями и, быть может, станут буржуазнее самих буржуа»³².

Даже полностью рабочее правительство, вставшее во главе государства, не было бы защищено от подобного давления: «Я без боязни могу высказать убеждение, что если завтра будут установлены правительство и законодательный совет, парламент, состоящие исключительно из рабочих, эти рабочие, которые в настоящий момент являются такими убеждёнными социальными демократами, послезавтра станут определёнными аристократами, поклонниками, смелыми и откровенными или скромными, принципа власти, угнетателями и эксплуататорами»³³.

Испанские анархисты с самого зарождения движения повторяли эти утверждения Бакунина. В 1870 г. первый национальный конгресс испанских анархо-синдикалистов в Барселоне принял резолюцию, провозглашавшую, что «никакое участие рабочего класса в правительственной политике среднего класса неспособно привести к каким-либо результатам, кроме упрочения существующего порядка вещей, что неизбежно парализует революционную социалистическую борьбу пролетариата. Конгресс рекомендует всем секциям Международного товарищества рабочих отказаться от любых действий, которые имеют своей целью совершение общественного преобразования посредством национальных политических реформ...»³⁴

В 1877 г. Испанская федерация Международного товарищества рабочих (МТР) приняла похожую резолюцию следующего содержания: «Считая, что завоевание власти является естественным стремлением всех политических партий и что эта власть не имеет иной цели, кроме защиты экономических привилегий; считая к тому же, что в действительности современное общество делится не на политические партии, а не экономические состояния: эксплуатируемые и эксплуататоры, рабочие и собственники, пролетарии и капиталисты... конгресс заявляет, что он не делает различия между политическими партиями, называют они себя социалистами или нет; все эти партии, без различия, образуют в его глазах реакционную массу, и он убеждён, что его обязанность – сражаться со всеми ними...»³⁵

Однако, хотя в последующие десятилетия анархо-синдикалистские съезды продолжали подтверждать общую оппозицию всем политическим партиям, на практике отношения с левыми партиями, в особенности Социалистической партией, по-прежнему оставались источником противоречий среди испанских либертариев. Чаще всего споры велись вокруг того, следует ли анархистам призывать своих последователей воздержаться от участия в выборах или же позволить им свободно голосовать, за кого они пожелают. Как мы увидим в следующей главе, эта проблема стала особенно острой накануне и после установления Второй республики в 1931 г. Некоторые анархические лидеры в индивидуальном порядке присоединились к коалиции социалистов и республиканцев, стремившейся сбросить монархию в 1930 г.³⁶ Позднее рабочие-анархисты в массе своей были склонны голосовать за левые партии на выборах 1931 г.; их неучастие в 1933 г. в значительной степени предопределило победу правых; и в феврале 1936 г., когда руководство НКТ впервые официально предоставило своим сторонникам право решать, голосовать или нет, несомненно, именно голоса анархистов стали залогом победы Народного фронта.

Проблема приобрела особую остроту в Каталонии в годы Второй республики. Вопрос там сводился к отношениям анархистов с «Левыми республиканцами Каталонии», возглавляемыми Луисом Компанисом. Как и во всей стране, отношение либертариев к каталонским левым неоднократно менялось за пять лет Республики, предшествовавших Гражданской войне³⁷.

Незадолго до войны небольшая группа анархистов, возглавляемая Анхелем Пестаньей, порвала с антипартийными традициями движения и создала свою собственную Синдикалистскую партию. Наконец, одной из важнейших «уступок реалиям», сделанных анархистами во время Гражданской войны, стало фактическое превращение одной из основных составляющих либертарного движения, Федерации анархистов Иберии, в

политическую партию.

Революционная роль организованных рабочих в понимании Бакунина

Упорное противостояние государству и политическим партиям – общая черта всех школ анархизма. Однако отличительной особенностью бакунинского анархо-синдикализма был его особый акцент на революционной роли городских рабочих, пролетариата.

Весьма вероятно, что мысли Бакунина приняли такое направление в результате его длительного общения с Карлом Марксом. Он впервые встретил Маркса в 1847 г. в Париже, где у них шли продолжительные дискуссии и дебаты. Хотя, согласно Максиму Неттлау, Бакунин относился к Марксу «крайне неприязненно» и «окончательно порвал» с ним в начале 1848 г., много лет спустя он называл Маркса «прославленным вождем немецкого коммунизма», а его «Капитал» – «великолепной работой»³⁸.

Бесспорно, в своём анализе эволюции капитализма Бакунин использовал многие ключевые положения марксовской критики. Он настаивал, что экономический фактор в обществе всегда является определяющим³⁹, что нищета рабочего класса при капитализме непрерывно возрастает⁴⁰, что мелкие капиталисты стремительно и безвозвратно исчезают⁴¹, что существует железный закон заработной платы⁴² и что классовая борьба является неизбежной⁴³.

Точно так же, он соглашался с Марксом в том, что городской рабочий класс является подлинным революционным элементом в современном обществе. Однако он давал собственную интерпретацию этой темы:

“ «Государства сами не валятся; их может только повалить всенародная и всеплеменная, интернациональная Социальная Революция. Организовать народные силы для совершения такой революции – вот единственная задача людей, искренно желающих освобождения...»

“ «...Инициатива нового движения будет принадлежать народу... на Западе – фабричным и городским рабочим; у нас, в России, в Польше и в большинстве славянских земель – крестьянам...»

«Но, чтобы крестьяне поднялись, нужно непременно, чтобы почин революционного движения взяли на себя городские рабочие, потому что только эти последние соединяют в себе в настоящий момент инстинкт, ясное сознание, идею и осознанную волю социальной революции. Следовательно, вся опасность, угрожающая существованию государств сосредоточена в данный момент исключительно в городском пролетариате»⁴⁴.

Бакунин утверждал, что рабочие усваивают революционные идеи из личного опыта, в профессиональных союзах и солидарных действиях:

“ «Рабочие каждого ремесла и каждой страны, с одной стороны, благодаря материальной и моральной поддержке, которую они в периоды борьбы находят у рабочих всех других ремёсел и всех других стран и, с другой стороны, благодаря осуждению и систематической и злобной оппозиции, которые они встречают не только со стороны своих собственных хозяев, но также и хозяев наиболее чуждых им отраслей промышленности, со стороны всей буржуазии, приходят к полному сознанию своего положения и главных условий своего освобождения. Они видят, что социальный мир в действительности разделён на три главные категории: 1. бесчисленные миллионы эксплуатируемых рабочих; 2. несколько сот тысяч эксплуататоров второго и даже третьего разряда; и 3. несколько тысяч или самое большее несколько десятков тысяч крупных хищников, разжиревших капиталистов, которые, эксплуатируя непосредственно вторую категорию и косвенным образом, посредством последней, первую категорию, загребают в свои огромные карманы, по крайней мере, половину прибыли, получаемой от коллективного труда всего человечества».

На основании этого наблюдения Бакунин делал вывод, что рабочий «не может не понять вскоре, что, если существует для него какое-нибудь средство спасения, то этим средством может быть только установление и организация самой тесной практической солидарности между пролетариями всего мира, без различия ремёсел и стран, в борьбе против эксплуатирующей буржуазии»⁴⁵.

И в итоге, доказывал Бакунин, пролетарская солидарность должна привести к революции. Как он говорил, эта солидарность

«производит всё остальное, – так как все самые высокие и самые разрушительные принципы Интернационала, наиболее подрывающие основы религии, юридического права и государства, власти, как божеской, так и человеческой, наиболее революционные, одним словом, с социалистической точки зрения, являются лишь естественным, необходимым

развитием этой экономической солидарности. И огромное практическое преимущество профессиональных секций... состоит именно в том, что это развитие, эти принципы доказываются рабочим не теоретическими рассуждениями, а живым и трагическим опытом борьбы, которая становится с каждым днём все шире, глубже и ужаснее: так что наименее развитой рабочий, наименее подготовленный, наиболее мягкий, толкаемый постоянно вперёд самими последствиями этой борьбы, начинает признавать себя революционером, анархистом и атеистом, часто не зная сам, как он им сделался»⁴⁶.

Тайное общество бакунистов – Альянс социалистической демократии и ФАИ

У Бакунина особую роль в этом процессе развития пролетарской солидарности и её перерастания в революцию получала

“ «аристократия не положения, а убеждения, революционного сознания и разумной, энергической страсти и воли... Они лучшие люди, не только в классе рабочем, но в целом обществе... Им бы не стоило ничего возвыситься над своим собственным классом, сделаться членами касты буржуазной... [но] они не хотят. Они проникнуты солидарною страстью и не понимают свободы и счастья иначе, как вместе со всеми миллионами поработённых человеческих братьев. Такие люди, естественным образом и сами того не ища, пользуются огромным обаятельным влиянием на массы работников. Присоедините к этому разряду работников разряд деятелей из буржуазного класса, вполне оторвавшихся от него и всецело отдавшихся великому делу освобождения пролетариата, и вы получите то, что мы называем полезною и благодетельною аристократиею в интернациональном рабочем движении»⁴⁷.

Можно предположить, что, по мнению Бакунина, Альянс социалистической демократии, организованный им в 1868 г., состоял из подобной «аристократии». Джордж Эзенвейн отмечал: «Бакунин верил, что создание тайной группы преданных радикалов внутри Интернационала было абсолютно необходимо, чтобы поддерживать его революционную ориентацию. Альянс так таковой должен быть служить средством превращения Интернационала – и всех народных масс вне его – в силу, способную успешно разрушить капиталистическую систему»⁴⁸. Пол Аврич добавляет:

“ «...Нападая на революционную диктатуру, Бакунин в то же время намеревался создать собственное тайное общество заговорщиков, со “строгой иерархией и безоговорочным повиновением”. Более того, эта

подпольная организация должна была сохраниться даже после того, как совершится революция, чтобы предотвратить установление какой-либо “официальной диктатуры”. Таким образом, Бакунин совершил тот самый грех, который он столь сурово обличал у других. Он сам был одним из авторов идеи о революционной партии, прочно спянной слепым повиновением революционному диктатору, партии, которую он однажды сравнил с орденом иезуитов... Его цели вели к свободе, но его средства – создание подпольной партии – вели к диктатуре»⁴⁹.

Хотя Альянс социалистической демократии официально был распущен, по условиям принятия бакунистов в Первый Интернационал, его отделение в Испании сохранялось в течение нескольких лет после ликвидации бакунинской группы как международной организации. Его руководителями, согласно Джорджу Эзенвейну, были врач Хосе Гарсия Виньяс и гравёр Томас Гонсалес Мораго⁵⁰. Альянс был весьма активен в Испанской региональной федерации, анархическом профессиональном объединении начала 1870-х, и, видимо, продолжал существовать до начала 1880-х.

Анархическое движение городских рабочих в Испании в целом соглашалось с Бакуниным в том, что профсоюз является основой революционной организации. Однако оно периодически разрывалось между повседневными нуждами профсоюзной борьбы ради получения немедленных выгод и своей приверженностью конечной цели всеобщей революции.

В течение большей части истории испанского анархического рабочего движения в нём существовали группы активистов, обыкновенно называвшиеся «группами единомышленников», которые видели свою миссию в наблюдении за тем, чтобы профсоюзы оставались верны революционной идее. В конце 1920-х эти группы объединились в Федерацию анархистов Иберии (ФАИ), и последующая борьба между фаистами и теми, кого первые обвиняли в «реформизме», вызвала противоречия и раскол в анархическом рабочем движении Второй республики, преодоленный лишь за два месяца до начала Гражданской войны.

Хотя можно обнаружить некоторое сходство между бакунинским замыслом тайного революционного общества и ФАИ, имелись и существенные различия. «Группы единомышленников», бывшие основными ячейками Федерации анархистов Иберии до Гражданской войны, пользовались широкой автономией. Внутри ФАИ не существовало той иерархической дисциплины, которой требовал Бакунин, и конечно, в этой организации не было никакого «революционного диктатора».

Бакунин и формы профессиональной организации

Существовал один вопрос, в котором испанские анархисты довольно поздно приняли позицию Бакунина, и другой, в котором они её отвергали. Это были вопросы организации национальных отраслевых союзов и создания профсоюзных забастовочных фондов.

Бакунин рисовал развитие рабочих организаций как движение от создания союза рабочих в отдельной «мастерской» к объединению всех союзов отдельной профессии или отрасли производства в одной стране, затем к международной организации союзов отдельной отрасли экономики и в конечном счёте к вступлению всех этих международных организаций в Международное товарищество рабочих⁵¹.

Бакунин, по-видимому, не делал различия между узкопрофессиональным (цеховым) и отраслевым (производственным) союзом, используя слова «профессия» (*métier*) и «отрасль» (*industrie*) как взаимозаменяемые. Тем не менее он недвусмысленно высказался в пользу создания национальных союзов рабочих особой категории. Испанские анархисты не спешили согласиться с этим мнением.

Только после провозглашения Второй республики Национальная конфедерация труда одобрила план образования национальных отраслевых союзов (федераций). Однако вопрос о создании отраслевых союзов местного уровня обсуждался ещё в декабре 1919 г. на конгрессе в мадридском Театре комедии. Как пишет Комин Коломер: «Было предложено сформировать единые союзы отраслей или производств в крупных населённых центрах и единые союзы рабочих в небольших городских поселениях, прежняя система федераций, таким образом, исчезала...» Согласно ему, в пользу таких «единых синдикатов» было подано 681 437 голосов из общего количества 714 028 зарегистрированных⁵². Каждый делегат имел в своём распоряжении столько голосов, сколько членов организации он или она представляли.

Тем не менее создание национальных союзов (или федераций) долгое время оставалось предметом споров. Одна из первых анархо-синдикалистских национальных организаций, Испанская региональная федерация Международного товарищества рабочих, на своём конгрессе в Севилье в 1882 г. объявила, что её основными единицами являются «профессиональная секция», «местная федерация», «комаркальные (окружные) федерации» и «союзы близких профессий». Организации последнего типа определялись как «состоящие из всех профессиональных федераций, существующих в регионе... Союзы эти по преимуществу технические...»⁵³

Но когда, спустя почти тридцать лет после Севильского конгресса, была организована Национальная конфедерация труда, у неё не было подобных дочерних национальных структур, организованных по профессиям или отраслям. Она была организована на основе местных союзов (по преимуществу узкопрофессиональных), объединённых на муниципальном уровне, эти муниципальные группы затем соединялись в провинциальные федерации, которые составляли более крупные федерации Каталонии, Леванта и других частей Испании и, в конечном счёте, формировали НКТ.

Однако с самого основания НКТ некоторые видные анархические деятели призывали к созданию отраслевых союзов на местном уровне и их федераций на общеиспанском уровне.

К примеру, Пальмиро Марбá, анархический публицист, обычно писавший под псевдонимом Фрюктидор, ещё в 1911 г. с одобрением цитировал аргументы французского синдикалиста Жоржа Ивто:

«Национальная профессиональная федерация объединяет все союзы одной профессии, как, например, механиков – в Федерации механиков; как союзы маляров и т.д., и т.п.

Национальная отраслевая федерация объединяет все союзы рабочих металлургии в Федерацию рабочих металлургии; все союзы строителей – в Федерацию строителей...

Легко понять, что отраслевая федерация займёт место профессиональной. Почему? Прежде всего, потому, что промышленность с помощью машин настолько упростила развитие вещей, что рабочие-умельцы стремительно вытесняются индустриальными рабочими... Да и с организационной точки зрения, рабочим в небольшом городе гораздо логичнее будет создать, к примеру, союз строителей, включающий в себя каменщиков, плотников, маляров, стекольщиков и др., чем создавать отдельные союзы для 16 каменщиков, 15 плотников и 12 маляров...»⁵⁴

Но лишь на Чрезвычайном конгрессе НКТ в июне 1931 г. бакунинская идея об организации рабочих в национальном масштабе по отраслям была, наконец, принята, по крайней мере формально, 342 303 голосами против 90 671. Резолюция по этому вопросу гласила:

«...Национальная отраслевая федерация имеет своим назначением сплотить все союзы отрасли, которую она представляет, и координировать их действия в техническом, экономическом и профессиональном отношении, при этом ей не позволено вторгаться в другие сферы профсоюзной деятельности общего характера, которые полностью входят в компетенцию синдикатов и неотраслевых федеральных и конфедеральных организаций»⁵⁵.

Бакунин о забастовочных фондах

Но, хотя испанские анархисты в итоге приняли бакунинскую модель организации, они никогда не разделяли его одобрительного отношения к забастовочным фондам (caisses de résistance). Бакунин писал: «“Освобождение рабочих есть дело самих рабочих”, – сказано в предисловии к нашим общим статутам. Это тысячу раз правда. Это главная основа нашего Союза. Но рабочие в большинстве случаев невежественны, они ещё пока совершенно не владеют теорией. Следовательно, им остаётся только один путь, путь практического освобождения. Какова же может и должна быть эта практика? Существует только одна: это – солидарная борьба рабочих против хозяев. Это... организации и федерации касс сопротивления»⁵⁶.

Испанские анархо-синдикалисты не поддерживали мнение Бакунина по этому вопросу. Их позицию чётко выразил Пальмиро Марба, который вскоре после создания НКТ писал: «Забастовочные фонды потерпели неудачу... у рабочих, следовательно, остался лишь один ресурс, самый мощный и самый эффективный: солидарность, или взаимная поддержка в борьбе... Забастовочный фонд... совершенно бесполезен для современной борьбы. При использовании подобного устарелого средства конфликты затягиваются до бесконечности, и работодатели побеждают; их ресурсы всегда превосходят те, которыми могут

коллективно обладать рабочие. Напротив, следуя путём солидарности, они приобретают мощнейший ресурс для победы... солидарность должна быть активной и оперативной»⁵⁷.

Поддержка кооперативов Бакуниным

Другой идеей, которую Бакунин поддерживал, а большинство испанских анархистов – нет, было создание рабочих кооперативов.

“Давайте организоваться и расширять наше Товарищество, но в то же время давайте не забывать о его укреплении, чтобы наша солидарность, в которой состоит вся наша сила, становилось всё более действенной день ото дня... Давайте сплотим наши силы в общих предприятиях, чтобы сделать существование несколько более терпимым и менее трудным; давайте создавать, повсюду и при любой возможности, потребительские и производственные кооперативы и общества взаимного кредита, которые хотя и неспособны, при наличных условиях, служить для нас подходящим и надёжным средством освобождения, но имеют важность ввиду того, что они на практике обучают рабочих управлению экономикой и культивируют драгоценные ростки организации будущего»⁵⁸.

Первые испанские анархисты также одобряли идею потребительской кооперации. На конгрессе Испанской секции МТР в апреле 1872 г. была принята резолюция, наметившая в общих чертах устав «федерации потребительских кооперативов, что будет способствовать освобождению рабочих, ослабляя эксплуатацию, которой они подвергаются, вследствие алчности среднего класса в торговле предметами первой необходимости, из-за фальсификации, завышенных цен и мошенничества с весами и мерами»⁵⁹.

Однако многие из последующих испанских анархистов в лучшем случае скептически относились к кооперативам, как производственным, так и потребительским. Так, Пальмиро Марба, писавший приблизительно в начале Первой мировой войны, удостоил потребительские кооперативы весьма сдержанной похвалы, процитировав с одобрением следующий отзыв: «Потребительская кооперация дала скромные результаты, оказавшись полезной для публичного объединения значительного числа рабочих». Но он полностью раскритиковал производственные кооперативы, говоря, что они «лишь немного увеличили количество буржуа и немного уменьшили количество [их] песет»⁶⁰.

Но среди испанских анархистов нашёлся один, который был полон веры в кооперативы, – Хуан Пейрó. Он участвовал в организации и руководил стеклодельным производственным кооперативом в Матарó, недалеко от Барселоны, где он работал с 1923 г. до конца Гражданской войны, кроме семи месяцев, когда он был министром в правительстве Ларго Кабальеро.

Пейро поддерживал и потребительские кооперативы: «...Как в капиталистическом обществе торговля по своему значению сравнима с промышленностью и сельским хозяйством... распределение продуктов в будущем обществе должно будет приобрести значение, сравнимое с организацией производства... поскольку организованное распределение будет служить ориентиром для людей с первого момента революции, в той степени, в какой оно затрагивает распределение продовольствия... и поскольку, более того, кооператив неизбежно должен стать средством распределения в новом обществе, избавленном от капитализма и государства»⁶¹. Он также видел в кооперативах источник финансирования «рационалистических» школ в ожидании революции⁶².

Но, добавлял Пейро, «очевидно, что кооперативизм, который мы поддерживаем, не есть тот ограниченный, эгоистический, дегенеративный кооперативизм, популярный сегодня. Мы полагаем, что кооперативизм, ограничивающий свои цели устранением посредников, кредитом и помощью в случае стачки, безработицы или болезни и распределением дивидендов, представляет собой нечто убогое, не дающее надежды на освобождение...»⁶³

С началом Гражданской войны испанские анархисты создали множество потребительских кооперативов в районах, где они пользовались влиянием. Большинство сельских коллективов в Арагоне и других регионах, где следовавшие за анархистами крестьяне захватили землю, организовали кооперативы того или иного типа. Кроме того, они также были созданы во многих городских промышленных коллективах, чтобы содействовать распределению товаров между рабочими.

Бакунин о пути к победе

Для Бакунина стачка была главным инструментом осуществления революции. Каждая забастовка по существу была школой революции, и кульминацией этого процесса должна была стать всеобщая стачка:

«Каждая стачка ещё тем драгоценна, что она расширяет и углубляет всё более и более пропасть, отделяющую уже ныне везде класс буржуазный от массы народной; что она самым ощутимым образом доказывает работникам абсолютную несовместимость их интересов с интересами капиталистов и собственников тем, что, уничтожая таким образом в самом сознании масс, ныне эксплуатируемых и поработённых капиталом и собственностью, возможность всяких компромиссов и сделок, уничтожая в корне всё, что мы называем социализмом буржуазным, она ставит дело народного освобождения вне всех политических и экономических комбинаций имущих сословий. Нет лучшего средства, чтоб вырвать работников из-под политического влияния буржуазии, чем стачка... Да, стачки великое дело: они создают, размножают, организуют и образуют рабочее войско – но войско, которое должно побороть и сломить буржуазно-государственную силу и приготовить широкую и свободную почву для мира нового»⁶⁴.

И актом, венчающим революцию, должна была стать всеобщая стачка: «Когда стачки начинают расти в количестве и силе, распространяясь от места к месту, это означает, что назревает всеобщая стачка, и если всеобщая стачка случится в настоящее время, сейчас,

когда пролетариат глубоко проникнут идеями освобождения, она может привести только к великому потрясению, которое переродит общество. Несомненно, мы ещё не достигли этого пункта, но всё ведёт к нему. Необходимо лишь, чтобы люди были наготове, чтобы они не позволяли себе отвлекаться от дела на болтунов, пустозвонов и мечтателей...»⁶⁵

Испанские анархо-синдикалисты соглашались с Бакуниным в оценке значения как стачек отдельных групп рабочих, так и всеобщей стачки. Однако уже первые испанские анархисты поняли на собственном опыте, что революционную всеобщую стачку нельзя подготовить на скорую руку. Так, Томас Гонсалес Мораго писал в 1873 г., что подобная забастовка требует «длительного периода подготовки и пропаганды, предшествующего ей, и последнее составляет фундаментальную непосредственную задачу движения»⁶⁶.

Хотя по поводу полезности частных стачек возникали споры, они также в целом поддерживались испанскими анархистами. Типичным был комментарий Пальмиро Марба: «Частные стачки являются... упражнением, здоровой школой, которая закаляет пролетариат, подготавливая его к решающей борьбе, которая выразится в революционной всеобщей стачке...»⁶⁷

Учредительный конгресс Национальной конфедерации труда в 1910 г., после резолюции, говорившей, что организация ставит своей целью «приблизить общую экономическую эмансипацию всего рабочего класса посредством революционной экспроприации буржуазии, как только синдикализм окажется достаточно сильным в численном и интеллектуальном отношении, чтобы осуществить данную экспроприацию... и подготовить рабочих к последующему управлению производством», принял другую резолюцию, о всеобщей стачке. Этот документ утверждал: «Всеобщую стачку следует объявлять не для того, чтобы добиться увеличения заработной платы или незначительного сокращения рабочего дня, но лишь для того, чтобы достичь полного преобразования... Стачка будет всеобщей в подлинном смысле слова, когда рабочие целой страны одновременно сложат свои инструменты»⁶⁸.

Бакунинское видение анархического общества По разным поводам Бакунин высказывал – хотя и в довольно общих понятиях – свои предложения по анархической реорганизации общества. Можно привести три подобных примера. В одном случае он писал:

«Все классы... должны исчезнуть в социальной революции, за исключением двух масс, городского и сельского пролетариата, которые станут собственниками, вероятно коллективными, – в разных формах и в разных условиях, определённых в каждой местности, в каждой области и каждой коммуне... один собственником капиталов и орудий производства, другой – земли, которую он обрабатывает своими руками; оба организуются, побуждаемые своими потребностями и взаимными интересами, одинаковым способом и в то же время совершенно свободно, необходимо и естественным образом взаимно уравновешивая друг друга».

«[Общество должно быть организовано] путём свободной федерации снизу вверх рабочих союзов, как индустриальных, так и земледельческих, как научных, так и союзов работников искусства и литературы, сначала в коммуну, потом федерации коммун в области, областей в

нации и наций в международный братский союз»⁶⁹.

В другом месте Бакунин перечислил пять характерных признаков анархического общества:

«Упразднение права наследственной собственности.

Уравнение прав женщины, как политических, так и социально-экономических, с правами мужчины; следовательно, хотим уничтожения семейного права и брака, как церковного, так и гражданского, неразрывно связанного с правом наследства...

Земля принадлежит только тем, кто её обрабатывает своими руками – земледельческим общинам. Капиталы и все орудия труда – работникам, рабочим ассоциациям.

Вся будущая политическая организация должна быть ничем другим, как свободною федерацией вольных рабочих – как земледельческих, так и фабрично-ремесленных артелей (ассоциаций).

И потому, во имя освобождения политического, мы хотим прежде всего окончательного уничтожения государства, хотим искоренения всякой государственности со всеми её церковными, политическими, военно- и граждански-бюрократическими, юридическими, учёными и финансово-экономическими учреждениями»⁷⁰.

В несколько иной форме Бакунин представил те же основные положения ещё в одном тексте:

«1) Уравнение политическое, экономическое и социальное всех классов и всех людей, живущих на земле.

2) Уничтожение наследственной собственности.

3) Передача земли в пользование сельскохозяйственным ассоциациям, а капитала и всех орудий производства – индустриальным ассоциациям работников.

4) Уничтожение отцовского, семейного права, то есть деспотической власти мужа и отца, основанной исключительно на праве наследственной собственности, а также уравнения женщины с мужчиной в правах политических, экономических и социальных.

5) Содержание, воспитание и образование всех детей обоего пола до достижения ими совершеннолетия за счёт общества, причём обучение, научное и промышленное, включая сюда и все отрасли высшего преподавания, должно быть равное и обязательное для всех»⁷¹.

Первые испанские анархисты в целом разделяли бакунинские представления о послереволюционном анархическом обществе. Одна из первых деклараций в таком духе была принята в 1872 г. на Сарагосском конгрессе Испанской федерации МТР. Интересно, что её соавторами были Ансельмо Лоренсо и Поль Лафарг, зять Карла Маркса, который сыграл ведущую роль (хотя и являлся французом) в создании марксистской партии в Испании.

Сарагосский документ провозглашал:

«Все неисчислимы средства труда, ныне сосредоточенные в немногих праздных руках, завтра же могут быть преобразованы революционной силой и немедленно переданы в распоряжение рабочих, которые сделают их производительными. Эти рабочие, не иначе, как организовавшись в ассоциацию, если они ещё не имеют её, и предоставив необходимые гарантии местным советам, вступят в полное владение средствами производства... Наши местные советы, ставшие законными представительствами всех производителей и преобразованные в административные советы, будут ответственными перед окружными советами во всём, что касается коллективных интересов; те будут ответственными перед региональными советами, а те, в свою очередь, перед международным, образуя подлинную экономическую федерацию...»

В этой резолюции также был пассаж, особенно интересный в свете того, что фактически было реализовано некоторыми союзами НКТ в Барселоне и других местах после 19 июля 1936 г. Там говорилось: «Имеющиеся небольшие мастерские: швейные, сапожные, плотницкие, шляпные и т.д.... могут быть учтены и временно переведены в церкви и дворцы знати... где рабочие, организованные в общество, могли бы получать полный продукт своей работы, не оставляя ничего на долю буржуа»⁷².

Много лет спустя анархический публицист Пальмиро Марба представил свою вариацию бакунинской послереволюционной организации общества и экономики, предвещая то, что впоследствии стало проблемой для испанских анархо-синдикалистов во время Гражданской войны. Он поставил вопрос об отношениях между группой рабочих на отдельно взятом предприятии и более крупным союзом, в который они входили. Марба писал:

«После всеобщего и окончательного перехода... рабочие союзы овладеют своими средствами труда, и они продолжат функционировать соответственно их назначению. Железнодорожные союзы будут заведовать всем, что относится к транспортным магистралям; союзы почт и телеграфов – всем, что касается средств связи; союзы учителей – всем, что связано с преподаванием; союзы инженеров и архитекторов будут заботиться обо всём, что затрагивает строительный сектор... врачи, в пределах своей компетенции, будут заботиться об общей гигиене и здравоохранении; сельскохозяйственные союзы будут распоряжаться землёй, пригодной для обработки... и то же самое будет распространяться на союзы прочих отраслей и профессий»⁷³.

Представляется, что Марба, который, как мы помним, был ярым сторонником создания национальных отраслевых союзов, отводил этим объединениям ключевую роль в реорганизации экономики. Хотя Марба не упоминает в своём рассуждении «Индустриальных рабочих мира» (ИРМ) – и по некоторым признакам можно судить, что он был не слишком хорошо информирован о них к моменту написания книги,⁷⁴ – это описание послереволюционной экономики кажется более близким к представлениям ИРМ, чем к концепции Бакунина.

«Индустриальные рабочие мира» предлагали объединить рабочих в восемь крупных национальных промышленных союзов, которые будут вести борьбу против капитализма до

революции и станут основой реорганизации экономики после неё⁷⁵.

Хосе Пейратс, испанский анархический историк, говорил, что те, кто одобрял контроль со стороны национальных отраслевых союзов в промышленности, были вдохновлены ИРМ, а также идеями немецких и шведских анархо-синдикалистских союзов⁷⁶. Шавьер Паньягуа утверждал, что испанские защитники роли национальных союзов в управлении послереволюционной экономикой испытали влияние в особенности французского анархо-синдикалиста Пьера Бенара, который дал детальный анализ анархо-синдикальной формы либертарного коммунизма⁷⁷.

Бакунин о крестьянах как союзниках пролетариата Как мы уже отмечали, Бакунин чувствовал, что даже там, где общество оставалась по преимуществу крестьянским, городской пролетариат неизбежно возьмёт на себя инициативу в осуществлении анархического преобразования общества. Однако он с не меньшей настойчивостью повторял, что крестьяне являются естественными союзниками городских рабочих, и неоднократно напоминал, что последние не должны пытаться доминировать над крестьянском или что-либо навязывать ему.

Отношение Бакунина к тому, как следует вовлечь крестьянство в революцию, вытекает из его общего убеждения, что революция должна быть вдохновлена, а не навязана. Он задавал вопрос: «Что же должны делать революционные власти, – и постараемся, чтобы их было как можно меньше, – что должны они делать, чтобы расширить и организовать революцию?» – и отвечал на него так: «Они должны не сами делать её, путём декретов, не навязывать её массам, а вызвать её в массах. Они должны не навязывать им какую-нибудь организацию, а вызвать их автономную организацию снизу вверх...»⁷⁸

Бакунин признавал, что современные ему крестьяне одержимы мыслью получить земельный участок в личную собственность. Он предупреждал: «...Нужно установить революционную линию поведения, обходящую трудность и которая не только помешала бы индивидуализму крестьян толкнуть их в сторону реакции, но, наоборот, воспользовалась бы им для торжества революции»⁷⁹.

Из этого Бакунин заключал: «Так как нельзя навязать революцию деревням, нужно произвести её в деревнях, вызвав революционное движение среди самих крестьян, толкая их к разрушению собственными руками существующего общественного порядка, всех политических и гражданских институтов и к созданию, к организации в деревнях анархии»⁸⁰.

Хотя он признавал, что подобное развитие событий могло вызвать гражданскую войну в сёлах, Бакунин убеждал: не стоит бояться,

«что крестьяне, раз их перестанут сдерживать общественная власть и уважение к уголовному и гражданскому праву, перегрызут друг другу горло. Быть может, они попробуют это сделать в первое время, но они не замедлят убедиться в материальной невозможности продолжать в том же направлении, и тогда они постараются закончить распри, сговориться и сорганизоваться между собою. Потребность есть и кормить своих

детей и, следовательно, необходимость обезопасить свои дома, семьи и свою собственную жизнь от непредвиденных нападений – всё это неизбежно и скоро заставит их как-нибудь устроиться между собой»⁸¹.

Проблема насильственной коллективизации крестьян имела большое значение для испанских анархистов во времена Гражданской войны. Хотя в нескольких частях республиканской Испании крестьяне проявили большую активность в создании коллективов, противники анархистов – и несколько более или менее беспристрастных наблюдателей – утверждали, что арагонские милиционные колонны, набранные из числа городских рабочих-анархистов, в особенности барселонских, принудительно проводили коллективизацию в некоторых районах, когда половина этого региона была отвоёвана у сил Франко. Конечно, страх перед анархической коллективизацией стал главным фактором, который позволил коммунистам создать сильную крестьянскую федерацию в районе Валенсии, состоявшую в основном из тех, кто в прошлом поддерживал правые партии.

Философские основы анархизма Петра Кропоткина

Вторым великим иностранным теоретиком, чьё влияние широко ощущалось среди испанских анархистов, был Пётр Кропоткин. Нельзя считать чем-то особенным комментарий Фиделя Мирó, возглавлявшего во время Гражданской войны «Либертарную молодёжь», что Кропоткин был его «первым теоретиком»⁸².

Кропоткин, как и Бакунин, происходил из русских аристократов. Он был армейским офицером и провёл пять лет на военной службе в Восточной Сибири. Имея естественнонаучное образование, он потратил бóльшую часть этого времени на изучение географии, геологии, флоры и фауны этой части Российской империи. Вернувшись в Санкт-Петербург, он получил приглашение на должность секретаря Географического общества Российской академии наук, но отклонил его.

Сделавшись революционером и затем анархистом, Кропоткин вскоре был вынужден эмигрировать и около сорока лет провёл в Западной Европе, в частности в Англии. После революции 1917 года в России он наконец получил возможность вернуться домой, но вскоре был глубоко разочарован режимом большевиков. Он умер в 1921 г.⁸³.

Хотя Кропоткин соглашался с Бакуниным в его осуждении государства, закона, религии и существующей системы образования, он не делал акцента на роли пролетариев как ведущей революционной силы или профсоюзов как главного двигателя преобразований.

Кроме того, философские основы, с которых начинал свои рассуждения Кропоткин, заметно отличались от бакунинских. Герберт Рид, видный британский анархист следующего поколения, писал: «Кропоткин придал новое направление и последовательность доктрине, которая, хотя и была старой, как сама философия, всё же не находила выражения в понятиях современной науки и мысли»⁸⁴. Рид добавлял: «Не было ни одного аспекта

социологии, который Кропоткин не изучил бы с научной доскональностью: система землевладения, методы обработки земли, жилищный вопрос, здравоохранение, образование, преступление и наказание, эволюция государства...»⁸⁵

Отправной точкой анархической философии Кропоткина стало его понятие «взаимопомощи», в которой он видел фундаментальный принцип не только всего животного царства, но и самого человечества. Он открывает свою книгу по данной теме замечанием, что в своих путешествиях по Сибири он нигде не встречал «той ожесточённой борьбы за средства существования среди животных, принадлежащих к одному и тому же виду, которую большинство дарвинистов (хотя не всегда сам Дарвин) рассматривали как преобладающую характерную черту борьбы за жизнь и как главный фактор эволюции»⁸⁶.

И при этом он не считал, что правило «выживает наиболее приспособленный» в формулировке Герберта Спенсера и других применимо к человечеству. Кропоткин писал: «Когда... внимание моё было привлечено к отношениям между дарвинизмом и социологией, я не мог согласиться ни с одной из многочисленных работ, так или иначе обсуждавших этот чрезвычайно важный вопрос. Все они пытались доказать, что человек, благодаря своему высшему разуму и познаниям, может смягчать остроту борьбы за жизнь между людьми; но все они в то же самое время признавали, что борьба за средства существования каждого отдельного животного против всех его сородичей, и каждого отдельного человека против всех людей, является “законом природы”. Я, однако, не мог согласиться с этим взглядом, так как убедился раньше, что признать безжалостную внутреннюю борьбу за существование в пределах каждого вида и смотреть на такую войну как на условие прогресса – значило бы допустить и нечто такое, что не только ещё не доказано, но и прямо-таки не подтверждается непосредственным наблюдением»⁸⁷.

Кропоткин начинает своё исследование взаимной помощи с рассмотрения её проявлений среди животных: «Едва только мы начинаем изучать животных... как тотчас же мы замечаем, что хотя между различными видами, и в особенности между различными классами животных, ведётся в чрезвычайно обширных размерах борьба и истребление, – в то же самое время, в таких же, или даже в ещё больших, размерах наблюдается взаимная поддержка, взаимная помощь и взаимная защита среди животных, принадлежащих к одному и тому же виду или, по крайней мере, к тому же сообществу... Если прибегнуть к косвенной проверке и спросить природу: “Кто же оказывается более приспособленным: те ли, кто постоянно ведёт войну друг с другом, или же, напротив, те, кто поддерживает друг друга?” – то мы тотчас увидим, что те животные, которые приобрели привычки взаимной помощи, оказываются, без всякого сомнения, наиболее приспособленными»⁸⁸.

То же самое, доказывал Кропоткин, верно в отношении человеческого вида. Хотя он говорит: «Общество в человечестве зиждется вовсе не на любви и даже не на симпатии», – далее он продолжает: «Оно зиждется на сознании – хотя бы инстинктивном – человеческой солидарности... Оно зиждется на бессознательном или полуосознанном признании силы, заимствуемой каждым человеком из общей практики взаимопомощи; на тесной зависимости счастья каждой личности от счастья всех; и на чувстве справедливости или беспристрастия, которое вынуждает индивидуума рассматривать права каждого другого как равные его собственным правам. На этой широкой и необходимой основе развиваются ещё более

высокие нравственные чувства»⁸⁹.

После рассуждений о взаимной помощи среди «дикарей», «варваров» и в средневековом городе, Кропоткин посвящает две главы взаимной помощи в современном обществе. Он утверждает, что, несмотря на централизаторские тенденции государства, взаимопомощь продолжает проявлять себя во многих формах. Он особо подчёркивает постоянный характер взаимопомощи в сельской общине, но также видит её в рабочем союзе и других «свободных ассоциациях для различных целей»⁹⁰.

Коммуналистский анархизм Кропоткина

Кропоткинский взгляд на общину, а не профсоюз, как центр предреволюционной агитации и послереволюционной реконструкции общества положил начало тому, что лучше всего будет обозначить как коммуналистскую школу анархической мысли. Сам Кропоткин однажды назвал свои идеи о природе будущего анархического общества «коммуналистскими»⁹¹. Хотя Кропоткин не давал подробных и точных разъяснений о природе послереволюционного общества, в разных работах он наметил основные его контуры. Так, в книге «Современная наука и анархия» он пишет: «Свободная община – такова политическая форма, которую должна будет принять социальная революция. Пускай вся страна, пускай все соседние страны будут против такого образа действий, но раз жители данной общины и данной местности решат ввести обобществление потребления предметов, необходимых для удовлетворения их потребностей, а также обобществление обмена этих продуктов и их производства – они должны осуществить это сами».

Кропоткин продолжает: «Больше того. Мы также считаем, что если не нужно центральное правительство, чтобы приказывать свободным общинам, если национальное правительство уничтожается и единство страны достигается помощью свободной федерации общин, – в таком случае таким же лишним и вредным является и центральное городское управление... Федеративный принцип... вполне достаточен, чтобы установить внутри общины согласие...»⁹²

Существенной деталью в кропоткинском коммуналистском подходе к анархическому переустройству общества было требование, чтобы коммуна одновременно участвовала в сельскохозяйственном и промышленном производстве. В своих «Полях, фабриках и мастерских» Кропоткин пишет: «Нравственные и материальные выгоды, которые произойдут от совмещения земледелия с ремеслом, не подлежат ни малейшему сомнению. Препятствие к этому заключается в централизации современной промышленности. Централизация, как в политике, так и в промышленности, имеет множество сторонников...»⁹³

Хотя он признаёт, что некоторые производства, например кораблестроение, «вызывают к жизни в окрестностях разные мастерские и фабрики», он спрашивает, «почему... при рациональной организации общества должен Лондон оставаться центром торговли джемом

и делать зонты на всю Великобританию? Почему мелкое производство должно быть непременно сосредоточено в Уайтчепеле, а не рассеяно по всей стране?»⁹⁴

Кропоткин заключает: «Как скоро явится возможность преобразовать наши современные условия, нам следует прежде всего озаботиться распространением промышленности по всей стране, то есть переместить фабрики в деревни и извлекать из земледелия все те выгоды, которые оно всегда может дать в соединении с промышленностью... Этот шаг является необходимостью при производстве товаров для внутреннего потребления; он необходим вследствие потребности каждого здорового человека провести часть времени за ручным трудом на свежем воздухе...»⁹⁵

В другом месте той же книги Кропоткин рисует предполагаемую картину той смешанной сельскохозяйственно-промышленной коммуны, за которую он выступал. Взяв группу из 200 семей по 5 человек каждая, размещённую на 1000 акров (около 400 га) земли, он признаёт, что если бы каждая семья обрабатывала только свой участок, то их ожидала бы неудача. Однако, говорит он,

“ «те же самые двести семей, если они рассматривают себя, скажем, в качестве арендаторов нации и относятся к тысяче акров как к имуществу, взятому в совместную аренду... имеют, с точки зрения экономиста и агронома, все шансы преуспеть, если они умеют использовать эту землю наилучшим способом...

В подобном случае они, прежде всего, объединились бы, чтобы на долгий срок улучшить землю, которая требует немедленного улучшения... На площади в 340 акров они легко могли бы выращивать все злаки – пшеницу, овёс и т.д., – необходимые для тысячи жителей и их скота... Они могли бы выращивать на 400 акрах, надлежащим образом ухоженных и, при необходимости и возможности, орошаемых, весь урожай кормовых трав, требуемый для содержания 30–40 молочных коров, которые обеспечили бы их молоком и маслом, и, предположим, 300 голов быков, чтобы обеспечить их мясом. На 12 акрах, 2 из которых находились бы под стеклом, они нарастили бы больше овощей, фруктов и растений, составляющих предмет роскоши, чем они сами могут потребить. И если допустить, что пол-акра земли будет прикреплено к каждому дому – для собственных занятий и развлечений (разведение птицы или какой-нибудь диковинной культуры, цветов и тому подобного), – у них ещё осталось бы около 140 акров на все остальные цели: разбивку садов, скверов, строительство мастерских и так далее. Труд, задействованный в таком интенсивном хозяйстве, не был бы тяжким трудом крепостного или раба. Он был бы доступен для всех, сильных и слабых, городских и сельских уроженцев; и кроме того, в нём заключалось бы огромное очарование...»⁹⁶

Как и Бакунин до него, Кропоткин настаивает, что в анархическом обществе труд каждого будет вознаграждён согласно потребности. Проникнутый этой верой, Кропоткин делает вывод, что в подобном обществе не будет места деньгам ни в каком виде:

“ «Услуги, оказываемые обществу – будь то работа на фабрике или в поле или услуги нравственного характера, – не могут быть оценены в монетных единицах. Беря мануфактурное производство, точной меры ценности – ни того, что неправильно называют меновой ценностью, ни ценности, рассматриваемой с точки зрения полезности, – нет возможности установить. Если мы видим двух человек, которые в течение целого ряда лет работают по пяти часов в день на общую пользу в различных, одинаково им нравящихся областях, то мы можем сказать, что их труд приблизительно равноценен; но дробить этого труда нельзя; нельзя сказать, что продукт каждого дня, каждого часа, каждой минуты труда одного из них равноценен продукту минуты, часа или дня другого»⁹⁷.

Он применяет эту мысль к работе угольной шахты и делает следующее заключение:

“ «Все работающие в этой копи содействуют, по мере своих сил, своей энергии, своих знаний, своего ума, своего умения, добычанию угля; и мы, действительно, можем сказать, что все они имеют право жить и удовлетворять свои потребности (и даже свои фантазии, как только необходимое для всех будет обеспечено). Но каким образом можем мы оценить деньгами, платой участие каждого из них?..

Между делом одного и делом другого не может быть установлено никакого различия. Если мы будем мерить их заслуги по их результатам, то это приведёт нас к нелепости, и то же самое получится, если мы станем дробить их заслуги и мерить их часами труда.

Остаётся только одно: поставить потребности людей выше их дел и признать сначала право на жизнь, а затем и право на довольство за всеми теми, кто принимает какое бы то ни было участие в производстве»⁹⁸.

Кропоткин развивает эту аргументацию, критикуя идеи Маркса и других, кого он относит к «коллективистам»:

«[Этот способ вознаграждения труда] сводится приблизительно к следующему: все работают – в полях, на заводах, в школах, в больницах и т.д. Продолжительность рабочего дня устанавливается государством, которому принадлежат земля, заводы, пути сообщения и проч. Каждый рабочий день вознаграждается рабочим чеком, на котором значится, скажем, – “восемь часов труда”. За этот чек рабочий может приобрести в магазинах,

принадлежащих государству или различным корпорациям, всевозможные товары. Этот чек может также дробиться, как деньги, так что, например, можно купить на рабочий час мяса, на десять минут спичек или на полчаса табаку. Вместо того, чтобы говорить: “Дайте мне на пять копеек мыла”, – после коллективистской революции станут говорить: “Дайте мне на пять минут мыла”»⁹⁹.

Кропоткин отмечает, что, следуя проведённому самим Марксом различию между квалифицированным и неквалифицированным трудом, некоторые марксисты готовы провести различия между «почасовой ценностью» различных видов работы: «...Их принцип – коллективная собственность на орудия труда и личное вознаграждение каждого, сообразно потраченному им на производство времени, принимая вместе с тем во внимание и производительность его труда»¹⁰⁰. Он подводит итог: «Страна или община, которая ввела бы у себя подобную организацию, очень скоро была бы вынуждена или вернуться к частной собственности, или превратиться в общество коммунистическое»¹⁰¹, то есть устроенное на анархических началах.

Влияние Кропоткина на испанский анархизм Испанское движение испытало на себе ошутимое влияние кропоткинской версии анархизма. В отличие от Бакунина, Пётр Кропоткин лично посетил Испанию в 1878 г. По крайней мере один из первых испанских анархических лидеров, учитель Северино Альбаррасин, провёл несколько лет, работая с Кропоткиным в Швейцарии в середине 1870-х¹⁰². Эррико Малатеста, итальянец, бывший ближайшим сподвижником Кропоткина в международном анархическом движении, также посетил Испанию и выступил там во многих местах с лекциями.

Идеи Кропоткина и его соратников внесли вклад в идеологическую борьбу внутри испанского анархизма в 1880-е–1890-е гг. Хосе Пейратс отмечает, что в конце XIX в. среди испанских либертариев разгорелся конфликт между коллективистской школой, возглавляемой Рикардо Мельей, и анархо-коммунистической тенденцией, представленной Хосе Пратом. Коллективистская группа доказывала, что в новом обществе каждый рабочий должен получать полную стоимость того, что он произвёл, что прибавочная стоимость должна быть уничтожена и что общая выручка должна распределяться между рабочими, участвующими в производстве.

Анархо-коммунистическая школа, со своей стороны, утверждала, что в анархическом обществе каждому будет дано по его потребностям. Пейратс связывает эту идею с кропоткинской теорией «большой кучи»: все люди могут брать из общей кучи вещи, в которых они нуждаются.

Согласно Пейратсу, Хосе Прат и анархо-коммунистическая школа вышли победителями в этой борьбе¹⁰³. Однако, как мы увидим, никакого единодушия по этому вопросу не наблюдалось среди рабочих, и особенно среди тех, кто взял под свой контроль городскую промышленность в начале Гражданской войны.

Кропоткинская коммуналистская версия анархизма в особенности сказалась на действиях испанских анархистов в сельских районах республиканской Испании. Там были образованы сотни крестьянских коллективов, в большей или меньшей степени применявших идеи

Кропоткина. Зачастую ими, в дополнение к сельскохозяйственному производству, создавались небольшие промышленные предприятия. В значительной части коллективов денежные расчёты были формально отменены, и их членам разрешалось брать всё необходимое на общих складах, в соответствии, по крайней мере до определённой степени, со своими потребностями. Поначалу коллективы обменивались продуктами между собой и с контролируемыми анархистами фабриками в городах, введя практику бартера, по-видимому, определявшуюся потребностями вовлечённых сторон. В дальнейшем были организованы федерации коллективов, чтобы проводить обмен на более формальной основе.

Кропоткинское неприятие денежного обращения, которым были проникнуты испанские анархисты, имело для них одно неблагоприятное последствие, подмеченное Сесаром Лоренсо, сыном Орасио Прието, одно время бывшего национальным секретарём НКТ. Он обратил внимание на то, что в первые дни войны, когда большинство фабрик Каталонии были захвачены рабочими, часть земли была обобществлена крестьянами, а торговля была организована под контролем анархистов, банки остались нетронутыми: «Одни лишь банки избежали экспроприации и остались в распоряжении правительства Хенералидада, и их работники образовали ядро малочисленного каталанского ВСТ. Либертарики не понимали важности банковской системы и её долгосрочного воздействия на социализацию; поэтому они оставили без внимания этот фундаментальный сектор экономики»¹⁰⁴. Как мы увидим дальше, это игнорирование банковской системы, коренившееся в глубоком отвращении анархистов к деньгам, имело очень серьёзные негативные последствия для управляемых рабочими предприятий, не только в Каталонии, но и в других частях республиканской Испании.

Анархизм в изложении Луиджи Фаббри Возможно, итальянский анархист Луиджи Фаббри, работы которого широко пропагандировались его испанскими коллегами, лучше всех суммировал в философских терминах сущность того общества, которое стремились осуществить анархисты. На исходе XIX века он писал:

“ «Существует определённый авторитет, который происходит из опыта, знания, отвергнуть который невозможно и отвергнуть который было бы безумием, как для медсестры было бы безумием восставать против авторитета врача при лечении больного, или для каменщика – не следовать предписаниям архитектора при возведении здания, или для матроса – вести судно вопреки указаниям штурмана... Медсестра, каменщик и матрос соответственно подчиняются врачу, архитектору и штурману, подчиняются добровольно, поскольку они с самого начала приняли техническое руководство этих людей. И замечательно: когда установлено общество, в котором нет иной формы власти, кроме технического, научного морального влияния, нет применения насилия одним человеком к другому, – никто не станет отрицать, что это анархическое общество»¹⁰⁵.

Заключение

С самого зарождения испанский анархизм был частью более широкого международного движения. Его философия и доктрины испытали сильное влияние идей Прудона, Михаила Бакунина и Петра Кропоткина. Общее осуждение государства, политических партий, любого рода сотрудничества между революционерами и реформистами по сути разделялось всеми в испанском движении. Но разница в подходах Бакунина и Кропоткина – анархо-синдикализм первого и коммунализм второго – породила определённые различия между городским и сельским анархизмом в Испании.

2. Эскизы анархического общества

Хотя испанские анархисты неоднократно высказывались в поддержку различных аспектов учений Бакунина и Кропоткина, они не представляли официально детальную картину того общества, которое они хотели создать на месте капитализма, до мая 1936 г., когда до начала Гражданской войны оставалось два месяца. Национальная конфедерация труда ещё в 1919 г. отразила в своих документах приверженность идее либертарного коммунизма, но лишь на Сарагосском конгрессе НКТ в мае 1936 г. была принята обширная резолюция, где излагались соображения относительно реорганизации испанской экономики, политики и общества.

В испанском либертарном движении были и те, кто решительно выступал против любых попыток определить очертания будущего общества. К примеру, Федерика Монсень писала в августе 1931 г.: «Анархизм – это идеал без границ. Его нельзя заключить в рамки программы»¹.

Большинство эскизов будущего либертарного общества, принадлежавших ведущим испанским анархистам, имели одно свойство: они становились общими и расплывчатыми, когда речь заходила о конкретных послереволюционных институтах и их функционировании. Шавьер Паньягуа отмечает, что многие, если не большинство из них, видели анархическое общество как по преимуществу сельское и общинное в своей основе. У некоторых из них мысли приняли определённо антииндустриальное направление², а у некоторых – откровенно антигородское³. По крайней мере несколько анархистов с ностальгией писали о «возвращении в Средневековье» сельских коммун⁴.

Тем не менее в десятилетия, предшествовавшие Гражданской войне, многие анархические лидеры и интеллектуалы представили более или менее детальные описания своих концепций того типа анархического общества, который они хотели создать. Поэтому, прежде чем дать подробное изложение основных пунктов Сарагосской резолюции, стоит обсудить некоторые из этих проектов.

«Новая Утопия» Рикардо Мельи

Рикардо Мелья был одним из выдающихся испанских анархических лидеров конца XIX и начала XX века. Другие авторы-анархисты, включая Хуана Диаса дель Моралья, Диего Абада де Сантьяна и Макса Неттлау, отзывались о нём как о «самом одарённом из анархических мыслителей»⁵. Он писал о многих аспектах анархической теории и политики и обобщил своё видение будущего либертарного общества Испании в романе «Новая Утопия» («La Nueva

Utopia»). Как подразумевает название работы, она имеет большое сходство с представлениями об идеальном обществе утопических социалистов XIX в. Джордж Эзенвейн отмечает:

“«Социальная система “Новой Утопии” покоится на двух основных принципах: свобода и равенство. Природные ресурсы – такие как леса, нефть, газ, железная руда, а также обильные плоды земли – отныне принадлежат всем... Граждане связаны между собой через систему договоров, налагающих взаимные обязательства... Эти живые связи, представляющие собой единственное средство, с помощью которого строятся экономические и социальные отношения между индивидами, весьма гибки в том смысле, что они могут быть расторгнуты или упразднены в любое время... Другой объединяющей силой в социуме является общее чувство солидарности. Не страдающие более от политических, религиозных и иного рода социальных трений, которые в прошлом делили общество на противостоящие группировки, люди «Новой Утопии» заботятся лишь о всеобщем благополучии...»6

Общество, которое появляется в повествовании Мельи, практически во всех отношениях соответствует принципам всех школ анархизма. В нём, к примеру, нет преобладания какой-либо определённой экономической системы – хотя Мелья даёт понять, что коллективизм, вне всякого сомнения, является высшей формой экономической организации. Люди свободно могут выбирать форму обмена, к которой они предрасположены: “Если рабочий желает оставить за собой право обменивать продукты своего труда, никто не станет препятствовать ему; если он желает пожертвовать свои продукты обществу в целом, никто не будет его останавливать; если он желает передать их кооперативу, он волен поступить так”»7.

Версия либертарного общества Оробона Фернандеса

Валериано Оробон Фернандес был одной из ведущих фигур НКТ в предвоенный период и умер вскоре после начала Гражданской войны. В 1925 г. он изложил, хотя и сжато, своё видение послереволюционного либертарного общества:

“«Самым элементарным проявлением этого режима стал бы “единый производственный кооператив” в редконаселённых местностях. Этот

организм включал бы в себя всех людей коммуны, способных работать. Сегодняшний синдикат – потенциальный завтрашний производственный кооператив. Следовательно, там, где существует первый, последний окажется жизнеспособным... В местности с более плотным населением наиболее подходящей экономической организацией был бы “обособленный отраслевой кооператив”. Его цель не отличалась бы от цели предыдущего, за исключением того, что, по обстоятельствам, он ограничивался бы своей специальностью. В общем, его назначение оставалось тем же самым: овладение средствами производства, определение условий и методов новой организации труда и т.д. Простое преобразование наших отраслевых союзов... дало бы нам этот второй тип кооператива...»

Об организации экономики выше местного уровня Оробон Фернандес писал следующее:

“ «Между кооперативами могут быть созданы связи двух видов: 1. “Специфического характера” – через создание отраслевых федераций, в которых группируются определённые городские кооперативы и специализированные секции общинных кооперативов. Их цель заключалась бы в применении общих средств улучшения производства, упорядоченного распределения сырья и т.д. 2. “Общие отношения” всех экономически активных организмов – через учреждение Всеобщей межкооперативной конфедерации, задача которой заключалась бы налаживании межотраслевого взаимодействия предприятий на национальном уровне. Кроме того, она взяла бы на себя представительство страны в её международных отношениях...»8

Взгляд на послереволюционный анархизм Ихинио Нохи Руиса

Ихинио Ноха Руис, анархист, профессор Университета Валенсии и один из авторов либертарного периодического издания «Исследования» (Estudios), опубликовал в 1933 г. многостраничную брошюру, где обсуждалась, среди прочего, будущая организация либертарного общества. Он доказывал:

“ «С триумфом революции каждое поселение примет во владение, для совместного использования, все богатства в пределах его муниципальных границ. Насколько это возможно, следует избегать дробления и развития мелкой собственности, как одного из наиболее серьезных препятствий для

установления коммунистического режима. Но там, где этого полностью избежать невозможно, нужно установить правило, по которому вся продукция, созданная в результате как индивидуальной, так и коллективной обработки, должна распределяться под контролем коммуны, свободного муниципалитета или местной профсоюзной федерации, по усмотрению самого поселения».

Этому предписанию следовали в большинстве сельских коллективов, созданных анархистами в годы Гражданской войны, особенно в Арагоне.

Ноха Руис продолжал:

“В крупных населённых центрах производство должно быть передано в руки синдикатов, комитеты которых, при содействии цеховых комитетов и фабричных советов, действуя в согласии с рабочими местных предприятий и общими нуждами, будут обязаны регулировать его. Общее управление, наиболее вероятно, будет осуществляться комитетами местных федераций, состоящих из одного или более представителей каждого синдиката».

Этот автор приложил к своей статье несколько диаграмм, намечавших разные фазы будущей либертарной экономической организации. Эти диаграммы напоминают схемы, начерченные «Индустриальными рабочими мира» в США четвертью века ранее.

Диаграммы Нохи Руиса выстраивали отношения отдельного фабричного комитета к местному отраслевому союзу, с перспективой национального отраслевого союза, наряду со структурой, восходящей от местной коммуны к региональным федерациям коммун и национальной конфедерации коммун. Точно так же, Ноха Руис изобразил национальную организацию сельскохозяйственного производства, начинающуюся с местного комитета землепользования и идущую к сельскохозяйственному синдикату и затем к национальной сельскохозяйственной федерации. Наконец, он объединял фабричные советы в соответствующих местных союзах и федерациях союзов, а также в их национальных отраслевых федерациях и региональных профсоюзных конфедерациях, вплоть до Национальной конфедерации труда, которая создаст национальный совет труда, чтобы координировать экономику в целом. На каждом уровне должны были существовать определённые взаимосвязи для сбора статистических данных и других целей.

Ноха Руис обобщил своё представление о будущей либертарной экономической организации следующим образом: «На всех этих диаграммах видно, что организация неизменно идёт от индивидуального к коллективному. Автономный индивид в автономной секции; автономная секция в автономном синдикате; синдикат в федерациях и конфедерациях, также автономный»⁹.

Видение либертарного общества Исаака Пуэнте

За год до публикации брошюры Нохи Руиса, доктор Исаак Пуэнте издал свою собственную интерпретацию будущего либертарного общества. Пуэнте был врачом и одним из главных испанских анархических интеллектуалов в период, предшествовавший Гражданской войне. Он умер во время конфликта.

Исаак Пуэнте начинает с определения либертарного коммунизма:

“ «...организация общества без государства и частной собственности. Для этого нет никакой необходимости изобретать что-либо или создавать новый организм. Ядра организации, вокруг которых будет построено экономическое будущее, уже имеются в сегодняшнем обществе: это синдикат и свободный муниципалитет»¹⁰. Он добавляет: «Социальная организация не имеет иной цели, кроме как сделать общим всё, что составляет общественное благосостояние, то есть средства и факторы производства и саму продукцию, сделать также общей обязанность каждого участвовать в производстве, по своей способности и пригодности, и осуществлять распределение продуктов среди всех, в соответствии с индивидуальной потребностью»¹¹.

Пуэнте очертил общие принципы организации коммун в городских регионах и в сельской местности. Применительно к первым он сформулировал несколько основных пунктов, включая следующие:

“ «Исходя из того, что каждая профессиональная группа сама способна устраивать свои дела, опека является ненужной, а государство – излишним. Инициатива передаётся профессиональным организациям. Надзор за преподаванием – учителям. Здравоохранение – профессиональным врачам. Средства связи – их работникам. Внутренний режим предприятия определяется техниками и рабочими, заседающими на собрании, и федерацией синдикатов, контролирующей производство...

Люди объединяются, по общности своих интересов и потребностей, в синдикат и, для удовлетворения местных и коммунальных нужд, в свободный муниципалитет... Все граждане совершенно уравниваются как производители. Должностные лица назначаются для исполнения административных функций, временно, без освобождения от производства

и всегда по распоряжениям собраний... В экономической организации иерархия строится с основы. Решения комитета могут быть отменены пленумом, решения пленума – собранием, а решения собрания – народом»¹².

Исаак Пуэнте добавляет:

“ «Синдикат объединяет людей в ассоциацию по роду их занятий... Рабочие фабрики или мастерской, составляя наименьшую ячейку, пользуются самоуправлением в собственных делах. Эти ячейки, соединяясь с другими подобными им, образуют секцию внутри синдиката профессии или отрасли... Синдикаты одной местности объединяются, образуя местную федерацию; федерация имеет комитет, формируемый из представителей синдикатов, пленум, состоящий из всех комитетов, и общее собрание, которое обладает высшими полномочиями.

Свободный муниципалитет – это собрание рабочих небольшого поселения, села или деревни, которое имеет суверенное право осуществлять заботу о нуждах поселения...¹³

Именно в сельской местности наиболее легко осуществить либертарный коммунизм, так как это означает всего лишь ввести в практику свободный муниципалитет. Свободный муниципалитет, или коммуна, есть собрание всех жителей села или городского района, наделённое правом решать и устраивать все местные дела, и в первую очередь вопросы производства и распределения. В нём не будет существовать частной собственности, кроме используемой для удовлетворения потребностей каждого, такой как жильё, одежда, мебель, инструменты, участок, закреплённый за каждым домом, и мелкий скот или птица для личного потребления. Всякая вещь, выходящая за пределы необходимого, в любое время может быть конфискована муниципалитетом, после одобрения собрания, поскольку всё, что мы накапливаем без необходимости, отобрано нами у других людей и поэтому не принадлежит нам.

Все жители будут иметь равное право: 1. Производить и совместно обеспечивать коммуны, с учётом различий в способностях... 2. Участвовать в решении административных вопросов на собраниях и 3. Потреблять в соответствии со своими нуждами или нормой»¹⁴.

По мысли Пуэнте, распределение потребительских товаров должно быть организовано «производственными синдикатами, использующими кооперативы или строения магазинов и рынков». Каждый член синдиката будет иметь карточку производителя, которая предоставит её обладателю следующие права: «1. Потреблять, в соответствии с нормой или его потребностью, все продукты, распределяемые в данной местности. 2. Иметь в своём пользовании подобающий дом, необходимую мебель, домашнюю птицу или сад, если так решит коллектив. 3. Пользоваться коммунальными службами. 4. Участвовать в принятии решений путём голосования на фабрике или в мастерской, в секции, синдикате и местной

федерации».

Местная федерация «будет заботиться об обеспечении местности всем необходимым и развитии специфичной для неё отрасли, с целью либо лучшего распределения, либо удовлетворения национальных потребностей»¹⁵.

Что касается организации национальной экономики, то, как утверждал Пуэнте, «нет никакой необходимости в сверхструктуре, стоящей выше местной организации, кроме той, что имеет специальную функцию, которая не может быть осуществлена на местах. Конгрессы – единственные, кто выражает волю нации и проводит её в жизнь, временно уполномоченные на то голосами собраний». Единственными исключениями из этого правила, по мнению Пуэнте, являются национальные профессиональные федерации рабочих связи и транспорта, которые очевидным образом нуждаются в национальной организации¹⁶.

Версия либертарного общества Альфонсо Мартинеса Рисо

Другой вариант послереволюционного общества был представлен в 1933 г. Альфонсо Мартинесом Рисо, заместителем председателя Синдиката работников интеллектуального труда НКТ. Подобно другим авторам, которых мы рассматривали, Мартинес дал эскиз либертарной организации городского и сельского секторов экономики, но он делал особый упор на важности отмены денег и обращался к другим проблемам, не всегда затрагивавшимся теоретиками анархизма.

Начиная своё подробное описание послереволюционного общества, Мартинес доказывает:

“ «Нормой и ориентиром может и должна служить нынешняя работа Национальной конфедерации труда, так как она направляется теми же принципами. С провозглашением либертарного коммунизма и переходом всей экономической деятельности в руки синдикатов её структуры займутся вопросами общей администрации. В этих структурах... должностные лица занимают свои посты в течение шести месяцев, с правом переизбрания. В их числе председатель, секретарь и казначей, избираемые на собрании всеми членами. Каждая автономная секция имеет свой административный совет и выбирает делегатов на пленум комитета. Пленум избирает из своего числа заместителя председателя, заместителя секретаря, бухгалтера и библиотекаря. Все они выполняют свои обязанности бесплатно. Также будет логично, если сохранится существующая профсоюзная юрисдикция и федеративная организация...»¹⁷

Мартинес утверждает, что реорганизация экономики на тех принципах, которые он предлагает, немедленно может быть осуществлена в национальном масштабе: «Как только либертарный коммунизм будет провозглашён, соберётся Национальный конгресс, который определит положения, фундаментальные и вторичные, хотя и базовые, федеративного договора всех местных сообществ...»¹⁸

Мартинес углубляется в детали переустройства городской экономики: «Комитеты цехов и мастерских займут место буржуазных специалистов... фабричный совет – место администрации. Отраслевой союз будет заменять собственников-работодателей. Местные, региональные федерации и национальная конфедерация заменят местные, региональные и национальные капиталистические конгломераты, национальный экономический комитет трудящихся заменит национальный экономический совет. Отраслевые федерации и экономический совет трудящихся будут иметь исключительно технические функции, прочие же организации – как технические, как и социальные».

Мартинес продолжает:

«Все они будут подчинены комитету или совету, избранному общими собраниями рабочих или их представителями на Национальном конгрессе. Этот Национальный комитет или совет, ответственный за исполнение решений, принятых собраниями или конгрессами, может быть отозван в любое время и следовательно будет находиться под постоянным контролем рабочих, не наделённых делегированной властью...

Национальная конфедерация также будет иметь технический совет, состоящий из представителей отраслевых федераций, и это будет Экономический совет трудящихся... Этот совет будет информировать региональные экономические советы, которые будут распределять работу между местными экономическими советами, а те – между соответствующими отраслевыми союзами, соединяя, таким образом, производство с обменом и потреблением. Этот Экономический совет трудящихся будет находиться под контролем Национального комитета НКТ, ответственного перед синдикатами. Экономический совет трудящихся также заведовал бы международной торговлей, с целью поддержания платёжного баланса страны»¹⁹.

Что касается сельской экономики, то, говорит Мартинес, «учитывая основной принцип автономии в нашей системе, сельские поселения смогут решать, в соответствии с указаниями Экономического совета трудящихся и опираясь на решения национальных конгрессов, какую культуру следует выращивать и каким образом её обрабатывать, и затем их продукты будут обмениваться на промышленные товары, имеющие равную ценность в часах работы. В этих условиях, поскольку сельские труженики будут получать полный продукт своего труда или его эквивалент, при новом режиме уровень благосостояния у всех станет выше...»²⁰

Мартинес настаивал на вытеснении традиционных денег и замене их другими средствами распределения, обнаруживая некоторое сходство с идеями Прудона. «Новые деньги будут оцениваться и обозначаться часами работы. Они будут состоять из чеков, выпускаемых профсоюзами и эквивалентных рабочим часам каждого рабочего. Эти чеки будут

выпускаться еженедельно и будут действительны лишь в течение следующей недели. Чтобы каждый мог удовлетворять свои потребности, рабочие, имеющие детей или жену, которая не может работать, поставив в известность свой профсоюз, будут получать вместе со своими недельными чеками дополнительные, для обеспечения членов своих семей. Инвалиды будут получать 48 часов работы в неделю от служб социальной помощи».

Цены на товары, с тем чтобы упорядочить рынок, будут определяться каждым поселением в количестве часов работы, исходя из стоимости чеков, выпускаемых для местных жителей. Эти чеки будут действительны только в местном сообществе²¹.

По поводу торговли между разными сообществами Мартинес пишет: «Для... обмена между различными автономными сообществами продукты будут оцениваться в часах работы, оплата будет производиться талонами, которые будут обменивать, чтобы уравнивать продажи и покупки. Таким образом, мы будем иметь две цены: одна, соответствующая точному количеству часов труда, затраченных на производство, будет использоваться при обмене между различными автономными муниципалитетами; другая, та же самая, но помноженная на переменный фактор, будет устанавливаться в каждой местности, чтобы урегулировать продажу всех товаров жителям»²².

Мартинес также обращается к двум проблемам неэкономического характера: преступлениям и вооружённым силам. Относительно преступления он пишет:

“ «С исчезновением твоего и моего, с исчезновением власти, принадлежащей кому бы то ни было, автоматически исчезнут практически все виды преступлений. Принцип, по которому никто не может пользоваться властью, ведёт к отмене судебных должностей. Это не означает, что правосудие исчезнет: оно будет осуществляться посредством плебисцита в коллективе... Мы рассматриваем аффективные преступления как расстройство и считаем, что преступник нуждается только в лечении, как больной человек. В нашем представлении, при либертарном коммунизме будет применяться лишь одно наказание за единственное преступление, которое ещё может сохраняться при подобном режиме. Это преступление – неподчинение соглашениям коллектива или принципам либертарного коммунизма. Единственное наказание, о котором помышляет автор, – высылка в буржуазные страны, покуда они продолжают существовать, и, когда ни одной из них не останется, изгнание из коллектива, которое вынудит преступника жить одному за счёт индивидуальной работы»²³.

Перед угрозой нападения капиталистических государств, с которой, как он ожидает, столкнётся революционная либертарная Испания, Мартинес признаёт, что вооружённая защита будет необходима, несмотря на традиционный анархический антимилитаризм. Однако он предлагает такое решение проблемы, которое, несомненно, было широко распространено в рядах анархистов и должно было вызвать серьёзные затруднения для

либертариев с началом Гражданской войны. Он пишет:

“Много раз я слышал возражение, что либертарный коммунизм неспособен вести войну, поскольку она требует, что были те, кто командует, и те, кто повинуются, что противоречит его принципам. Это возражение происходит из смешения двух разных вещей – осуществления власти и технического руководства. Также и в мастерской рабочий должен будет работать так, как указывает ему техник, а не как ему нравится, и техник не будет иметь власти или отдавать команды; он будет товарищем по работе и его работа будет состоять именно в изучении того, как должен работать рабочий, чтобы получить лучшую продукцию...

Равным образом, в подразделениях вооружённого пролетариата власть всегда будет результатом решений коллектива, который вложил в руки рабочих оружие, чтобы они защищали его. Задачей этих естественных единиц будет выполнение и наблюдение за выполнением решений коллектива, и в них, так же как и везде, будут существовать рабочий комитет и технические специалисты, которыми будут офицеры. Последние будут решать, как в каждом случае должны действовать солдаты, чтобы восторжествовать над врагом. Комитет будет наблюдать за их действиями. Солдат, который поступает вопреки указаниям офицера, будет виноват так же, как рабочий, который отказывается выполнять распоряжения инженера»²⁴.

Либертарное общество по Гастону Левалю

Другим анархическим теоретиком, разработавшим значимый проект послереволюционного либертарного общества, был Гастон Леваль. Хотя он по своему происхождению был французом, Гастон Леваль (настоящее имя Пьер Филлер) являлся членом испанской Национальной конфедерации труда по крайней мере с Первой мировой войны. Он входил в состав делегации НКТ, отправленной в Россию в начале 1920-х и был в числе тех, кто резко возражал против вступления НКТ в Красный интернационал профсоюзов. Во время Гражданской войны Леваль был одним из важнейших пропагандистов достижений анархистов после 19 июля 1936 г. Он провёл несколько лет в Аргентине и вернулся в Испанию спустя пару месяцев после начала Гражданской войны²⁵.

Левалевский проект будущего либертарного общества, кажется, был опубликован в Барселоне в 1936 г., незадолго до начала войны. Второе, пересмотренное издание вышло в 1937 г.

Леваль начинает с критики некоторых идей в анархической мысли, которые он считал преувеличенными или ошибочными. Одним из преувеличений для него была автономия:

“ «Много раз повторяли и писали... упомянутую формулу: “индивид пользуется свободой в пределах группы, группа пользуется свободой в пределах федерации”. Мы, слыша её, всегда делаем мысленную оговорку... Если мы действительно свободны, если мы можем не выполнять принятую резолюцию, если при каждом обсуждаемом вопросе возникает бунтующее меньшинство – что тогда может быть выполнено на практике? Как мы можем сосуществовать друг с другом? Малатеста уже настаивал на необходимости выполнения решений, принятых большинством, и эта необходимость признаётся теми, кто понимает, что существование коллектива и индивида невозможно без компромиссов...

Вступая в группу, я не считаю себя свободным. Я подчиняюсь общей норме, ответственности, задачам, от которых я не могу уклониться. Я не автономен. Я отказываюсь от части своей автономии, чтобы способствовать благополучию всех, что может обернуться либо в мою пользу, либо нет. Если только кто-то не хочет играть словами, тонкой философией разного рода диалектики, отделённой от истины, то, когда революционер объединяется с другими, он будет не пользоваться свободой, а выполнять общественный долг, забывая о себе»²⁶.

Гастон Леваль также критиковал доводы в пользу национальной автаркии, выдвинутые Кропоткиным в одной из его книг: «Идеал не в том, чтобы каждый регион был достаточен сам по себе, поскольку есть стремление, более высокое и более благородное, к безграничному и непрерывному сотрудничеству по всей земле...»²⁷

Гастон Леваль также выступал против той многоукладности либертарной экономики, которую защищал Рикардо Мелья.

“ «Как можно помышлять об экономических отношениях между коммунистическими группами производителей и коллективистскими? Одни предлагают деньги в обмен на продукты. Другие хотят продукты за продукты. Произвольность нарастает. Как можно достичь взаимопонимания? Сотни предприятий будут применять концепции, отвергаемые сотнями других. Экономическая жизнь быстро разладится». Он говорит, что только местная самодостаточность, предлагаемая Кропоткиным, сделала бы такую систему жизнеспособной, и добавляет: «Это совершенно невозможно, и как только мы примем во внимание многочисленность товаров, необходимых для цивилизованной жизни, и производительные силы каждого региона, провинции или уголка любой

части света, соответствие обмена общим принципам взаимодействия становится очевидно; чтобы осуществлять этот обмен, нужно установить такой же режим отношений»²⁸.

Леваль намечает иерархию организаций, которые будут вести хозяйственные дела при либертарном коммунизме: «1. Рабочие, взятые индивидуально; 2. Профессиональные секции, образованные этими рабочими; 3. Отраслевые союзы, состоящие из связанных профсекций; 4. Отраслевые федерации, составленные из отраслевых союзов; 5. Промышленная конфедерация, составленная из отраслевых федераций».

Он описывает порядок функционирования разных уровней организации:

“ «1. Каждая профсекция избирает технического делегата, и профделегаты составляют административный комитет; такое представительство, в целом, кажется нам более необходимым, нежели фабричный или цеховой комитет – последний является более революционным, чем техническим, тогда так мы должны рассматривать организацию с точки зрения производства, то есть по преимуществу применять технический критерий. 2. Конгресс отраслевой федерации избирает комитет, состоящий из делегатов определённых промышленных зон, в соответствии с их значением и особенностями; это позволит центральным комитетам поддерживать более прямой контакт и лучше знать общее положение дел в стране. 3. Конгресс конфедерации, в свою очередь, будет избирать Центральную федеральную комиссию и, разумеется, различные региональные комиссии, составленные из делегатов различных отраслевых федераций в пропорциях, продиктованных обстоятельствами (численность каждой федерации, интенсивность и характер работы, которую она выполняет, и т.д.)»²⁹.

По поводу организации сельского хозяйства Леваль пишет следующее:

“ «Крестьяне должны организоваться в коммуны – а не в союзы – согласно своим традициям... Эта форма отвечала бы поставленной цели. Целью же хозяйственной деятельности крестьян является заготовка продуктов земледелия, птицы, мяса и других животных продуктов, кожи, шерсти и т.п....

Работа крестьянина должна строиться в соответствии с общей потребностью, а не его прихотями или собственным пониманием вещей... Это – опасная норма, и будет ошибкой утверждать, как слишком часто

делается, что крестьяне предоставят для обмена излишек произведённого, оставив себе необходимое. Ошибкой будет думать, что какое бы то ни было производство может быть налажено таким путём...

Как и в промышленности, административный механизм будет федеративным, решения будут приниматься на конгрессах, а работа будет планироваться постоянными комиссиями на основе пожеланий, высказанных рядовыми тружениками на конгрессах всех уровней, от специализированных региональных федераций до Всеобщего конгресса земледелия и животноводства...»³⁰

Распределение как промышленной, так и сельскохозяйственной продукции, согласно Левалю, будет осуществляться через кооперативы:

“ «Будет происходить движение продуктов, из производящих зон в потребляющие. Кооперативы будут отвечать за поддержание этого движения...

В их центральные хранилища в городах будет поступать избыточный продукт местного промышленного производства. Эти кооперативы не будут распределять наобум или руководствуясь случайными требованиями каждого поселения. Каждый из них будет специализироваться на товарах одного или нескольких типов, к каждому будет прикреплён свой собственный округ для снабжения – определённое число небольших городов или поселений. Жители округа будут адресоваться туда согласно общепринятому порядку. Таким образом, будет сформирована широкая сеть, деятельность которой охватит все пункты и всё потребление на территории...

Эти кооперативы будут направлять в центры производственных организаций разнообразные запросы, которые постоянно будут отражать колебания спроса. Так они станут источниками информации для федераций и для Промышленной и Земледельческо-животноводческой конфедераций, оказывая содействие в управлении производственной деятельностью»³¹.

Леваль предлагает сделать профсоюзное членство основой распределения товаров среди потребителей:

«Лучшее решение, которое приходит на ум, заключается в создании сети распределительных организмов, находящихся в связи в производственными организациями... Параллельно мог бы существовать общий кооператив, ассоциированный с тем же самым профсоюзом, который будет разделён на секции, поддерживающие связь с секциями в районах. Рабочие или члены их семей пойдут за потребительскими товарами в секционный кооператив своего профсоюза. Предъявления профсоюзной карточки будет достаточно, чтобы признать за производителем право на потребление»³².

Идеи Диего Абада де Сантильяна

Наконец, Диего Абад де Сантильян, который ранее противился попыткам обрисовать будущее либертарно-коммунистическое общество, опубликовал в 1936 г. книгу «Экономическая организация революции» («El organismo económico de la revolución»), посвящённую именно этому. Гомес Касас замечает по поводу этой работы:

“ «Автор осуждает экономический сепаратизм и поддерживает идею федеральной организации экономики, начиная с фабричных советов или местных профессиональных или отраслевых союзов, далее к местным и региональным советам, располагающим техническими и статистическими данными, и заканчивая национальным или федеральным экономическим советом. Местный совет, координатор местных организаций, заменил бы муниципалитеты и выборные органы... Согласно Сантильяну, федеральный экономический совет займёт место государства. Не имея никакой политической власти, он будет лишь экономическим и административным регулятором... Так как решения будут основываться на цифрах и статистике, принуждение со стороны какой бы то ни было организации станет непродуктивным и невозможным. Такой координирующий орган будет гарантировать свободное общество производителей и потребителей, согласовывать планы, разработанные всеми организациями, и уважать относительную автономию всех федерированных субъектов»³³.

Характеристика Сарагосской резолюции НКТ

Все проекты, которые мы обсуждали до сих пор, представляли мнения отдельных анархических лидеров и теоретиков. Однако в мае 1936 г. Национальная конфедерация

труда официально утвердила принципы того общества, которое она хотела создать после долгожданной революции.

Сесар Лоренсо, сын национального секретаря НКТ Орасио Прието, так отзывался об этом документе: «После шестидесяти семи лет испытаний, после многочисленных уроков пережитого, нам представили идиллическую программу... в которой был дан простор ребячеству и утопии, при полном игнорировании особенностей Испании, международной ситуации, исторического момента и средств достижения новой земли обетованной»³⁴.

Сарагосская резолюция НКТ, по-видимому, в большей степени отражает взгляды на анархизм Кропоткина и даже Пьера Прудона, чем Михаила Бакунина. Видно, что в документе относительно мало места отводится национальным отраслевым союзам как центру преобразования национальной экономики и общества. Вместо этого акцент был сделан на коммунальной организации в том роде, который был предложен Петром Кропоткиным.

Хотя Сарагосская резолюция признавала: «...Было бы абсурдно пытаться представить себе структуру общества будущего с математической точностью: между теорией и практикой часто пролегает настоящая пропасть», – она, по существу, давала достаточно подробный эскиз того, как будет организовано будущее общество.

Тем не менее, прежде чем приступить к этому, резолюция отмечала: «В основу революции не могут быть положены ни взаимопомощь, ни солидарность, ни архаическое милосердие. Эти три формулы... должны быть обновлены и уточнены в виде новых принципов социальной жизни. Наиболее ясное истолкование эти принципы приобретают в либертарном коммунизме: каждому по его потребностям, без каких-либо ограничений, за исключением тех, которые вызваны условиями новосоздаваемой экономики»^{34а}.

Положения Сарагосской резолюции

Далее Сарагосская резолюция НКТ начинает описание нового общества:

“ «С завершением насильственного аспекта революции будут упразднены частная собственность, государство, принцип авторитета и, следовательно, классы, которые делят людей на эксплуататоров и эксплуатируемых, угнетённых и угнетателей. Богатства социализируются, организации свободных производителей возьмут в свои руки непосредственное управление производством и потреблением. В каждой местности установится Вольная Коммуна, вступит в действие новый социальный механизм. Объединённые в профсоюзы производители в каждой отрасли и профессии и на своих рабочих местах свободно определяют форму его организации».

Резолюция устанавливает общие принципы реорганизации экономики:

“ «Экономический план общей организации производства во всех его видах будет основываться на строгом соблюдении принципов социальной экономики, непосредственно управляемой производителями с помощью их производственных органов. Эти органы будут определяться на общих собраниях различных организаций и постоянно контролироваться ими».

В городской местности, определяет резолюция,

“ «связующим органом между Коммуной и рабочим местом будет Фабрично-Заводской Совет, связанный договором с другими центрами труда. Связующим органом между профсоюзами (ассоциациями производителей) будут Советы Статистики и Производства. Объединяясь в федерации, они образуют сеть постоянных тесных связей между всеми производителями Иберийской Конфедерации».

В сельских районах, согласно резолюции,

“ «основой будет производитель в Коммуне, которая станет пользователем всех природных богатств данной политико-географической местности. Органом связи будет Сельскохозяйственный Совет, образуемый техническими и рабочими кадрами, объединёнными в ассоциации сельскохозяйственных производителей. Этим Советам надлежит направлять интенсификацию производства, определять землю, наиболее пригодную для этого с точки зрения её химического состава. Сельскохозяйственные советы образуют ту же сеть, что и Фабрично-Заводские Советы и Советы по Статистике и Производству, составляя федерацию, в которой Коммуны будут представлены как политические и географические единицы».

Резолюция формулировала не только то, каким образом будет организовано производство, но и то, как будет регулироваться потребление. Она предлагает «ввести удостоверение производителя. Его будет выдавать Фабрично-Заводской Совет, давая тем самым право получать всё необходимое при выполнении всех обязательств. Удостоверение производителя послужит своего рода знаком обмена на следующих условиях. Во-первых, оно не подлежит передаче другому лицу. Во-вторых, в нём отмечается количество отработанных рабочих дней, которое максимум в течение года действительно для получения продуктов. Для неработающих жителей Коммунальные Советы выдадут потребительские карточки».

Представляется, что это положение имеет больше сходства со схемой трудовых чеков Пьера Прудона, чем с «каждому по потребностям», пропагандировавшимся Петром Кропоткиным. Это, возможно, вызвало некоторое замешательство, когда два месяца спустя члены НКТ приступили к созданию крестьянских коллективов и организации захваченных ими промышленных предприятий. Первые склонялись к формуле Кропоткина, тогда как фабричные рабочие зачастую больше следовали предписаниям Прудона.

Обращаясь к проблемам национальной экономики, резолюция намечает: «Ассоциации промышленных и сельских производителей соединятся в федерации на уровне страны... если те, кто занят в одном и том же трудовом процессе, посчитают такое разделение необходимым для плодотворного развития экономики. Точно так же объединятся в федерации для облегчения логических и необходимых связей между всеми Коммунами полуострова те службы, характер которых этого потребует».

Резолюция также сформулировала основы политического переустройства послереволюционной Испании. «Политическим выражением нашей революции служит триада: ЧЕЛОВЕК, КОММУНА, ФЕДЕРАЦИЯ... Базой этой администрации будет Коммуна. Коммуны будут автономны, для решения общих задач они станут объединяться в региональные и общестрановые федерации. Право на автономию не исключает долга выполнять договорённости, касающиеся всего общества...»

По поводу политической формы нового общества резолюция заявляет:

“ «Коммуны будут объединяться в окружные и региональные федерации, добровольно устанавливая свои географические пределы и при необходимости объединяя в единую Коммуну отдельные селения, посёлки и хутора. Все Коммуны в совокупности образуют Иберийскую Конфедерацию Автономных Вольных Коммун...

Для организации распределения и оптимального снабжения Коммуны могут создавать соответствующие специальные органы, например, Конфедеральный Совет по Производству и Распределению с участием прямых делегатов от Общестрановых Производственных Федераций и ежегодного Конгресса Коммун».

Резолюция выражает убеждение, что «Коммуна займётся всеми вопросами, интересующими людей», а именно «всеми видами деятельности по организации, упорядочиванию и украшению быта населения, обеспечением своих жителей жильём, продуктами и изделиями, предоставленными ей профсоюзами или ассоциациями производителей. Она займётся также гигиеной, коммунальной статистикой, удовлетворением общественных нужд, образованием, санитарным делом, содержанием и совершенствованием местных средств сообщения».

Кроме того, резолюция настаивает на децентрализации власти и стремится предотвратить бюрократизацию общественных органов самоуправления:

“ «Порядок избрания Коммунальных Советов будет определяться в соответствии с системой, учитывающей различия в плотности населения. При этом следует иметь в виду постепенную политическую децентрализацию крупных городов, создавая в них федерации Коммун.

Все эти органы не будут иметь какой-либо исполнительный или бюрократический характер. Кроме тех лиц, которые будут иметь технические функции или обрабатывать статистические данные, их члены продолжают выполнять свои производственные обязанности, собираясь на заседания по окончании рабочего дня, чтобы обсудить те детали проблемы, которые нет необходимости выносить на общие собрания.

Общие собрания будут проводиться так часто, как этого потребуют интересы Коммуны, по запросу членов Коммунального Совета или по желанию жителей...

Жители Коммуны будут обсуждать между собой внутренние проблемы Коммуны: производства, распределения, обучения, гигиены, – всё, что необходимо для её морального и экономического развития. Вопросы, касающиеся всего района или провинции, будут обсуждаться Федерациями; на их конференциях или общих собраниях будут представлены делегаты от всех Коммун, которые представят точки зрения, уже одобренные этими Коммунами».

Без сомнения, этот план организации послереволюционной политической системы был, до некоторой степени, реализован после начала Гражданской войны в сельских районах, где влияние анархистов было преобладающим, в первую очередь в Арагоне. Однако не было никаких попыток – или даже возможности – установить эту модель в городских зонах страны.

Аналогичным образом решаются проблемы более широкого географического масштаба. Резолюция утверждает, что «в вопросах регионального характера Региональные Федерации будут придерживаться практики соглашений, выражающих суверенную волю всех жителей региона. Всё начинается с отдельного человека, продолжается в Коммуне, Федерации и, наконец, Конфедерации. Таким же образом будут обсуждаться все проблемы страны в целом, поскольку наши структуры полностью переходят друг в друга. Организация в масштабах страны будет регулировать международные взаимоотношения...»

Далее Сарагосская резолюция обращается к социальным преобразованиям. Она предлагает

«ликвидацию существующей системы карающей юстиции и, следовательно, институтов отбывания наказания (тюрем, каторги и т.д.).

Данные предложения исходят из того, что основные причины совершаемых преступлений при существующем положении вещей имеют социальную обусловленность и, следовательно, если исчезнут причины, порождающие преступления, то в большинстве случаев перестанут существовать и сами преступления...

“Исправительные меры” либертарного коммунизма основаны на принципах медицины и педагогики, они носят исключительно превентивный характер, что соответствует требованиям современной науки. Если же какой-либо индивид – жертва патологических феноменов – посягает на гармонию, которая должна существовать между людьми, терапевтическая педагогика призвана восстановить его душевное равновесие и стимулировать в нем этическое чувство социальной ответственности, не сумевшее развиться из-за нездорового наследства».

Резолюция НКТ также кратко рассматривает проблемы семьи и сексуальные отношения: «Революция не должна насильственно воздействовать на семью, кроме случаев с неблагополучными семьями, когда следует осуществлять право на развод и помогать в этом... Либертарный коммунизм провозглашает свободную любовь, без каких-либо ограничений, кроме желаний мужчины и женщины; детям гарантируется общественный уход и защита от человеческих ошибок благодаря применению принципов биологии и оздоровления наследственности».

Антиклерикальные традиции испанского анархизма были подтверждены в Сарагосском документе: «Религия как чисто субъективное человеческое проявление будет признано в той мере, в какой она связана с индивидуальной свободой совести. Но она ни в коем случае не может быть признана как форма публичной кичливости, моральной или интеллектуальной демонстрации. Люди будут свободны исповедовать любые приемлемые моральные идеи, все ритуалы исчезнут»³⁵.

Особое внимание обращается на потребность масс в просвещении:

“ «Культура будет возвращена тем, кто был её лишён... Педагогическая работа, которую следует осуществить непосредственно после социальной революции... будет состоять в распространении среди неграмотного населения элементарной культуры, например, в обучении чтению, письму, счёту, физкультуре, гигиене, истории эволюции и революции, теории несуществования бога и т.д. Эту работу может взять на себя множество образованных молодых людей, которые выполнят её в течение одного года или двух лет в форме добровольной службы в пользу культуры. Национальная Федерация Образования будет должным образом контролировать и ориентировать их. Эта Федерация сразу после провозглашения либертарного коммунизма возьмёт в свои руки все

образовательные центры...

Первоочередной функцией педагогики мы считаем помощь людям в формировании у них собственных суждений – мы имеем в виду, конечно, как мужчин, так и женщин. Для этого необходимо, чтобы учитель поощрял все склонности ребёнка с целью дать ему возможность полностью развить все свои способности».

Наконец, Сарагосская резолюция останавливается на вопросе, который должен был стать одной из самых тяжёлых проблем, как внутри НКТ, так и в её отношениях с другими силами республиканской Испании, во время Гражданской войны, – на роли и характере вооружённых сил. Она провозглашает:

“ «Постоянная армия представляет собой огромную опасность для революции...

Вооружённый народ послужит самой лучшей гарантией против любой попытки реставрации разрушенного режима со стороны внутренних или внешних сил. Тысячи рабочих прошли через казармы и знакомы с современной военной техникой.

Каждая Коммуна должна иметь своё оружие и оборонительные средства, до тех пор пока после окончательной консолидации революции они не будут уничтожены и превращены в орудия труда...

Когда настанет соответствующий момент, народ быстро мобилизуется для отпора врагу; производители вернуться к своему труду, как только их оборонительная миссия будет выполнена. Эта всеобщая мобилизация охватит всех лиц обоих полов, способных сражаться и готовых к выполнению разнообразных боевых задач»³⁶.

Несоответствия Сарагосского документа

Несмотря на принятие этого пространного документа, указывающего, что они надеялись осуществить после революции, делегаты Сарагосского конгресса НКТ «не сделали никакого анализа политической ситуации...» В результате, как утверждает Сесар Лоренсо, анархисты «19 июля были вынуждены выдавать полностью бессвязные импровизации»³⁷.

Легко заметить, что этот документ отводил национальным отраслевым союзам (федерациям) НКТ в лучшем случае вспомогательную роль в будущем обществе. Акцент в программе НКТ делался на индивидууме, коммуне и региональной федерации, с мимолётными упоминаниями об иерархии союзов НКТ и их роли в преобразовании национальной экономики.

Возможно, это «упущение» объясняется тем фактом, что на Сарагосском конгрессе НКТ, где, помимо прочего, произошло воссоединение радикальной и умеренной фракций организации, преобладали радикалы, всегда относившееся к национальным отраслевым союзам скептически. Это размежевание среди испанских анархических сил сохранялось долгое время перед войной, во время неё и даже после.

Фидель Миро описывает этот длительный раскол в среде испанских анархистов:

“ «Разногласия оказались более острыми в тактической области, чем в теоретической... “Ультрас”, или максималисты, выступали сторонниками пропаганды действием – превратно понятого прямого действия – как постоянной высшей школы революции, что означало непрерывные насильственные выступления и немедленную революцию; в то время как POSSИБИЛИСТЫ всегда были более осторожными, особенно в применении насилия, хотя они не отказывались от него полностью, когда считали, что насилие является неизбежным ответом на разнузданные репрессии буржуазии или публичной власти»³⁸.

Если максималисты почти всегда смешивали тактику с принципами, рассматривая их как неразделимые части единого целого, то POSSИБИЛИСТЫ рассуждали, что тактика всегда должна применяться по обстоятельствам, в зависимости от нужд и потребностей времени и места, но никогда – в противоречии с принципами»³⁹.

Один из главных лидеров тех, кого Фидель Миро называет «POCCEБИЛИCТАМИ», Хуан Пейро, которому предстояло работать в правительстве Ларго Кабальеро в 1936–1937 гг., несколькими годами ранее выступал против принятия НКТ идеологического документа наподобие того, что был одобрен Сарагосским конгрессом: «...Будучи по своему характеру экономической классовой организацией с разнородным составом, НКТ не может и не должна иметь постоянной идеологической цели или непроницаемого набора идей...»⁴⁰

Пейро также сделал наблюдение, которое кажется имеющим прямое отношение к Сарагосскому документу:

“ «Реалии, которые преподносят народам экономико-социальные проблемы, гораздо сложнее тех псевдореалий, которые видятся

ультрареволюционным фракциям, преобладавшим в последнее время. Жизнь людей уже немыслима в этой примитивной форме, сельской, простой, весьма подходящей крестьянам и пастухам, но несовместимой с жизнью в больших городах, где жизнь, соприкасаясь с необычным прогрессом науки и новыми приобретениями цивилизации, получает необходимую организацию, дисциплинируется, проявляет заботу о нуждах живущих...»⁴¹

“ «Нет сомнения, что в обществе, освобождённом от опеки капитализма и государства, организация производства в переходный период – и мы полагаем, что переход должен растянуться на длительное время, – будет находиться в руках профсоюзов, и мы признаём, что в их составе есть достаточно элементов, способных к этому, и мы рассчитываем, что вышестоящие организации – которые мы надеемся упразднить так скоро, как только возможно, – точно так же окажутся способны организовать связи между различными производствами и т.п., поскольку это затрагивает обмен сырьём и общественные потребности...»⁴²

Нет никаких свидетельств о том, выдвигали ли Пейро и другие связанные с ним лидеры НКТ какие-либо возражения против принятия резолюции Сарагосского конгресса. Однако Эдуардо Комин Коломер говорит, что, наряду с двумя максималистами, Хуаном Гарсией Оливером и Федерикой Монсень, одним из авторов резолюции был Хуан Лопес, POSSИБИЛИСТ и профсоюзный организатор из Валенсии⁴³.

Через два с небольшим месяца после Сарагосского конгресса анархическое преобразование испанского общества из теоретического предложения превратилось в практическую возможность, по крайней мере в некоторых частях республиканской Испании. В Каталонии, где в дни, последовавшие за подавлением выступления военных, власть почти полностью перешла в руки анархистов, НКТ провела региональный пленум, где обсуждалось, стоит ли идти вперёд и установить либертарный коммунизм. Пленум подавляющим большинством высказался против этого, перед лицом необходимости сотрудничать с широким спектром других групп в вооружённой борьбе против сил Франко.

Только в той части Арагонского региона, которая в основном была отвоёвана у мятежной армии анархическими ополченцами из Каталонии, в первый год Гражданской войны действительно было установлено нечто похожее на либертарный коммунизм. Анархические сельские коммуны там были объединены под началом Совета Арагона, который более или менее соответствовал установкам Сарагосской резолюции.

3. Испанское либертарное движение

Политическое течение в Испании, поддерживавшее идеи анархизма и анархо-синдикализма, и до, и во время Гражданской войны состояло из нескольких разных организаций. Эти группы играли каждая свою собственную роль, имели более или менее различающиеся идеологии и пользовались разной степенью народной поддержки как до, так и после 18-19 июля 1936 г.

Массовой организацией испанского анархизма была Национальная конфедерация труда (НКТ). Она была старейшей частью движения и являлась профсоюзной организацией, особенно сильной в Каталонии – одном из двух главных центров испанской промышленности, но также имела последователей среди крестьян и сельскохозяйственных рабочих Андалусии, Мурсии и Эстремадуры, как и среди промышленных рабочих и крестьян Арагона, Астурии, Леванта и некоторых других частей Испании. После установления Второй республики в апреле 1931 г. она стремительно набирала силу в Центре, то есть в Мадриде и Новой Кастилии, которые были главным оплотом социалистов.

Вторым по времени возникновения элементом в испанском анархизме была Федерация анархистов Иберии (ФАИ). Как показывает её название, это была анархическая идеологическая группа. Она не согласилась бы с определением «политическое», хотя фактически это – корректная классификация данной организации. Во время Гражданской войны ФАИ, по сути, приняла организационную форму политической партии, и возможно, если бы конфликт закончился иначе, она в итоге стала бы анархической партией, какой бы неестественной ни могла показаться эта идея на первый взгляд.

Третьей составляющей испанского либертарного движения была «Либертарная молодёжь» (ФИХЛ). Во время Гражданской войны она была официально признана частью либертарного движения и играла важную роль, представляя альтернативу прокоммунистической «Объединённой социалистической молодёжи» (ОСМ) в лоялистской Испании.

В-четвёртых, были «Свободные женщины». Эта организация, образованная после начала Гражданской войны, стремилась объединить испанских женщин в анархическом движении для защиты дела Революции и Республики. В отличие от трёх предыдущих групп, «Свободные женщины» никогда в полной мере не признавались составной частью либертарного движения.

В-пятых, была «Международная антифашистская солидарность» (СИА), также созданная после начала войны, как вспомогательная и пропагандистская группа для всего движения в целом.

Наконец, существовало много местных групп, которые были неотъемлемой частью либертарного движения, но не были организованы в национальном или даже региональном масштабе. К ним относилось большое число атенеев (ateneos) – местных групп, которые по преимуществу были центрами обучения взрослых, но также проводили дебаты и дискуссии на темы, представлявшие интерес для анархического движения. Они являлись атрибутом движения практически с самого его зарождения. Существовали также местные кооперативы и общества взаимопомощи, в которых принимали участие анархисты.

Перед тем как продолжить обсуждение либертарной революции, развернувшейся на значительной части Испании в начале Гражданской войны, и дальнейшей судьбы этой революции, для нас важно получить хотя бы некоторое представление о природе и развитии групп, составлявших либертарное движение. Остальная часть главы будет посвящена этому предмету.

Испанский анархизм XIX века

Зарождение испанского рабочего движения относится к 1830-м–1840-м гг. Первая всеобщая забастовка страны была проведена в мае – июне 1855 г. в Барселоне, в ответ на введенный гражданским губернатором запрет на стачки и локауты, что открыло долгую историю взаимной неприязни между рабочим движением Каталонии и гражданскими и военными властями региона¹.

Начало распространения анархо-синдикалистских идей в Испании обычно связывается с именем Джузеппе Фанелли, отправленного на полуостров в 1868 г. Михаилом Бакуниным, уже вовлечённым в борьбу с Карлом Марксом в Первом Интернационале. При его более или менее непосредственном участии в Мадриде был создан комитет Международного товарищества рабочих, одним из основателей которого был Ансельмо Лоренсо, впоследствии ставший одним из главных представителей и теоретиков испанского анархизма. Эта организация в итоге стала Испанской региональной рабочей федерацией (ФОРЭ) и присоединилась к бакунинской фракции Первого Интернационала².

Испанская региональная рабочая федерация просуществовала сравнительно недолго. Она провела две конференции в 1872 г. На второй из них, проходившей в декабре, согласно докладом, было представлено 849 местных групп³. Пять лет спустя сообщалось, что в составе ФОРЭ насчитывается 5 окружных и 73 местных федерации⁴. Согласно Гастону Левалю, Испанская секция на 1871–72 гг. имела «лучшую организацию среди всех секций Первого Интернационала»⁵.

В период Первой республики, продолжавшийся с февраля 1873 г. по январь 1874 г., ФОРЭ достигла апогея своего влияния. К концу 1873 г., по оценкам, она имела от 50 до 60 тысяч членов, плативших взносы, и, возможно, до 300 тысяч сторонников, считавших себя принадлежащими к организации, даже при том что они не платили взносы регулярно⁶.

Анархо-синдикалисты участвовали в серии Кантональных восстаний, потрясавших недолговечную Первую республику. В ходе них контроль над сёлами, малыми и большими

городами в разных частях страны захватывали группы рабочих и крестьян, которые создавали местные революционные хунты и затем конфисковывали церковное имущество, облагали налогами богатых и даже распределяли землю среди безземельных сельскохозяйственных рабочих. Все эти восстания были подавлены к моменту падения Первой республики⁷.

С реставрацией монархии Бурбонов под властью Альфонсо XII в 1874 г. ФОРЭ ушла в глубокое подполье и по большей части рассеялась. Она подверглась жестоким преследованиям со стороны правительства, но также пострадала из-за антиправительственных организаций, самой известной среди которых была «Чёрная рука»⁸.

Только в 1880 г. движение возродилось как Федерация трудящихся Испанского региона (ФТИР). Она провела два очередных конгресса, в Барселоне в 1881 г. и в Севилье в 1882 г.⁹ На форуме 1881 г., как сообщалось, присутствовало 140 делегатов, из которых 110 проголосовали за «анархизм как свой идеал»¹⁰. Наибольшее число представленных групп действовало в Андалусии, несколько меньше было их в Каталонии и заметно меньше – в Валенсии¹¹.

Возрождение движения в 1880-е гг. было отмечено острой борьбой между коллективистами, базировавшимися в Каталонии, которые были профсоюзными активистами и последователями Бакунина, и анархо-коммунистами, особенно сильными среди неграмотных крестьян Андалусии, которые вдохновлялись идеями Кропоткина и итальянского анархиста Малатесты, посетившего Испанию в 1892 г. Первые верили в сильное рабочее движение, которое должно было стать и средством революционного свержения власти посредством всеобщей стачки, и основой послереволюционной организации общества. Вторые поощряли стихийные восстания при каждой удобной возможности и прибегали к индивидуальному террору против представителей власти. Борьба между этими двумя группами стала главной причиной роспуска ФТИР на её последнем конгрессе в Валенсии в октябре 1888 г.¹² Эти две тенденции внутри испанского анархизма, появившиеся в 1880-е гг., продолжали существовать в изменённых формах следующие полвека.

Хуан Гомес Касас очертил эволюцию испанского анархизма в двадцатилетие, предшествовавшее созданию Национальной конфедерации труда: «После периода дезинтеграции Федерация трудящихся Испанского региона исчезла, и на смену ей пришла Анархическая организация Испанского региона... Эта организация затем, в 1890 г., преобразовалась в Пакт союза и солидарности, который, в свою очередь, был распущен в 1896 г. из-за введения репрессивного законодательства против анархизма и распался на множество кружков и независимых рабочих обществ... Разрозненные останки Федерации в 1907 г. дали начало “Рабочей солидарности” (Solidaridad Obrera) в Каталонии, непосредственному предшественнику Национальной конфедерации труда»¹³.

Перед появлением НКТ должно было произойти ещё одно важное событие. Это была Трагическая неделя в конце июля 1909 г. Так называли серию демонстраций и восстаний в Барселоне, спровоцированных набором призывников на нескончаемую войну в Марокко¹⁴. Правительство обвинило в беспорядках анархические элементы города. Через несколько

месяцев после их окончания Франсиско Феррер Гуардия, один из самых значительных интеллектуалов, связанных с анархическим движением, и основатель ряда передовых школ в разных частях Каталонии, был казнён властями как ответственный за Трагическую неделю¹⁵.

Образование Национальной конфедерации труда

Массовая организация испанского либертарного движения, Национальная конфедерация труда (НКТ), была основана на конгрессе в Барселоне, проходившем 30 октября – 1 ноября 1910 г. Форум был созван «Рабочей солидарностью», каталонской организацией трудящихся, которая была создана несколькими годами ранее; это был второй конгресс «Рабочей солидарности» и учредительный конгресс НКТ. Среди тех, кто сыграл главную роль в организации съезда, был старый анархист и профсоюзный деятель Ансельмо Лоренсо, хотя он не принимал фактического участия в заседаниях, вместо этого отправив приветственное письмо¹⁶.

Делегаты представляли не только разные районы Каталонии, но также Сарагосу, Хихон (Астурия), Валенсию, Алькой, Мурсию, Малагу, Севилью, Альхесирас, Пальма-де-Мальорку, Ла-Корунью (Галисия) и другие города. Адольфо Буэсо называет имена и организационную принадлежность 96 делегатов¹⁷. Лишь три из них представляли союзы сельских рабочих¹⁸.

После оживлённых дискуссий было решено создать новую национальную рабочую организацию и, после дальнейшего обсуждения, её согласились назвать Национальной конфедерацией труда. Ни одно из решений не было единогласным; были делегаты, принадлежавшие к Социалистической партии, которые доказывали, что нет необходимости в новой центральной рабочей организации, так как уже существует социалистический Всеобщий союз трудящихся (ВСТ), и призывали «Рабочую солидарность» присоединиться к нему в качестве его каталонского отделения¹⁹. Но при голосовании 84 делегата высказались в пользу создания новой организации, 14 были против и трое воздержались. Кроме того, некоторые из присутствовавших считали, что новое объединение следует именовать «федерацией», а не «конфедерацией», хотя в итоге по вопросу названия новой организации, по-видимому, был достигнут консенсус²⁰.

Учредительный конгресс НКТ поддержал узкопрофессиональные союзы как наиболее предпочтительную форму организации. Однако, не ограничившись этим, он высказался за создание национальных федераций таких групп²¹.

Антиинтеллектуальный уклон многих рабочих, делегированных на учредительный конгресс НКТ, отразила внесённая резолюция, которая заявляла, что «только работники ручного труда действительно заинтересованы в отмене всех привилегий, всей эксплуатации и всех форм угнетения» и могут состоять в организации. Однако данная резолюция не была одобрена делегатами²².

Была принята отдельная резолюция по проблемам работниц. Она протестовала против того, чтобы женщины принуждались к работе, «превосходящей их физические силы», но решительно поддерживала идею участия женщин в трудовом процессе и призывала направить усилия на привлечение их в ряды НКТ. В ходе обсуждения этого вопроса несколько делегатов осудили эксплуатацию жён их мужьями²³.

Долго обсуждалась целесообразность всеобщей стачки. Принятая резолюция объявляла, что всеобщая стачка должна быть «революционной по существу» и проводиться в национальном охвате. При этом оговаривалось, что в определённых обстоятельствах рабочие могут быть вынуждены объявить всеобщую стачку на местном или региональном уровне с целями, далёкими от полной революции.

Наконец, учредительный конгресс согласился с тем, что у НКТ должны быть две основных функции: одной должно быть скорейшее улучшение экономического положения её членов, другой – долгосрочная цель «революционной экспроприации буржуазии»²⁴.

В течение всего обсуждения подчёркивалось, что новая Конфедерация должна строиться на федеративной основе, чтобы каждая входящая в неё организация сохраняла высокую степень автономии. Этому принципа в целом придерживались до Гражданской войны, когда, в злоключениях последней части конфликта, его скорее систематически нарушали, чем применяли на практике.

Одним из постулатов конгресса 1910 года, от которого НКТ впоследствии отказалась, была её ориентация на узкопрофессиональные союзы. На национальной конференции в Сантсе в июне 1918 г. организация высказалась в пользу отраслевых союзов – так называемых единых синдикатов, куда на общих основаниях входили квалифицированные и неквалифицированные рабочие, хотя внутри такого союза каждая профессия должна была пользоваться автономией, широкой, насколько позволяли обстоятельства²⁵.

История НКТ до Гражданской войны

История НКТ в период между её основанием в 1910 г. и началом Гражданской войны в июле 1936 г. была бурной. С самого начала она была ведущей профессиональной организацией в Каталонии и Арагоне. Она также приобрела значительное влияние в регионе Левант, с центром в Валенсии. В первые годы НКТ была весьма активна среди крестьян, особенно в южной части страны, хотя Роберт Керн утверждает, что при Второй республике (1931–1936) она не уделяла андалусским и другим крестьянским сообществам такого большого внимания, как во время Первой мировой войны и некоторое время после неё²⁶.

Отношения между НКТ и социалистическим ВСТ, в целом, были отмечены соперничеством и противоречиями. Хотя эти две организации сотрудничали во всеобщих стачках в 1916 и 1917 гг. и впоследствии было много случаев сотрудничества между местными союзами двух объединений (особенно в Астурии), чаще имела место скрытая или явная враждебность. Их отношения особенно ухудшались в годы диктатуры Примо де Риверы (1923–1930), когда ВСТ сотрудничал с правительством, а НКТ преследовалась особенно сурово; а также в первые

два с половиной года Второй республики, когда члены НКТ считали, что Франсиско Ларго Кабальеро, глава ВСТ, использует занимаемый им пост министра труда для продвижения своей организации.

Хосе Пейратс отмечал, что астурийская делегация на конгрессе НКТ 1919 г. «вела эпическую битву» за единство НКТ и ВСТ²⁷. Однако астурийцы потерпели неудачу, и в последующие годы члены анархической рабочей организации были не слишком расположены к объединению со своими соперниками социалистами. Только на Сарагосском конгрессе НКТ в мае 1936 г., за два месяца до начала Гражданской войны, был дан призыв к «единству действий» с ВСТ²⁸.

Во время Первой мировой войны НКТ усиливалась, несмотря на притеснения со стороны правительства. Однако в первые послевоенные годы она подверглась особенно жестокому преследованию. Травля была организована стараниями не только сменявших друг друга гражданских и военных губернаторов Каталонии, но и групп работодателей, при поддержке церкви и властей. Ими были организованы «свободные» профсоюзы как потенциальные конкуренты НКТ; кроме того, работодатели наняли значительно число профессиональных преступников для убийства ведущих и рядовых членов анархо-синдикалистских групп. Хосе Пейратс утверждает, что упомянутые свободные профсоюзы возникли из крайне консервативного карлистского движения, которое прежде пользовалось значительной поддержкой в Каталонии, особенно в сельских районах²⁹.

Самой важной фигурой среди анархистов, убитых бандитами-пистолерос работодателями, был Сальвадор Сегі, один из лидеров умеренного крыла НКТ. Его коллега Анхель Пестанья был тяжело ранен. Десятки, если не сотни, не столь заметных активистов погибли от рук наёмных убийц. В это время НКТ и те, кто был с ней связан, отвечали насилием на насилие; самой известной их жертвой стал премьер-министр Эдуардо Дато.

Мануэль Буэнакаса, один из предводителей каталонских анархистов в тот период, описал ситуацию, в которой оказались сэнэтисты сразу после Первой мировой войны. Он пишет: «Лучшие из наших кадров встали перед этой дилеммой: убить или быть убитым, бежать или умереть в тюрьме. Непокорные защищают себя и убивают; стоики погибают как храбрые, предательски убитые; трусливые и осторожные спасаются и бегут; самые активные, которые не заботятся о том, что с ними станет, томятся в тюремной камере»³⁰.

С установлением диктатуры Примо де Риверы в конце 1923 г. НКТ фактически была уничтожена как общенациональная организация. Многие работники были вынуждены эмигрировать или скрываться в подполье, её газеты по большей части были закрыты, она не могла иметь никакой легальной штаб-квартиры.

В конце концов, когда Национальный комитет, возглавляемый Анхелем Пестаньей, подал в отставку из-за внутренних разногласий с фракцией Хуана Пейро, формально было объявлено о роспуске организации. Однако в действительности некоторое подобие общенационального руководства сохранялось до тех пор, пока политическая обстановка не начала меняться к лучшему в 1929–1930 гг.³¹.

По крайней мере часть этого времени руководство НКТ располагалось за пределами Каталонии, где преследование анархистов было особенно свирепым. Например, в 1925 г. новый Национальный комитет, возглавляемый Авелино Гонсалесом Мальядой и состоящий главным образом из жителей Астурии, обосновался в Хихоне³².

Однако в период диктатуры Примо де Риверы произошло одно событие, весьма важное для будущего НКТ. Это было объединение разрозненных групп анархистов на конференции в Валенсии в июле 1927 г., создавшей Федерацию анархистов Иберии. Внимание и деятельность ФАИ в основном должны были сосредотачиваться на профсоюзах НКТ, и влияние ФАИ, как оказалось в первые годы Республики, внесло разлад в Конфедерацию.

После вынужденной отставки генерала Примо де Риверы в январе 1930 г. стало возможно реорганизовать низовые организации Национальной конфедерации труда, возродить её печать и приступить к созданию руководящих органов. Эта работа особенно оживилась после установления Второй республики в апреле 1931 г.

Хотя на выборах в Учредительные кортесы, проведённых вскоре после провозглашения Республики, анархисты по всей стране голосовали за левых кандидатов, в частности за «Левых республиканцев Каталонии», отношения между НКТ и республиканским правительством быстро ухудшались. Группы НКТ, направляемые фаистами, трижды пытались организовать революционные всеобщие стачки и восстания в 1932–1933 гг., и во многих населённых пунктах на короткий промежуток времени провозглашался либертарный коммунизм.

Внутри самой НКТ влияние ФАИ вызвало раскол. 1 сентября 1931 г. тридцать лидеров умеренного крыла НКТ (трейнтисты) выступили с протестом против тенденции ФАИ, подготавливающей «упрощённую революцию», и осудили растущее влияние ФАИ в НКТ. Среди подписавших заявление были Анхель Пестанья, Хуан Пейро и Хуан Лопес, наиболее авторитетный лидер НКТ в Валенсийском регионе³³. В последующие месяцы профсоюзы, поддерживавшие трейнтистов, были исключены или вышли из НКТ. Они объединились под названием «Оппозиционные синдикаты». Этот раскол удалось преодолеть лишь за два месяца до начала Гражданской войны³⁴.

Франк Минц оценивает сравнительную значимость НКТ-ФАИ и «Оппозиционных синдикатов» следующим образом:

“ «Провинции, где НКТ составляла большинство: Корунья и Понтеведра в Галисии; Севилья, Кадис, Малага и Альмерия в Андалусии; Мурсия в Леванте; Херона, Барселона и Таррагона в Каталонии; Уэска и Сарагоса в Арагоне. Центры, где имелось значительное меньшинство, были в Астурии; в Новой Кастилии – Мадрид; в Старой Кастилии – Логроньо; в Стране Басков – Алава; в Каталонии – Лерида; в Арагоне – Теруэль; в Леванте – Кастельон, Валенсия, Альбасете и Аликанте; в Андалусии – Уэльва, Кордова и Гранада. Анархисты не имели никакого влияния, или имели

незначительное, в Луго и Оренсе в Галисии; в Хаэне в Андалусии; в провинциях Леон, Эстремадура, Старая Кастилия (кроме Логроньо), Новой Кастилии (кроме Мадрида) и баскских районах (кроме Алавы). Трейнтизм был широко распространён в Уэльве, Леванте (Валенсия и Аликанте) и Каталонии (среди металлургов Барселоны)»³⁵.

Несмотря на болезненные преследования со стороны сменявших друг друга республиканских правительств, НКТ стремительно расширялась в годы Второй республики. Впервые за всё время она приобрела заметное влияние в профсоюзном движении Мадрида, который всегда был главным оплотом социалистического ВСТ.

На выборах в ноябре 1933 г. НКТ и ФАИ настойчиво призывали своих последователей отказаться от участия в голосовании. Это, несомненно, стало главным фактором победы правых на выборах. Позднее, когда социалисты и каталонские националисты попытались устроить общенациональную забастовку и восстание в ответ на вхождение в правительство крайне правой партии СЭДА, сторонники НКТ не участвовали в этом движении; исключение составляла Астурии, где отношения между НКТ и ВСТ были наиболее близкими и где выступления продолжались дольше всего, пока не были подавлены формированиями марокканцев и Иностранного легиона, одним из командующих которыми был генерал Лопес де Очоа.

На последующих выборах в феврале 1936 г. НКТ и ФАИ воздержались от агитации за неучастие, в результате чего левые, теперь организованные в Народный фронт, вновь одержали победу³⁶. Самым злободневным вопросом на этих выборах была амнистия для всех политических и профсоюзных заключённых, арестованных со времени прихода к власти правого правительства, многие из которых были членами НКТ и/или ФАИ.

Последним важным событием в истории НКТ в период перед началом Гражданской войны стал её конгресс в Сарагосе в мае 1936 г. Он не только воссоединил НКТ и «Оппозиционные синдикаты», но также утвердил подробное описание того либертарного общества, которое стремилась создать НКТ и некоторые из особенностей которого мы отметили выше³⁷.

Структура и функционирование НКТ

На момент начала Гражданской войны Национальная конфедерация труда имела уже устоявшуюся структуру. В её основе лежал местный единый синдикат (*sindicato único*), или отраслевой профсоюз, либо, в сельской местности, синдикат разных профессий (*sindicato de oficios varios*). В более или менее крупных городах синдикаты формировали местную федерацию. Выше неё стоял провинциальный комитет, и вся страна была разделена на семь регионов, каждый из которых имел региональный комитет. Наконец, существовал Национальный комитет, состоявший из национального секретаря, освобождённого от основной работы, и неосвобождённых заместителя секретаря и членов, представлявших каждый из семи регионов.

На каждом уровне организации имелся представительный орган. В едином синдикате или синдикате разных профессий это было общее собрание, состоящее из всех членов, имеющих постоянный заработок. На каждом из вышестоящих уровней время от времени проводились конгрессы, правом представительства на которых пользовался каждый единый синдикат, входящий в местную, провинциальную, региональную или национальную организацию. Кроме того, на разных уровнях устраивались пленумы, которые имели меньшую численность и проводились чаще, чем конгрессы, и на которых местные единые синдикаты были представлены косвенно, а не прямо. Национальные пленумы проходили по крайней мере один раз в три месяца³⁸.

Наконец, существовали национальные федерации. Проект создания этих организаций, объединяющих все единые синдикаты определённой отрасли, был отклонён НКТ в 1918 г., но принят её конгрессом 1931 г., первым после установления Республики³⁹. Роберт Керн отмечает, что их «задачи включали в себя выработку политики по заработной плате для разных отраслей, планирование всеобщей стачки, изучение условий труда, переговоры с работодателями на общепромышленном уровне и проведение общих социально-экономических исследований»⁴⁰.

Однако, несмотря на решение конгресса 1931 г. о создании национальных отраслевых союзов НКТ, группа, контролировавшая организацию большую часть времени до начала Гражданской войны, фактически неодобрительно относилась к подобным организациям. В итоге к началу войны были образованы лишь несколько национальных отраслевых федераций. Это обстоятельство стало главным препятствием для анархистов, пытавшихся реорганизовать национальную экономику на анархо-синдикалистских принципах во время конфликта.

Как анархисты, испанские либертарианцы отвергали идею власти даже внутри их собственных организаций. Они ясно дали понять это ещё в 1882 г. на Севильском конгрессе Испанской региональной федерации Международного товарищества рабочих, одного из предшественников НКТ. В принятом манифесте конгресс декларировал, что федеральная комиссия

“ «не является властью или авторитетом, которому подчинена наша организация; она не имеет никаких средств или регулирующих прав для этого; она представляет собой всего лишь центр статистики, орган связи между организациями... с чисто административными функциями, ограниченными и определёнными нашим Уставом. Это не правительство и не направляющая сила, которую мы, как анархисты, не можем позволить в своей среде...

Ни в секционных комитетах, ни в советах местных федераций и союзов разных профессий, ни на наших собраниях и конгрессах не известно и не практикуется постоянное председательство. Мы не стали бы участвовать в подобных органах. Когда мы встречаемся на собраниях для обсуждения...

мы уполномочиваем товарища направлять дискуссию в рамках правил, согласованных нами самими... каковую роль он оставляет, как только, в завершение своих обязанностей, закрывает заседание»⁴¹.

До начала Гражданской войны Национальная конфедерация труда и связанные с ней группы действовали в основном в той же манере, которая была описана в 1882 г. С её отрицанием власти, НКТ перед Гражданской войной настаивала на автономии каждой составной части организации, предоставляя ей вести себя так, как она пожелает. Хосе Пейратс отмечал: «Почти неограниченная автономия позволяла синдикатам вступать в трудноразрешимые конфликты, что влекло за собой проблему вынужденной солидарности после свершившегося факта, и поражения, вызванные подобной горячностью и недостатком предусмотрительности, серьёзно подрывали престиж организации»⁴².

Манера, в которой НКТ проводила свои заседания, особенно на конгрессах и пленумах, отражала это анархическое отрицание власти. Хотя я был слишком молод, чтобы присутствовать на каком-либо из подобных заседаний в Испании до 1939 г., мне выпала возможность посетить конгресс радикальной фракции НКТ в эмиграции, проходивший в Лиможе, Франция, в августе 1960 г. Выдержки из моих записей по тому конгрессу могут передать рабочую атмосферу НКТ, типичную как для эмиграции, так и для самой Испании в прежние времена:

“Акцент делался на “демократии” в крайней форме. Дебаты никогда не прерывались, и пока был хотя бы один делегат, желавший высказаться по текущему вопросу, трибуна была открыта для него или неё – присутствовало около полудюжины делегатов-женщин. На удивление, при этом произносилось мало длинных речей. Очень немногие пользовались ситуацией, чтобы вести пространные рассуждения, и у большинства выступавших было что сказать.

Акцент также делался на анонимности. Делегаты практически никогда не назывались по имени, а вместо этого “делегация из такого-то места”. Однажды какой-то делегат упомянул Федерику Монсень лично, и сразу раздались крики: “Никаких Монсень!”, “Делегация из ...!”. Кроме того, при избрании лиц, исполнявших обязанности на разных заседаниях, всегда выдвигалась делегация, а не человек в делегации.

Все делегаты, кажется, были проинформированы о пунктах повестки. Сама повестка составлялась генеральным секретарём, обращавшимся к каждой местной группе за предложениями. Все внесённые таким образом предложения полагалось включить в повестку, которая рассылалась местным группам задолго до начала заседаний, чтобы они могли выработать свою позицию по разным обсуждаемым вопросам...

С этой страстью к анонимности, ощущалась нехватка аплодисментов. Хотя порой случались довольно жаркие баталии, лишь однажды раздался аплодисменты, когда один делегат заметил, что много времени было потрачено впустую – с чем нельзя было поспорить. Вскоре после этого, когда заседание закончилось, кто-то из делегатов встал и задал риторический вопрос, аплодировали ли когда-нибудь прежде в истории конгрессов НКТ. На это был единодушный ответ: “Нет!”...

Несколько слов о том, как проводился съезд. Все делегации, которые хотели выступать по данному вопросу, должны были назвать себя. Далее разные делегации выступали согласно списку – но это не препятствовало другим попросить слова позже, если они так хотели. Когда проводились выборы в комитеты и в президиум заседания, сначала просили назвать все делегации, которые хотели выдвинуть другую делегацию. Когда их больше не оставалось, каждую делегацию просили объявить, кого она решила выбрать. Затем [избранных] спрашивали о согласии или отказе. Несколько раз было столько самоотводов, что всю процедуру приходилось начинать сначала. Однажды, чтобы выйти из положения, одна делегация выдвинула сама себя, поскольку была готова принять должность...»⁴³

Анархические группы единомышленников

Задолго до создания НКТ среди испанских анархистов существовали «особые группы» (*grupos específicos*) и «группы единомышленников» (*grupos de afinidad*). Это были относительно небольшие группы активистов, обычно состоявшие из друзей, которых объединяла не только приверженность анархическим идеям, но и согласие по вопросам стратегии и тактики и которые не обязательно жили в одной местности.

Группы единомышленников, или группитос, появились в 1880-е гг., когда они были одними из самых горячих поборников анархо-коммунистической тенденции в испанском анархизме. Джордж Эзенвейн говорит о них:

“ «Группитос представляли собой не что иное, как маленькие кружки ревностных радикалов, числом от пяти до десяти участников. Их обычными мероприятиями были сходки-тертульи, которые, как правило, собирались в одном из многочисленных кафе, встречавшихся в каждом рабочем квартале. Там рабочие, входившие в группу, встречались, чтобы обсудить политику, услышать последние новости – что было особенно важно для тех, кто был неграмотен, – или спланировать очередной акт возмездия

против буржуазии... Открыто отвергая коллективистское наследие ИРФ и ФТИР, которые связывали своих членов формальными обязательствами, анархо-коммунисты утверждали, что каждой группе достаточно самой решать, что делать... Они отдавали предпочтение насильственным революционным актам, считая, что наиболее неотложной задачей является подрыв капиталистической системы»⁴⁴.

После образования Национальной конфедерации труда группы единомышленников не имели с ней никакой органической связи. Однако самые важные участники этих групп обычно работали в профсоюзах, входивших в НКТ.

У групп единомышленников было иное толкование прямого действия, чем у НКТ. Для них оно означало не только недопущение какого-либо вмешательства государства в отношения между работниками и администрацией, но и преднамеренное использование насилия. Оно могло принимать много форм: ограбление банков для финансирования революционной и даже профсоюзной деятельности; убийство особенно ненавистных работодателей или чиновников и церковных иерархов, ассоциировавшихся с реакцией; попытки вооружённых восстаний с целью установить либертарный коммунизм, если не по всей стране, то, по крайней мере на время, в том или другом населённом пункте.

Самой известной из этих групп в период, предшествовавший Гражданской войне, были «Солидарные» (Los Solidarios), созданные в начале 1920-х Франсиско Аскасо, Буэнавентурой Дуррути, Хуаном Гарсией Оливером, Мигелем Гарсией Виванкосом, Альфонсо Мигелем, Рикардо Сансом, Аурелио Эрнандесом и другими. Они участвовали в терроре и контртерроре накануне установления диктатуры Примо де Риверы. Однако под давлением нового режима «Солидарные» распались. Большинство из них уехали за границу, и Аскасо с Дуррути провели немало времени не только во Франции и Бельгии, но и в разных частях Латинской Америки. Рикардо Санс оказался фактически единственным участником группы, который смог остаться в Барселоне.

«Солидарные» не присоединились к Федерации анархистов Иберии сразу же после того, как она была образована. Они воспринимали лидеров ФАИ Диего Абада де Сантильяна (псевдоним Синесио Гарсии Фернандеса), Федерику Монсень и Фиделя Миро как радикальных либералов. Однако, когда после падения диктатуры Примо де Риверы снова стало возможно проводить митинги, они появлялись на трибунах вместе с ораторами ФАИ. Наконец, в 1933 г., обнаружив, что новая группа единомышленников присвоила себе их имя, они переименовали свою группу в «Мы» (Nosotros) и вступили в ФАИ.

Члены группы «Солидарные» – «Мы» приобрели репутацию робингудов за те полтора десятилетия, которые предшествовали Гражданской войне. В начале 1920-х они заявили о себе в таких операциях, как ограбление курьера Банка Бильбао, принёсшее им 300 000 песет, и убийство кардинала-архиепископа Сарагосы – Хуана Сольдевиллы Ромеро, особенно реакционного церковника. Буэнавентура Дуррути был участником и того, и другого.

С падением диктатуры Примо де Риверы, за которым вскоре последовало установление Второй республики, группа «Мы» перестала участвовать в индивидуальном терроре. Вместо этого она оказалась в центре различных попыток организации анархических восстаний, особенно в 1932–1933 гг. В то время группа, согласно Хуану Гарсии Оливеру, придерживалась точки зрения, что революции нужны «университеты» и, даже если отдельное выступление потерпит неудачу, его участники, как и анархо-синдикалистское движение в целом, приобретут ценный опыт, который потребуется для грядущего последнего восстания⁴⁵. Хосе Пейратс описывал группу «Мы» как представительницу «революционного романтизма»⁴⁶.

Вхождение группы «Мы» в состав ФАИ ни в коем случае нельзя было считать окончательным. Гомес Касас отмечает, что группа «никогда не была активна в ФАИ, предпочитая участвовать в подпольной работе НКТ, наряду с другими боевыми группами»⁴⁷. Далее он говорит по поводу анархического восстания в январе 1933 г.:

“Центральной силой этого революционного выступления, согласно Хуану Мануэлю Молине и Абаду де Сантьягу, была группа “Мы”. Однако более корректно было бы связать его с анархическим сектором НКТ, который временами отождествлял себя с ФАИ, а иногда действовал как своего рода сверх-ФАИ. Пейратс говорит нам, что в то время он представлял местную федерацию ФАИ в Барселоне и что Молина был секретарём Полуостровного комитета: “Когда я говорю, что существовала другая ФАИ, стоявшая над организацией, которую мы официально представляли, я имею в виду Аскасо, Дуррути и в особенности Гарсию Оливера, настоящего Робеспьера революции...”»⁴⁸

Некоторые анархические лидеры были весьма критически настроены по отношению к группам единомышленников. Одним из них был Хуан Пейро, несколько раз избиравшийся национальным секретарём НКТ и в 1936–1937 гг. занимавший министерский пост в правительстве Франсиско Ларго Кабальеро.

Пейро писал, что в идеале этим группам полагалось быть «местом исследования. Самые наболевшие этические, экономические, политические и социальные проблемы должны быть рассмотрены и подвергнуты анализу, который приведёт нас к глубокому пониманию анализируемого. Так мы сможем достичь настолько истинного и точного суждения, насколько возможно, чтобы конечный результат исследования оказался настолько благотворным для дела человеческого освобождения, насколько возможно»⁴⁹.

Однако, по мнению Пейро, анархические группы единомышленников выполняли не ту роль, которая им отводилась:

■

«Вообще говоря, особые группы нашего времени... стали больше похожи на тайные революционные клубы, чем на классные комнаты, где возвращается знание. Мы сказали бы, что в них нет ничего общего со школами, но зато много ограниченности и незрелости... Современные анархические группы – не что иное, как образчики торжественной наивности, которые ничего не решают и ничего решить не могут. Не отрицая благие намерения и самоотречение членов этих организаций, мы вынуждены заявить, что большинство из них не имеют представления об общих идеях анархизма и миссии анархистов...»⁵⁰

Попытки объединить “особые группы” анархистов на региональном или национальном уровне предпринимались и до создания Федерации анархистов Иберии. Национальные конференции анархистов проводились в Барселоне в 1918 г. и в Сарагосе в 1921 г.⁵¹ В конце концов, в апреле 1923 г. была образована Национальная федерация анархических групп⁵². За границей, во Франции, в июне 1925 г. была создана Федерация испаноязычных анархических групп. В Каталонии действовал Региональный комитет анархических групп, и его пленум заложил основу для проведения учредительного конгресса ФАИ⁵³.

Федерация анархистов Иберии

Большинство разрозненных анархических групп единомышленников были объединены в Федерацию анархистов Иберии (ФАИ) в 1927 г. На конференции в окрестностях Валенсии, которая дала начало организации, по сообщениям, присутствовало около 50 делегатов (в том числе двое из Португалии).

Роберт Керн замечает по поводу этого учредительного съезда:

“ «На конференцию не приехал ни один эмигрант. В результате большинство делегатов оказались малоизвестными сельскими жителями из Арагона, Валенсии и Каталонии. Более интеллектуальные, городские и беспокойные анархисты оставались в эмиграции, тюрьме или подполье. Это с самого начала сделало ФАИ организацией с удивительно глубокими корнями в местном обществе»⁵⁴.

Хуан Гомес Касас перечисляет группы, представленные на Валенсийской конференции. Присутствовали делегаты из Леванта, Андалусии, Каталонии, Аликанте, от Португальского анархического союза, а также от региональных организаций НКТ в Каталонии и Леванте. Координационный секретариат Национальной федерации анархических групп также был представлен⁵⁵.

Основными ячейками ФАИ продолжали оставаться группы единомышленников. В правление Примо де Риверы Федерация и входившие в её состав организации находились в глубоком подполье. Но позднее, с возрождением НКТ, в которой фаисты стали играть весьма активную роль, ФАИ начала расти, а также меняться.

В период между отставкой Примо де Риверы и началом Гражданской войны ФАИ провела только два общенациональных форума. Речь идёт о пленумах в октябре 1933 г. и январе – феврале 1936 г. Последний получил особенную известность благодаря своему предсказанию военного мятежа и указаниям для членов ФАИ и НКТ, как вести себя при таком повороте событий⁵⁶. НКТ приняла аналогичную резолюцию в день выборов, 16 февраля 1936 г.⁵⁷.

Относительно численности ФАИ в довоенный период Джеральд Бренан отмечает: «Поскольку ФАИ была тайной организацией, никакие сведения о её численности не обнародовались. Однако можно предполагать, что с 1934 по 1936 г. количество её членов было около 10 000»⁵⁸. Хосе Пейратс, с другой стороны, оценивал численность ФАИ на начало войны в 30 000 человек⁵⁹. Однако Хуан Гомес Касас пришёл к выводу, что в феврале 1936 г. в ФАИ насчитывалось менее 5 000 членов⁶⁰.

После 1930 г. руководство ФАИ изменилось. Журналисты, вроде Федерики Монсень и Диего Абада де Сантильяна, и профсоюзные активисты НКТ, какими стали члены группы «Мы», сделали ключевыми фигурами организации. Как мы отмечали ранее, ФАИ вскоре приобрела преобладающее влияние в НКТ. Хотя фаисты присутствовали на конгрессе НКТ 1931 г. только как делегаты с совещательным голосом, их влияние привело к расколу в конце 1931 г., и «Оппозиционные синдикаты» вернулись в состав НКТ лишь в мае 1936 г.

В 1930 г. Хуан Мануэль Молина, вернувшийся из-за границы, стал секретарём Полуостровного комитета ФАИ и оставался на этом посту в течение нескольких лет⁶¹. Затем, в 1935 г., обязанности Полуостровного комитета были возложены на группу «Нерв» (Nervio) в Барселоне. Она включала в себя Диего Абада де Сантильяна, Педро Херреру, Ильдефонсо Гонсалеса, Жерминаля де Созу, Фиделя Миро и других. Хуан Молина стал редактором газеты ФАИ «Земля и свобода» (Tierra y Libertad)⁶².

Когда вспыхнула Гражданская война, расхождения во мнениях, которые могли существовать между лидерами НКТ и ФАИ, были не очевидны, по крайней мере в первый год конфликта. Плакаты, граффити и знамёна, на которых было выведено «НКТ-ФАИ», были видны повсюду в лоялистской Испании. Однако существование ФАИ давало анархо-синдикалистам право на двойное представительство, от имени НКТ и ФАИ, в Центральном совете милиции, правительстве Каталонии и других многочисленных официальных или полуофициальных органах, созданных в первые месяцы войны.

Хуан Гомес Касас отмечает бесспорную идентичность НКТ и ФАИ в этот период: «...Люди обратили двойное название НКТ-ФАИ в миф. Долгое время они воспринимались просто как две стороны одной неразделимой сущности... Это взаимное отождествление двух организаций привело к размыванию их различий...»⁶³

Хосе Пейратс пишет, что сразу после 19 июля Полуостровной комитет ФАИ реорганизовали, «укрепив его выдающимися борцами»⁶⁴.

Конечно, в первые месяцы Гражданской войны численность ФАИ резко возросла. В своём циркуляре № 3, изданном 25 октября 1936 г., Полуостровной комитет ФАИ отмечал, что из-за своей роли в управлении экономикой «синдикаты, превратившиеся, с политической точки зрения, в гибридные организмы... не могут расширить свою деятельность за рамки той профессиональной функции, которая им предназначена. И поэтому необходим двигатель, производящий невероятное количество энергии, чтобы продвигать их вперёд... Этим двигателем не может быть ничто иное, кроме особой организации, то есть ФАИ. Поэтому ФАИ должна быстро расти». Циркуляр гласил: «Мы должны искать товарищей, способных жить безымянной жизнью... Профсоюзная организация может служить неистощимым источником боевых кадров...»⁶⁵

«Земля и свобода» в номере от 17 июля 1937 г. гордо заявляла: «Наша организация насчитывает более 164 000 членов... В ФАИ работник – не просто работник, потому что каждый из её участников – анархист, иначе говоря, боец»⁶⁶.

Однако после смещения правительства Франсиско Ларго Кабальеро, куда входили четыре министра от НКТ-ФАИ, положение ФАИ, как партнёра НКТ в официальных и полуофициальных органах, стало выглядеть шатким. Эта угроза вызвала коренные изменения в структуре и организации ФАИ.

Хосе Пейратс отмечал:

“ «Министр [Мануэль] Ирухо, исключив её из народных судов, первым обратил внимание на юридическую аномалию, которую представляла собой ФАИ как организация, не регулируемая законом, но тем не менее участвующая в работе государственных органов». Как заметил Пейратс, марксистские партии также имели двойное представительство благодаря профсоюзам ВСТ. Однако «присутствие ФАИ наряду с НКТ скорее воспринималось как факт, навязанный вначале и терпимый впоследствии. Но по мере развития событий, если бы критерий министра юстиции, который, без сомнения, одновременно был критерием правительства, применялся в дальнейшем, ФАИ могла быть шаг за шагом устранена из представительных органов и объявлена “подпольной” или несуществующей организацией»⁶⁷.

Ещё за несколько месяцев до наступления на неё Мануэля Ирухо ФАИ начала чувствовать потребность в изменении формы своей организации. Циркуляр № 3, говоря о стремительном росте ФАИ после 19 июля, предостерегал, что структура, основанная на группах единомышленников, оставляет её открытой для проникновения нежелательных элементов, и предлагал: «Мы должны обновить существующие формы нашей организации»⁶⁸.

После падения правительства Ларго Кабальеро это изменение структуры ФАИ стало безотлагательной задачей. Пейратс комментировал: «Обстоятельства, таким образом, заставляли ФАИ либо трансформироваться в своего рода политическую партию, заранее приняв все последствия этого, либо уступить часть позиций, приобретённых благодаря её революционным заслугам»⁶⁹.

Решение было вынесено на пленуме ФАИ в Валенсии 4–7 июля 1937 г. Важнейшая резолюция, принятая им, гласила: «Группы единомышленников на протяжении пятидесяти с лишним лет были самым эффективным органом пропаганды, анархической взаимосвязи и практики. При новой организации, принятой ФАИ, органическая миссия групп единомышленников будет прекращена»⁷⁰. Этой резолюцией был утверждён устав реорганизованной ФАИ. Сесар Лоренсо решительно утверждает, что до тех пор ФАИ не имела никакого официального устава⁷¹.

Резолюция устанавливала организационную структуру, которая начиналась с базовой группы в небольшом населённом пункте или городском районе; далее шли местные федерации этих базовых групп, провинциальные федерации, «пока сохраняется существующее политическое деление», региональные федерации и, наконец, Федерация анархистов Иберии, «которая охватывает все естественные географические регионы Пиренейского полуострова».

Каждой местной группе было предписано создать комитет по членству, вновь вступающие должны были иметь рекомендацию двух членов, и требовалось определённое время, чтобы подтвердить политическую благонадёжность кандидатов. В то же время все, кто состоял в ФАИ на момент июльского пленума, объявлялись её полноправными членами, а все, кто «вёл борьбу в профсоюзах и др. организациях, связанных с анархизмом» до 1936 г., могли стать таковыми по заявлению. Все прочие кандидаты в члены должны были ждать шесть месяцев после вступления, прежде чем они смогут занимать посты в ФАИ или по назначению ФАИ⁷².

Эта реорганизация ФАИ была принята не без сопротивления в её рядах, особенно в Каталонии. Одним из тех, кто наиболее резко выступал против этого, был Хосе Пейратс, лидер «Либертарной молодёжи» в Лериде и также член ФАИ. Когда новый порядок был принят, Пейратс выбыл из дальнейшей деятельности в ФАИ⁷³.

Хотя барселонский и каталонский пленумы ФАИ, следуя валенсийским решениям, одобрили реорганизацию большинством голосов, каталонский пленум в начале августа (столкнувшись при обсуждении этого вопроса с угрозой раскола) позволил группам единомышленников при желании продолжать свою работу, но с условием, что на пленумах и конгрессах они будут представлены пропорционально общей численности своих членов⁷⁴.

После смещения правительства Ларго Кабальеро пути ФАИ и НКТ стали расходиться. Как мы увидим в другой части книги, ФАИ начала подвергать всё более острой критике правительство Хуана Негрина и особенно – усиливавшуюся соглашательскую тенденцию руководства НКТ, которое сотрудничало с этим режимом, жертвуя своими основными принципами.

Возможно, вследствие того, что она долгое время была тайной организацией, а также потому, что она определённо являлась политической группой, ФАИ на протяжении Гражданской войны и после неё была излюбленной мишенью врагов либертарного движения, в особенности сталинистов. При том что коммунистам могло быть неудобно открыто нападать на НКТ, которая всё же была массовой профсоюзной организацией, они не чувствовали такого стеснения в отношении ФАИ.

Вероятно, можно считать типичными комментарии в той, своего рода канонической, истории Гражданской войны, которая была издана коммунистами спустя 30 лет после начала конфликта: «В этой ситуации было трудно препятствовать появлению деклассированных элементов, включая обычных уголовников, которые успешно проникали в антифашистские организации, прежде всего в ФАИ...»⁷⁵ «В Каталонии и Арагоне фаисты задерживали восстановление антифашистского порядка»⁷⁶.

«Либертарная молодёжь»

Молодёжным крылом испанского либертарного движения была Иберийская федерация либертарной молодёжи (ФИХЛ), созданная в 1932 г.⁷⁷ В декларации принципов, принятой её учредительным конгрессом, было заявлено: «Эта группа будет бороться против собственности, принципа власти, государства, политики и религии»⁷⁸.

По наблюдению Хуана Гарсии Оливера, ФИХЛ «в своей работе не контролировалась НКТ или ФАИ. Скорее, сама “Молодёжь” участвовала в жизни профсоюзов и особых организаций, избирая постоянных делегатов в региональные, национальный и полуостровной комитеты. НКТ и ФАИ не могли принять решение, не проинформировав представителя “Молодёжи” и не получив его согласия»⁷⁹.

Хотя «Либертарная молодёжь», как и ФАИ, была политической, а не профессиональной организацией, её организация отличалась от той, что была у ФАИ до июля 1937 г. Её основными организациями были более или менее крупные районные группы, существовавшие в каждой из частей Барселоны и в других городах, где она вела работу. Группа в Барселоне, к которой относился Фидель Миро, наиболее видный представитель ФИХЛ во время войны, насчитывала несколько сотен членов⁸⁰. Накануне Гражданской войны Иберийская федерация либертарной молодёжи имела свой официальный орган в Мадриде – газету «Свободная молодёжь» (Juventud Libre). Позднее, в октябре 1936 г., каталонское отделение стало издавать ещё одну газету, под названием «Путь» (Ruta)⁸¹.

Хосе Пейратс, лично возглавлявший «Либертарную молодёжь» Каталонии во время Гражданской войны, писал:

“Почти при самом своём рождении “Либертарная молодёжь” показала две тенденции. Среди молодых либертариёв Каталонии преобладало настроение не в пользу национальной федерации. Эти юноши мыслили

“Молодёжь” как составную часть синдикатов и анархических федераций. Они понимали свою миссию как ограниченную задачами культуры и пропаганды, образования и самообразования, стремясь, таким образом, воплотить в жизнь то, что не смогли бы осуществить группы и синдикаты, охваченные пылом экономической и революционной борьбы.

В среде самих анархистов и конфедератов идея национальной федерации такого рода, имеющей собственную независимую организацию, не только была воспринята как опасный уклонизм, но и воскресила давнюю полемику о неудобстве разделения активистов на старших и молодых, полемику, которая действительно вызвала противостояние между представителями двух поколений, а вместе с ним взаимную зависть и раздражение»⁸².

Вследствие этих разногласий вступление каталонских молодёжных групп в Иберийскую федерацию либертарной молодёжи состоялось лишь после начала Гражданской войны. Конгресс в Барселоне 1 ноября 1936 г. обсудил «предложение, сделанное “Либертарной молодёжи Каталонии”... о присоединении её к ФИХЛ» и принял резолюцию следующего содержания: «В ответ на предложение ФИХЛ конгресс единогласно решил войти в её состав, сохранив при этом полную автономию Каталонской региональной группы и оставив за ней право поддерживать отношения с ФАИ»⁸³.

До начала Гражданской войны «Либертарная молодёжь» оставалась сравнительно малочисленной. Однако, как и все остальные сегменты либертарного движения, она быстро стала расти с началом конфликта. Фидель Миро в мае 1937 г. утверждал, что организация уже имеет «около 170 000 членов»⁸⁴.

«Либертарная молодёжь» играла важную роль и в революции, и в гражданской войне. В первые месяцы войны, когда лоялистские силы состояли почти исключительно из добровольцев, она особенно активно пополняла колонны милиции⁸⁵. Одна из этих колонн, «Орлята» (Los Aguiluchos), была организована каталонской ЛМ самостоятельно. Вначале этим соединением командовал Хуан Гарсия Оливер, но вскоре оно перешло под начало Грегорио Ховера, другого члена группы «Мы»⁸⁶.

Как в тылу, так и в анархических войсках ФИХЛ вела масштабную пропагандистскую работу, устраивая курсы, собрания и конференции по широкому кругу вопросов. Она также проводила кампанию под лозунгом «Оружие фронту!» в то время, когда вооружённые до зубов отряды военизированной полиции, по большей части контролируемые коммунистами, оставались в арьергарде, а боевые части, особенно на Арагонском фронте, испытывали нехватку оружия и боеприпасов.

«Либертарная молодёжь» стала играть особенно заметную роль после краха Арагонского фронта в начале 1938 г., сопровождавшегося массированными бомбардировками Барселоны. В Каталонии и, в частности, в Барселоне началась паника, затронувшая не только правительство, но и НКТ. Лидеры пропускали собрания, прятались, паковали чемоданы. Рядовые граждане искали убежища, посчитав самым безопасным местом метрополитен.

В этот момент «Либертарная молодёжь», не советуясь с другими анархическими группами, выпустила обращение к населению, где призывала людей вернуться в свои дома и на рабочие места, говоря, что опасность не так велика, как они думают, и что, в любом случае, жизнь в городе должна продолжаться. Молодёжные группы спускались в метро и уговаривали людей вернуться домой. Однажды ночью они исписали стены и улицы Барселоны незамысловатыми лозунгами, осуждавшими тех, кто оставил работу, как предателей. Наконец, были организованы летучие отряды, которые шли на предприятия, закрывшие свои двери, заставляли впустить их и говорили ответственным, что, если они не откроются на следующий день, последуют репрессивные меры. Во многом благодаря этим действиям удалось до некоторой степени нормализовать ситуацию в каталонской (а в то время и республиканской) столице⁸⁷.

Во время войны было проведено по меньшей мере два общенациональных форума «Либертарной молодёжи». Первым из них был национальный пленум в июле 1937 г. Он собрал представителей от всех региональных организаций, кроме Эстремадуры и Севера, чьи делегаты не смогли присутствовать из-за боевых действий. Был официально утверждён новый Полуостровной комитет ФИХЛ во главе с Фиделем Миро⁸⁸. Фактически Миро исполнял обязанности генерального секретаря с марта 1937 г., когда его предшественник исчез при загадочных обстоятельствах⁸⁹.

Другим национальным форумом стал II конгресс ФИХЛ, проведённый в феврале 1938 г., на котором были представлены делегации из регионов Центра, Юга, Леванта, Арагона и Каталонии, а также бойцы из разных воинских частей, контролируемых анархистами. Долгую дискуссию вызвала оппозиция значительной части каталонской молодёжной организации по отношению к созданию централизованного Национального либертарного движения, включавшего НКТ, ФАИ и ФИХЛ. Конгресс также избрал новое общенациональное руководство во главе с Лоренсо Иньиго из Мадрида⁹⁰.

«Либертарная молодёжь» сыграла важную роль в майских событиях 1937 г.: когда барселонские анархисты и поумисты оказали вооружённое сопротивление коммунистической агрессии, молодёжные активисты заняли большинство баррикад, воздвигнутых по всему городу. Однако в итоге они повиновались директивам лидеров НКТ и ФАИ и сложили оружие⁹¹.

ФИХЛ за время войны заключила несколько союзов с другими молодёжными группами. Первым из них стал пакт с молодёжной организацией Объединённой социалистической партии Каталонии в ноябре 1936 г. Он предусматривал создание координационного комитета «в качестве первого шага к установлению тесного сотрудничества всей антифашистской и революционной молодёжи...» От «Либертарной молодёжи» соглашение подписали Альфредо Мартинес, Фидель Миро и Хуан Баутиста Асо⁹².

В феврале 1937 г. в Каталонии, поскольку трения между анархистами и сталинистами из ОСПК нарастали, ФИХЛ объединилась с молодёжной группой антисталинской Рабочей партии марксистского единства и несколькими другими организациями, образовав Фронт революционной молодёжи. Он провёл несколько многолюдных митингов в Каталонии, самый известный из которых состоялся 14 февраля в Барселоне, где выступали Фидель Миро и

Альфредо Мартитес от ФИХЛ и Вилебальдо Солано от поумистской молодёжи⁹³.

Это событие ускорило открытый разрыв между либертарной и сталинистской молодёжью в Каталонии. Хотя молодёжные активисты ОСПК были приглашены на митинг, они отказались – из-за участия «троцкистской» организации ПОУМ. (По замечанию Хосе Пейратса, для сталинистов «все неортодоксальные коммунисты были троцкистами»⁹⁴.)

После подавления ПОУМ «Либертарную молодёжь» начали усиленно втягивать в другой союз, на сей раз с «Объединённой социалистической молодёжью» (ОСМ), связанной с Коминтерном. Приблизительно в конце 1937 г. был образован АХА – Молодёжный антифашистский альянс (Alianza Juvenil Antifascista). Гарсия Оливер описывает его состав следующим образом: «Иберийская федерация либертарной молодёжи, “Объединённая социалистическая молодёжь” (коммунисты), “Левая республиканская молодёжь” (прокоммунистическая), “Синдикалистская молодёжь” (несуществующая), “Федералистская молодёжь” (несуществующая), Федеральный союз испанских учащихся (с прокоммунистическим руководством)»⁹⁵. Фидель Миро утверждал, что АХА не проявил себя почти ничем, кроме проведения серии митингов в разных городах лоялистской Испании⁹⁶.

После утверждения правительства Негрина в мае 1937 г. крупной организационной проблемой для «Либертарной молодёжи» стало освобождение от призыва тех, кто вёл работу в организации. Как вспоминал спустя много лет один из лидеров ФИХЛ военного периода, хотя «Объединённая социалистическая молодёжь» добилась такого освобождения для всех, от своего председателя до швейцара в своей штаб-квартире, правительство отказалось признать подобное право за лидерами ФИХЛ. Как следствие, в конце войны большинство ответственных работников Федерации либертарной молодёжи относились к одной из трёх категорий: негодные к службе, инвалиды войны и женщины⁹⁷.

Когда в апреле 1938 г. в Каталонии был создан Исполнительный комитет Либертарного движения, Федерация либертарной молодёжи вошла в его состав, наряду с НКТ и ФАИ. Представителем ФИХЛ в данном органе был Фидель Миро⁹⁸.

Союз свободных женщин

В отличие от НКТ, ФАИ и Федерации либертарной молодёжи, Национальная федерация свободных женщин была образована только после начала Гражданской войны. Кроме того, несмотря на все свои усилия, «Свободные женщины» не смогли достичь равного статуса с другими организациями в испанском либертарном движении.

Движение зародилось вокруг одноимённого журнала, основанного в 1934 г. Люсией Санчес Саорниль, Мерседес Комапосадой и Ампаро Пок. Позднее, вскоре после начала войны, группа анархисток, столкнувшись с враждебным отношением во время своего участия в курсах при Местной федерации синдикатов НКТ в Мадриде, сформировала местную группу, названную «Свободные женщины», и провозгласила своей целью «развивать образование и женскую индивидуальность... чтобы быть способными занимать любую позицию в организации и, таким образом, снять ту печать “Только для мужчин”, которая как будто

стоит на ней...» Упомянутой организацией, конечно же, была НКТ. В сентябре 1936 г. Женская культурная группа, имевшая сходные задачи, была создана в Барселоне. К тому времени обе организации, вместе взятые, насчитывали около 500 членов⁹⁹.

Движение быстро распространялась, и его приоритеты менялись в ответ на вызовы войны. Мэри Нэш отмечает, что его целью стало «ориентировать стихийную активность женщин и поднять их социальную сознательность, чтобы они могли понять важность текущего момента для борьбы за социальную революцию». Движение охватило все части лоялистской Испании, и, хотя оценки численности «Свободных женщин» сильно разнятся, Мэри Нэш приходит к выводу, что они, вероятно, вовлекли в свои ряды 20 000 женщин или больше¹⁰⁰. Лола Итурбе принимает их численность равной 38 000¹⁰¹.

В августе 1937 г. в Валенсии прошла первая национальная конференция «Свободных женщин», делегаты на которой представляли Барселону, Херону, Таррагону, Лериду, Гвадалахару, Орче, Ебру, Мондехар, Валенсию, Эльду, Альмерию, Игуаладу, Садурни-де-Нойю, Алькой и Мадрид. Эти делегаты во многих случаях получали дополнительные мандаты от других местных групп, и, по оценке Нэш, фактически на конференции было представлено около 115 групп.

Главными задачами конференции были учреждение Национальной федерации свободных женщин и избрание комитета для подготовки окончательной редакции устава новой организации, который был издан месяц спустя. Устав формулировал цель новой организации следующим образом: «а. Создать сознательные и ответственные женские силы, которые будут действовать как авангард прогресса; b. Создать для этой цели школы, институты, специальные курсы и т.п., чтобы обучить женщину и выволить её из тройного рабства, в котором она была и до сих пор ещё пребывает: рабства невежества, рабства женского бытия и рабства работницы».

Статья 2 гласила:

“«Чтобы осуществить эти цели, она [Федерация] будет действовать как политическая организация, разделяющая общие цели НКТ и ФАИ, поскольку её стремление к женской эмансипации имеет ещё более высокую цель – позволить женщинам участвовать в общечеловеческой эмансипации, чтобы с приобретёнными знаниями, усиленными их личными качествами, построить новый социальный порядок»¹⁰².

Лола Итурбе говорит: «Группы “Свободных женщин” создавали общеобразовательные и профессиональные школы во всех населённых пунктах, где они были организованы... “Свободные женщины” содействовали организации сельскохозяйственных коллективов и работали в них с огромным энтузиазмом. Они участвовали в распространении пропагандистских материалов на фронтах боевых действий. Они создали много детских садов. Публикуемые ими работы также имели большое значение»¹⁰³.

«Свободные женщины» выступали за полномасштабное участие женщин в оборонных мероприятиях, прежде всего в тылу. Майский выпуск их периодического издания в 1938 г. представил с этой целью программу из семи пунктов:

“1. Приостановка всех строительных работ в городах и использование строительных материалов для возведения укреплений. 2. Приостановка любой деятельности, не связанной с нуждами войны, сельскохозяйственного производства и народного образования. 3. Направление всех способных мужчин в возрасте до 45 лет на фронты. 4. Сведение остальных, в возрасте до 55 лет, в инженерные батальоны, за исключением технических специалистов вооружённых сил и военного производства. 5. Привлечение женщин ко всем видам механизированных работ в военной промышленности и в производстве в целом. 6. Создание детских садов, чтобы предоставить матерям свободу действия. 7. Открытие народных столовых для всех рабочих обоих полов, которые имеют соответствующее удостоверение»¹⁰⁴.

«Свободные женщины» сталкивались с упорным сопротивлением других элементов либертарного движения. Некоторые утверждали, что признание этой организации составляющей частью движения вызовет раскол среди анархистов страны¹⁰⁵.

Особенно сильно «Свободных женщин» критиковала «Либертарная молодёжь». Не подлежит сомнению, что молодые участницы НКТ и ФАИ воспринимали «Свободных женщин» как, главным образом, объединение женщин старшего возраста, с которыми их младшие соратницы имели мало общего¹⁰⁶. Однако, как утверждает Мэри Нэш, «Либертарная молодёжь» очень боялась того, что женские группы могут посягнуть на её аудиторию. В результате, говорит она, ФИХЛ создала женские секретариаты в своих местных и региональных организациях. Кроме того, она старалась прекратить всякую поддержку Федерации свободных женщин со стороны НКТ¹⁰⁷.

«Свободные женщины» добивались, чтобы их организация была принята как четвёртая составная часть либертарного движения. Однако, когда они представили это предложение общему пленуму движения в октябре 1938 г., оно было принято лишь условно и подлежало утверждению на референдуме среди остальных элементов движения¹⁰⁸. Нет никаких ясных указаний на то, какими были результаты этого референдума, если он вообще проводился, но на последнем общем форуме движения в феврале 1939 г., после потери Каталонии, «Свободные женщины» по-прежнему жаловались на отсутствие у них официального признания¹⁰⁹.

Хотя «Свободные женщины» во время войны подвергались сильному давлению со стороны других политических групп, пытавшихся вовлечь их в АМА – Объединение антифашистских женщин (Agrupación de Mujeres Antifascistas), более широкую женскую организацию, направляемую коммунистами, – они не поддались этому давлению. Но, несмотря на этот факт, некоторые анархистки участвовали в работе групп АМА на местном и региональном

уровне¹¹⁰.

В августе 1938 г. АМА всё ещё стремилось заполучить «Свободных женщин» в свои ряды. Но, как отмечает Мэри Нэш: «В этой полемике “Свободные женщины” неизменно подтверждали свою анархическую ориентацию и настаивали на праве каждой организации следовать собственной идеологии без какого-либо вмешательства. Недостаток революционности стал другим поводом отклонить объединение с АМА... АМА была организацией смешанного состава без чёткой тенденции и потому легко манипулируемой...»¹¹¹

«Международная антифашистская солидарность» Анархисты долгое время имели свои комитеты помощи заключённым (comités de presos), которые оказывали материальную помощь тем из них, кто попал тюрьму по той или иной причине, а также заботились об их семьях. Эта традиция поддержки тех участников движения, кому посчастливилось меньше всего, в годы войны нашла более широкое выражение в «Международной антифашистской солидарности» (СИА), созданной в июле 1937 г. Её задача заключалась в сборе гуманитарной помощи, которая распространялась как в анархических частях на фронте, так и среди гражданских лиц в тылу лоялистов.

Согласно одному анархическому источнику, в СИА «участвовали многие фигуры из области литературы и политики», как в Испании, так и за рубежом. Были организованы иностранные отделения СИА. Французское отделение включало в свой состав не только анархистов, таких как Себастьян Фор, но и политика-социалиста Марсо Пивера и профсоюзного лидера Леона Жуо. Также были открыты отделения в Соединённых Штатах и Великобритании. Американский филиал, имевший штаб-квартиру в Нью-Йорке и местные группы по крайней мере в девяти штатах, спонсировал поездку испанских анархистов по стране для сбора средств на мероприятия СИА. Британское отделение предоставило не только еду и медикаменты, но также 123 санитарных автомобиля и деньги на сумму 360 000 фунтов¹¹².

Местные анархические организации

В дополнение к пяти общенациональным организациям испанское либертарное движение до и во время Гражданской войны включало в себя многочисленные местные организации, выполнявшие самые разнообразные цели.

Джордж Эзенвейн, говоря об анархическом движении того времени, отмечает, что его деятельность «сосредотачивалась главным образом вокруг широко распространённых социальных институтов рабочего класса, кружков, кафе, клубов, атенеев и рабочих центров, встречавшихся в городских районах-баррио, небольших городах и сельской местности по всей Испании. Работая в этих заведениях, так же как и в своих собственных организациях, анархисты со временем прочно укоренились в рабочей среде»¹¹³.

Эзенвейн также прокомментировал особую роль в городском районе бара, или кафе, значение которого далеко не исчезло с началом Гражданской войны:

■

«Жизненно необходимым компонентом окружения рабочих в испанском обществе конца XIX века было кафе или бар. Это не в последнюю очередь было вызвано беспросветностью домашней жизни, которую приходилось терпеть подавляющему большинству рабочих... Бар или кафе представляли собой самый удобный и, возможно, единственный способ сбежать от этого унылого существования. Утром рабочий зайдёт туда по пути на работу, чтобы съесть свой скудный завтрак... В конце дня он вернётся в таверну выпить вина, побеседовать с друзьями или скоротать вечер, играя в карты, шахматы или шашки»¹¹⁴.

“ «Признавая значение бара и кафе как агентов социализации, анархисты стремились качественно изменить эти заведения, чтобы они соответствовали их ценностям. Так, в анархистском кафе рабочих можно было увидеть не только за игрой, но и занятых самообразованием, читающих книги, периодику и брошюры. Следует отметить, что значительный уровень неграмотности среди рабочих не мешал анархистам использовать кафе в качестве образовательного центра. Напротив, в нём обычно имелся один или несколько сознательных рабочих (*obreros conscientes*), которым полагалось читать свежие анархистские газеты или вести дискуссии на политические и образовательные темы»¹¹⁵.

Именно такие более или менее неформальные анархические центры – как и профсоюзные помещения НКТ – служили точками сбора для рабочих, когда 18 июля 1936 г. начался военный мятеж. Через них быстро распространялись новости о произошедшем, и срочно были мобилизованы бойцы для осады казарм и противостояния мятежной армии на улицах больших и малых городов. Аналогичным образом, в ходе Майских дней 37-го в Каталонии во многом именно благодаря неформальным анархическим центрам рабочие каталонских городов, через несколько часов после событий на Пласа-де-Каталунья, были мобилизованы для противостояния контролируемой коммунистами полиции и военизированным отрядам Объединённой социалистической партии Каталонии, и баррикады были воздвигнуты в рабочих районах и центральной части Барселоны и других городов. Также на протяжении большей части Гражданской войны через неформальные сети, наряду с профсоюзным аппаратом, рабочие рекрутировались на службу в милиции и строительство укреплений в Мадриде и других местах.

Испанские анархисты и МАТ

И до, и во время Гражданской войны испанский анархизм был частью международного движения. Речь идёт о Международной ассоциации трудящихся (МАТ).

После большевистской революции НКТ весьма симпатизировала режиму, установленному ленинистами. Конгресс 1919 г. под одобрительные возгласы принял резолюцию, гласившую: НКТ «заявляет, что она временно присоединяется к Коммунистическому Интернационалу»¹¹⁶.

Во исполнение этой резолюции, делегация НКТ во главе с Анхелем Пестаньей посетила II конгресс Коминтерна в июле 1920 г. Пестанья «немедленно выступил с возражениями против той роли коммунистической партии в деятельности Третьего Интернационала, на которой сильно настаивал Ленин». Он встретился в Москве со многими европейскими и американскими анархистами, включая Эмму Гольдман, Александра Беркмана и Аугустина Сухи, которые уже разочаровались в большевистском режиме¹¹⁷.

В любом случае, Коминтерн был организацией политических партий, что подразумевало невозможность участия в нём НКТ, как профсоюзного объединения. Но, когда Коминтерн решил создать Красный интернационал профсоюзов (Профинтерн), НКТ также получила приглашение на его учредительный конгресс. На подпольном пленуме НКТ в апреле 1921 г., состоявшемся после убийства национального секретаря Эвелио Боалья и ареста большинства других лидеров-ветеранов организации, было решено делегировать на конгресс Профинтерна исполняющего обязанности секретаря Андреса Нина, Хоакина Маурина, Иларио Арландиса и Хесуса Ибаньеса. Все они оказались убеждёнными сторонниками большевистского режима и Коминтерна¹¹⁸. Анархические особые группы воспользовались своим правом, чтобы включить в состав делегации ещё одного члена – молодого французского анархиста Гастона Леваля. В отличие от четверых сторонников коммунистов, он связался в Москве с российскими и иностранными анархистами и вернулся в Испанию враждебно настроенным к большевизму¹¹⁹.

Решение делегации впоследствии было аннулировано другим пленумом НКТ, и конференция НКТ в Сарагосе в июне 1922 г. вынесла заключение по вопросу интернациональной ориентации. Гарсия Оливер писал: «Относительно вступления в профсоюзный Интернационал в Берлине, то есть Международную ассоциацию трудящихся, было решено согласиться с докладами Национального комитета, Пестаньи, Гастона Леваля. Одобрение было единогласным. Это означает, что мы окончательно порываем с Красным Интернационалом профсоюзов и присоединяемся к Берлинскому Интернационалу, который будет включать в себя НКТ из Испании, САК из Швеции, ФАУД из Германии»¹²⁰.

К тому времени как разразилась Гражданская война в Испании, МАТ была малочисленной и относительно слабой организацией. Её германская секция была уничтожена нацистами, у аргентинской катастрофически снизилась численность и влияние.

Во время войны МАТ не удалось мобилизовать достаточно сил в помощь своим испанским коллегам, у которых её деятельность вызывала большое раздражение. Иностранные анархисты, как и МАТ непосредственно, весьма критически относились к соглашательской позиции и действиям НКТ-ФАИ. В декабре 1937 г. Хуан Гарсия Оливер и Федерика Монсень отправились на Чрезвычайный конгресс МАТ в Париже, чтобы объяснить и защитить тактику испанских анархистов. Эти противоречия будут подробно разобраны в другом месте книги.

Заключение

К началу Гражданской войны анархизм в Испании имел семидесятипятилетнюю историю и у него было больше последователей, чем у любой другой политической тенденции в стране. Он оставался самым многочисленным, хотя и не самым сильным, народным движением республиканской Испании до конца конфликта.

Разные элементы либертарного, или анархического, движения выполняли разные функции. Национальная конфедерация труда была профсоюзной организацией, она оказалась главным действующим лицом в той социально-экономической революции, которая произошла в начале войны и, угасая, продолжалась до её окончания, а также играла важную политическую роль. Федерация анархистов Иберии, по преимуществу испанская, была политическим крылом анархизма и фактически превратилась в политическую партию за время войны. Иберийская федерация либертарной молодёжи стремилась сплотить широкие молодёжные массы вокруг анархического знамени, она играла важную роль как в военных формированиях анархистов, так и в тылу. Во время войны появились две новые группы, Федерация свободных женщин и «Международная антифашистская солидарность»; первая добивалась статуса равноправного партнёра НКТ-ФАИ-ФИХЛ в либертарном движении, но так и не получила его; вторая являлась специализированной вспомогательной службой для всех элементов движения.

В остальных частях данной книги будут прослежены взаимоотношения этих компонентов испанского анархизма, а также отношения каждого из них и всех вместе с другими силами в тающей Испанской республике, во всех аспектах её жизни, включая военную, экономическую, социальную и политическую сферы, во время Гражданской войны.

4. Начало Гражданской войны

Истоки Гражданской войны могут быть прослежены по крайней мере начиная с провозглашения Второй Испанской республики 14 апреля 1931 г. Эта перемена, произошедшая в то время, когда Испания испытывала на себе воздействие Великой депрессии, была принята относительно безболезненно, но именно с неё началось нарастание напряжённости во внутренней политике Испании.

Низложение короля Альфонсо XIII и провозглашение Республики прошло без каких-либо серьёзных затруднений. Король был настолько дискредитирован своей связью с диктатурой Primo de Rivera 1923–1930 гг., что в решающий момент у него оказалось мало сторонников. Когда муниципальные выборы дали республиканское большинство в крупнейших городах страны, монарх истолковал эти результаты как отказ признавать его власть и уехал за границу, хотя он так и не отрёкся от трона официально.

После бегства короля Республика была провозглашена при участии не только традиционных республиканцев, но и тех, кто до недавнего времени были монархистами и королевскими министрами, как, например, Мигель Маура, ставший первым республиканским министром внутренних дел. Более того, первый президент Республики, Нисето Алькала-Самора, отошёл от монархизма лишь незадолго до провозглашения Республики.

Некоторые лидеры анархистов участвовали в заговорах с целью свержения монархии, предшествовавших падению Альфонсо XIII. С утверждением Республики новый режим на первых порах пользовался значительной поддержкой среди анархических рабочих Каталонии и других регионов Испании.

В день, когда была провозглашена Республика, НКТ издала воззвание следующего содержания: «Мы не в восторге от буржуазной республики, но мы не согласимся на новую диктатуру. Чтобы Республика упрочилась, она, несомненно, должна иметь поддержку рабочей организации, иначе этого [упрочения] не случится»¹.

Коммунисты же, тогда проходившие так называемый «третий период», отличавшийся крайним сектантством, были всецело враждебны по отношению к новой Республике. Хосе Бульехос, в то время генеральный секретарь Коммунистической партии Испании, отмечал, что, согласно инструкциям, полученным от Коминтерна, «Коммунистическая партия ни при каких обстоятельствах не должна была заключать пактов или альянсов, даже на короткий миг, с какой-либо другой политической группой. В каждый момент и по отношению к каждой другой политической группе она должна была сохранять полную политическую независимость и полную свободу действий. Она ни в коем случае не должна была защищать

республиканское правительство или поддерживать его»².

Экономическое положение Республики

Трагедия Второй Испанской республики, помимо всего прочего, была обусловлена тем фактом, что она появилась на свет, когда мировой экономический кризис достиг своей низшей точки. И выход из депрессии ещё не начался к тому времени, когда страна оказалась охвачена гражданской войной.

Депрессия за рубежом повлияла на спрос на сельскохозяйственную продукцию и минеральное сырьё из Испании. В сельской местности это способствовало усилению эксплуатации, которой издавна подвергались батраки, и сделало ненадёжным положение мелких производителей. Промышленные отрасли, несмотря на защиту высоких пошлин, также серьёзно пострадали. Закрытие фабрик, заводов и шахт стало в те годы обычным явлением. Широко распространилась безработица. Франк Еллинек во время Гражданской войны сообщал, что перед тем, как она началась, правительство «было вынуждено допустить по меньшей мере 79 000 частично безработных и 178 000 полностью безработных промышленных рабочих, 154 000 частично и 168 000 полностью безработных крестьян, в общей сложности 579 000 безработных». Он добавлял: «...Известно, что в сельском хозяйстве безработица фактически была гораздо выше, что был почти миллион безработных в целом...»³

Кейнсианская революция ещё не произошла, и республиканское правительство не лучше, чем большинство других правительств, знало, что делать в условиях той национальной катастрофы, которой была Великая депрессия. Неспособность республиканского режима дать адекватный ответ на экономические проблемы страны вела к нарастанию политической поляризации и усиливала давнюю тенденцию испанских политиков решать свои проблемы с помощью насилия.

Первый период Второй республики

Вскоре после провозглашения Республики были проведены выборы в Учредительные кортесы, которые должны были принять новую конституцию. На этих выборах анархисты не особенно настаивали на электоральном бойкоте, который соответствовал бы их идеологии. Несомненно, многие анархисты голосовали, и, как отмечает Дэвид Каттелл, «из-за острой конкуренции анархисты обычно не отдавали свои голоса за социалистов, чья программа была ближе всего к их собственной. Вместо этого они предпочитали голосовать за республиканцев, тем самым позволяя им получить как можно больше мест в кортесах»⁴. В значительной степени благодаря поддержке анархистов, левые, а именно социалисты и левые республиканцы в большей части Испании и левые националисты в Каталонии, выиграли эти выборы.

Как следствие, два с небольшим года у власти находилось правительство левых республиканцев и социалистов. Оно разработало новую республиканскую конституцию, но с

большой осторожностью шло на коренные изменения в экономике и обществе Испании. Хотя оно приняло некоторые антиклерикальные меры и провело закон об аграрной реформе, его программа, по существу, не предусматривала какого-либо радикального перераспределения земли.

Мануэль Асанья, левый республиканец, был главной политической фигурой в этот первый период Республики. На нём в значительной степени лежит ответственность за разработку мер, с помощью которых предполагалось сократить вооружённые силы, предоставляя офицерам отставку на выгодных условиях. Это оказалось нерациональным, поскольку многие офицеры, первоначально поддерживавшие Республику, были вынуждены покинуть армию.

Другим значимым политическим изменением тех двух лет было принятие испанским парламентом Устава автономии для Каталонии. Он предоставлял Хенералидаду, выборному региональному правительству, определённые полномочия в области охраны порядка, образования и социальных вопросов. При новом режиме контроль над регионом перешёл в руки новообразованной партии «Левые республиканцы Каталонии», которая была организована в эмиграции отставным полковником Франсиско Масия и появилась в Каталонии после провозглашения Республики. Масия был избран первым президентом каталонской автономии; после его смерти в декабре 1933 г. этот пост занял Луис Компанис, ранее успевший побывать спикером каталонского парламента, адвокатом НКТ и руководителем Союза рабасайрес – организации, объединявшей большинство крестьян-арендаторов региона⁵.

Франсиско Ларго Кабальеро, генеральный секретарь контролируемого социалистами Всеобщего союза трудящихся, в этот период был министром труда Испанской республики. Он установил порядок, согласно которому трудовые споры подлежали рассмотрению и урегулированию в арбитражных судах, чего никак не могло принять анархическое рабочее движение. В понимании анархистов, действия министра были призваны усилить его собственный Всеобщий союз трудящихся и ослабить их Национальную конфедерацию труда. Таким образом, в первый период Республики анархисты оказались в особенности настроены против Ларго Кабальеро. Хосе Пейратс писал, что, как министр труда, Ларго Кабальеро не только оказался пристрастным по отношению к собственной организации, «но и вызвал сектантское озлобление в конкурирующей организации»⁶.

Другое обстоятельство ещё больше усилило оппозицию анархистов левореспубликанско-социалистическому правительству. Речь идёт о насильственном подавлении новым режимом стихийных выступлений сельскохозяйственных рабочих в обширных районах центральной и южной Испании, требовавших раздела крупных землевладений в тех местах. Кульминационной точкой стало происшествие в Касас-Вьехас, когда Гражданская гвардия хладнокровно расправилась со взбунтовавшимися крестьянами⁷. Это событие в немалой степени способствовало падению правительства.

В этот первый период Второй Испанской республики анархисты, среди которых после 1931 г. преобладали крайние элементы ФАИ, приняли участие в серии местных восстаний в разных частях страны, которые привели к установлению либертарного коммунизма в

охваченных ими местностях. Ни одно из этих восстаний не продолжалось больше нескольких дней, и, как мы отмечали выше, фаисты рассматривали их как школы революции. Так или иначе, они способствовали усилению вражды между анархистами и республиканским режимом.

Другая важная составляющая крайне левого фланга в испанской политике, Коммунистическая партия, претерпела значительные изменения в этот период. Хосе Бульехос, генсек партии в начале 30-х, описывал их много лет спустя. Он говорил, что когда в 1932 г. вспыхнул мятеж генерала Санхурхо и Коммунистическая партия выдвинула лозунг «защиты Республики», вместо текущего коминтерновского «рабоче-крестьянского правительства», то он и другие партийные лидеры были объявлены оппортунистами и капитулянтами, поскольку, по мнению Москвы, «главная угроза для Республики и демократической революции исходила не от монархистов и правых партий... а от Асаньи, Ларго Кабальеро и Прието, представителей реакционного капитализма».

В результате: «Столкнувшись с нашим упорным отказом переменить позицию, что мы считали невыгодным для рабочего класса, Коминтерн решил отделить нас от партии, чтобы навязать ей свою точку зрения и тактику». На смену Бульехосу и его товарищам пришло «новое руководство Коммунистической партии, состоявшее из Хосе Диаса Уртадо, Висенте Урибе, Антонио Михе, Хесуса Эрнандеса и Хуана Астигаррабии», которое «направило свои удары на социалистов, не прекращая их до самого кануна революции октября 1934 г.»⁸.

Второй период Второй республики

После отставки левореспубликанско-социалистического правительства в ноябре 1933 г. были проведены новые выборы. На этих выборах анархисты призывали своих сторонников не голосовать, в соответствии с традиционными идеями анархизма. Результатом этого стала победа правых. (Тем не менее анархисты голосовали на каталонских региональных выборах, проведённых спустя два месяца после национальных, обеспечив победу «Левым республиканцам Каталонии»⁹.)

Ведущими силами правого лагеря после выборов 1933 г. стали Испанская конфедерация независимых правых (СЭДА), которая фактически являлась коалицией партий, возглавляемой Хосе Марией Хиль-Роблесом, и Радикальная партия, возглавляемая Алехандро Леррусом, который в начале века был демагогом околосоциалистического толка, но к 30-м годам сдвинулся вправо.

Другими правыми партиями, которые играли второстепенную роль в период 1933–1936 гг., но приобрели большое значение в месяцы, предшествовавшие Гражданской войне, и непосредственно во время войны, были Испанская фаланга, возглавляемая Хосе Антонио Примо де Риверой – сыном бывшего диктатора, и Традиционалистская партия. Первая была фашистской партией, несколько лидеров которой пришли из анархического движения. Традиционалисты, или карлисты, как их называли в народе, были консервативной партией, возникшей в гражданских войнах XIX века. Их позиции были особенно сильными на севере – в Наварре и Стране Басков, – но они также имели определённое число сторонников в

Арагоне и средиземноморских прибрежных провинциях. Как фалангисты, так и карлисты имели свои военизированные отряды. Долорес Ибаррури и другие отмечают, что полковник Варела, участник заговора генерала Санхурхо в Севилье в 1932 г., восстановленный в звании правым правительством 1933–1935 гг., перед Гражданской войной активно проводил обучение карлистских боевых групп – рекетес¹⁰.

Ещё одна партия, которая находилась на правом фланге в первый период Республики, изменила свою позицию в 1933–1936 гг. Это была Баскская националистическая партия. Хосе Бульехос так описывал этот процесс: «Хотя баскский национализм, в силу его ревностного католицизма, его консерватизма и преданности традициям, составлял часть правого блока в Учредительных кортесах, их автономистские ожидания не были удовлетворены, и проект Устава даже не был вынесен на рассмотрение нового парламента. Вследствие этого баскские националисты пошли на сближение с левыми... Правое правительство также не позволило провести муниципальные выборы в Стране Басков, предусмотренные республиканской конституцией»¹¹.

Логика парламентской арифметики после выборов 1933 г. должна была привести к формированию коалиционного правительства СЭДА и радикалов. Однако левые яростно выступали против участия членов СЭДА (слывших «фашистами») в правительстве, угрожая в этом случае поднять восстание. Только в октябре 1934 г. премьер-министр Леррус предложил Хиль-Роблесу стать военным министром и пригласил в кабинет других членов СЭДА.

Как и обещали социалисты вместе с некоторыми левыми республиканцами, Всеобщий союз трудящихся объявил всеобщую революционную стачку. Одновременно Луис Компанис, президент автономного правительства Каталонии, провозгласил этот регион «независимым в составе Испанской конфедерации». Наряду с этим всеобщая забастовка, устроенная Рабочим альянсом, началась в Барселоне, где профсоюзам ПОУМ и не слишком многочисленным сторонникам ВСТ удалось остановить работу общественного транспорта, большинства торговых заведений и некоторых ключевых заводов города. Это произошло несмотря на тот факт, что представитель регионального комитета НКТ выступил по радио и объявил, что никакого призыва ко всеобщей стачке не было¹².

Однако уже через несколько часов Компанис сдался правительственным войскам, вышедшим против него из казарм. Одним из долгосрочных последствий этого неудачного демарша каталонских сепаратистов стало то, что в руках анархистов оказалось большое количество оружия, брошенного каталонскими националистическими боевыми группами.

Единственной частью Испании, где в октябре 1934 г. произошло настоящее восстание, была Астурия. Это была единственная область, где анархисты сотрудничали с социалистами, не только в проведении всеобщей стачки, но и в захвате контроля над регионом. Экспедиции под командованием генерала Лопеса де Очоа, состоявшей главным образом из марокканцев и иностранных легионеров, потребовалось две недели, чтобы подавить восстание. Военная операция в Астурии проходила под наблюдением генерала Франсиско Франко, который был вызван в Мадрид с Балеарских островов, где он был командующим войсками, и фактически стал руководить работой Военного министерства и Главного штаба¹³.

После этих событий правое правительство усилило натиск на все левые элементы. Десятки тысяч рабочих, крестьян, политиков и других людей оказались в тюрьмах. Под суд попали многие важные политические фигуры, включая лидера ВСТ Франсиско Ларго Кабальеро, который был приговорён к смертной казни, но освобождён спустя полтора года. Бесконечные аресты анархистов, социалистов, левых республиканцев и других вызвали ожесточение у левых и стали важным фактором, предопределившим падение правого правительства¹⁴.

На следующий год после Октябрьского восстания правое правительство было поражено изнутри. Администрация Лерруса и, в особенности, его Радикальная партия были запятнаны серией коррупционных скандалов, которые в итоге заставили Лерруса подать в отставку. Другим немаловажным результатом этих скандалов стал откол от Радикальной партии значительной умеренно левой фракции, возглавляемой Диего Мартинесом Баррио, которая сформировала Республиканский союз.

Ещё одно существенное изменение среди республиканских партий среднего класса произошло в начале 1934 г. «Республиканское действие» и Радикально-социалистическая партия, две республиканские партии, участвовавшие в правительстве 1931–1933 гг., объединились и образовали партию «Левые республиканцы» во главе с Мануэлем Асаньей, Марселино Доминго и Альваро де Альборносом¹⁵.

Бернетт Боллотен цитирует мадридскую умеренно-либеральную газету «El Sol», охарактеризовавшую правительственную политику на протяжении двух с лишним лет правления правых: «Во время второго двухлетия мы впали в другую крайность. За несколько месяцев зарплата резко упала с десяти-двенадцати песет в день до четырёх, трёх и даже двух. Собственники мстили рабочим, не понимая, что тем самым они накапливают горячую массу для социального пожара в ближайшем будущем. Одновременно многие землевладельцы, которых предписания правительства заставили снизить арендную плату, приступили к выдворению крестьян-арендаторов...»¹⁶

В сентябре 1935 г. премьером вместо Лерруса стал Хоакин Чапаприета, недолгое время занимавший министерский пост при монархии. Однако его правительство просуществовало лишь около трёх месяцев, прежде чем было сброшено очередным скандалом. Тогда президент Нисето Алькала-Самора, вместо того чтобы обратиться к СЭДА за кандидатурой нового премьер-министра, назначил Мануэля Портелу Вальядареса, главу небольшой центристской партии. Когда тот оказался неспособным получить поддержку большинства в кортесах, президент уполномочил его распустить парламент и назначить новые выборы на 16 февраля 1936 г.¹⁷

Народный фронт

На выборах 1933 г. левые были расколоты на социалистов, различные республиканские партии и других, проходивших по разным спискам, в то время как правые в большинстве своём были едины. На выборах в феврале 1936 г. ситуация была противоположной: практически все левые, за исключением анархистов, были объединены в Народном фронте.

Идея создания некоего объединённого фронта левых сил зародилась вскоре после победы правых в ноябре 1933 г. Рабоче-крестьянский блок (предшественник ПОУМ) первым предложил создать Рабочий альянс, включающий все профсоюзные организации и рабочие партии. В декабре в Каталонии был образован такой союз, куда вошли сам Блок и профсоюзы, находившиеся под его влиянием, трейнистская фракция НКТ, каталонская организация ВСТ, несколько левых партий и Союз рабасайрес – региональная организация крестьян-издольщиков. В течение 1934 г. рабочие альянсы были созданы почти по всей Испании. Единственным регионом, где в них участвовало большинство НКТ, была Астурия.

По мере того как во второй половине 1935 г. усиливалось разложение правого правительства и возрастали шансы на новые выборы, социалисты и республиканские партии начали переговоры о создании предвыборного альянса. Следуя недавним изменениям в политике Коминтерна, направленным на поддержку народных фронтов, коммунисты попросили включить их в эти переговоры и получили согласие. За ними последовали каталонские левые партии, Синдикалистская партия, недавно сформированная лидером НКТ Анхелем Пестаньей, и, наконец, несмотря на возражения коммунистов, Рабочая партия марксистского единства (ПОУМ), которые были допущены к участию в том, что к тому времени стали называть Народным фронтом. Фронт распределял места в бюллетенях между участвующими организациями так, чтобы партии фронта не конкурировали друг с другом.

Успех Народного фронта в значительной степени зависел от того, какую позицию займут по отношению к выборам анархисты. Этот вопрос вызвал жаркую дискуссию в рядах НКТ. В итоге анархисты предоставили своим сторонникам индивидуальное право решать, голосовать им или нет, не став отстаивать традиционную для них антиэлекторальную позицию.

Поступить так анархистов, без сомнения, заставило одно чрезвычайно важное обстоятельство – пребывание в тюрьме десятков тысяч политзаключённых, значительную долю среди которых составляли их соратники. Пока правые оставались у власти, эти узники имели мало шансов на освобождение, тогда как новое левое правительство в первую очередь должно было, среди прочего, выпустить политзаключённых из тюрем. Так или иначе, указывает Гомес Касас, со стороны анархистов «не наблюдалось практически никакого бойкота выборов»¹⁸.

Победа левых на выборах в феврале 1936 г. была достигнута с достаточно незначительным перевесом, чтобы полагать, что голоса, поданные за них анархистами, оказались решающими. Народный фронт набрал 4 540 000 голосов, а центристы и правые – 4 300 000. Тем не менее партии Народного фронта получили 271 место в новых кортесах, партии центра – 52, правые партии – 129¹⁹.

Революционная ситуация февраля – июля 1936 г. Месяцы между февральскими выборами и началом Гражданской войны в середине июля были отмечены стремительно усиливавшейся политической поляризацией, ростом насилия и угрозами восстания как справа, так и слева. Это была действительно революционная ситуация²⁰.

Фундаментальной проблемой в те месяцы была слабость правительства. В течение всего периода, с февраля по июль, кабинет состоял из одних представителей республиканских партий среднего класса. Социалисты, имевшие наибольшее представительство в кортесах – и всё же меньше того, на что они могли рассчитывать, поскольку, из-за распределения кандидатов в списках Народного фронта, многие депутаты от республиканских партий фактически были избраны голосами рабочих и крестьян, поддерживавших социалистов, – отказались войти в правительство.

Одним из первых действий новых кортесов стало отрешение от должности президента Нисето Алькала-Саморы и избрание вместо него Мануэля Асаньи. Хотя Асанья в первые годы Республики имел репутацию твёрдого человека, он оказался неспособным справиться с текущей политической ситуацией, которая становилась всё более конфликтной и хаотической, ни как премьер-министр (он занял этот пост сразу после выборов), ни затем как президент.

Другой проблемой этого периода стал глубокий раскол в Социалистической партии. Внутри неё образовались две главные фракции – левая, возглавляемая Франсиско Ларго Кабальеро, чьи сторонники контролировали Всеобщий союз трудящихся, и центристская, возглавляемая Индалесио Прието, который контролировал большую часть партийного аппарата, по крайней мере на национальном уровне. Это напряжённое соперничество продолжалось практически до конца Гражданской войны, хотя в ходе неё фракции поменялись местами. В частности, они изменили свою позицию по отношению к коммунистам.

После окончания первого периода Республики и поражения социалистов и левых республиканцев на выборах 1933 г. Франсиско Ларго Кабальеро стал радикализироваться. Он пришёл к выводу, что сотрудничество с республиканскими партиями в этот период было ошибкой, так как оно не позволило правительству провести давно ожидаемые коренные реформы (что было правдой). Он начал пропагандировать необходимость «диктатуры пролетариата», не разъясняя в подробностях, что он под этим подразумевает. В месяцы, остававшиеся до начала войны, его влияние во многом способствовало тому, что социалисты не участвовали в правительстве. В то время он говорил о необходимости рабочей революции. Хосе Пейратс предположил, что одной из причин радикализации Ларго Кабальеро стала его обеспокоенность быстрым ростом НКТ в области Мадрида, одним из его основных центров поддержки²¹.

В данной ситуации коммунисты горячо приветствовали левизну Ларго Кабальеро, по крайней мере на публике, хотя Бернетт Боллотен утверждает, что в частных беседах они довольно критически отзывались о его «инфантильности»²². Их пресса называла его «испанским Лениным» – титул, который, по словам Луиса Аракистайна, «был пожалован из Москвы»²³. При удобном случае Ларго Кабальеро и сам использовал это прозвище. Коммунисты поддерживали Ларго Кабальеро потому, что они надеялись извлечь выгоду из его позиции – и они действительно извлекли её.

Первым шагом, который сулил немалую выгоду коммунистам, было согласие руководства ВСТ принять в его ряды горстку профсоюзов, входивших в прокоммунистическую «унитарную» конфедерацию труда. Коммунисты ликвидировали эту конфедерацию в

декабре 1935 г. в рамках новой политики Коминтерна по объединению профессионального движения во всём мире, что должно было способствовать принятому курсу на создание народных фронтов. Хотя последствия этого шага, конечно, в то время нельзя было предвидеть, вхождение их профсоюзов в ВСТ дало сталинистам, впервые за многие годы, возможность хотя бы отчасти опереться на одну из двух массовых рабочих организаций страны.

Коммунистическая партия значительно выросла в месяцы, предшествовавшие Гражданской войне. Более или менее официальный отчёт сталинистов времён войны утверждал, что с февраля по июль 1936 г. их численность возросла с 30 до 102 тысяч²⁴. Хотя эти числа могут быть несколько преувеличены, рост численности и влияния коммунистов после выборов февраля 1936 г. не подлежит сомнению.

Одной из самых обсуждаемых тем в предвоенные месяцы была возможность слияния Социалистической и Коммунистической партий и создания единой рабочей партии. Ларго Кабальеро, казалось, подхватил эту идею, возможно убеждённый, что Социалистическая партия, во много раз превосходившая коммунистов, сможет нейтрализовать их и ассимилировать. У коммунистов, конечно же, имелись совершенно другие мысли на сей счёт.

Какие это были мысли, давало понять событие, произошедшее в апреле 1936 г. Молодёжное движение социалистов, насчитывавшее около 200 000 участников, и коммунистическая молодёжь, численностью «не более 50 000», объединились, образовав Федерацию объединённой социалистической молодёжи (ОСМ)²⁵. Ларго Кабальеро одобрял эту идею, по крайней мере на первых порах, а Федерация социалистической молодёжи энергично поддерживала Ларго Кабальеро в рядах социалистов.

Однако способ, которым было проведено это слияние, и характер организации, которая возникла в результате него, естественно, оказались не такими, как ожидал Ларго Кабальеро. Переговоры велись в квартире Хулио Альвареса дель Вайо, который тогда, как предполагалось, был одним из главных соратников Ларго Кабальеро в Социалистической партии, но позднее стал его злейшим врагом. Лидеры социалистической молодёжи вели долгие дискуссии с Викторией Кодовильей, тогда главным агентом Коминтерна в Испании, и тот устроил для них поездку в Москву, где они совещались, в числе прочих, с Дмитрием Мануильским, одним из руководителей Коминтерна. Можно не сомневаться, что именно те беседы определили природу нового «объединённого» молодёжного движения²⁶. Когда объединение произошло, новая организация немедленно вступила в Коммунистический интернационал молодёжи. Во время Гражданской войны ОСМ предстояло стать одной из ключевых деталей сталинистского аппарата в Испании. Большинство её высших национальных лидеров вступили в Коммунистическую партию в течение первых нескольких месяцев войны.

Однако в ходе Гражданской войны наметились тенденции к разрыву между социалистическими и коммунистическими элементами внутри ОСМ. Пальмиро Тольятти, направлявший работу Коминтерна в Испании, отметил выход прокабальеровских молодых социалистов из ОСМ, случившийся в провинции Мурсия уже в мае 1937 г.²⁷ Около года

спустя он обвинял национального секретаря Социалистической партии Ламонеду в организации социалистических групп внутри ОСМ и критиковал лидеров Социалистической партии за требование реорганизовать руководство ОСМ на условиях паритета между социалистами и коммунистами, требование, на которое Политбюро Компартии ответило отказом²⁸. Дэвид Каттелл также отметил, что местные организации Социалистической партии в Хаэне, Альбасете и Альмерии поддерживали «неофициальные органы “Социалистической молодёжи”, тесно связанные с Социалистической партией в своих районах»²⁹.

Фракция Индалесио Прието была решительно настроена против любых разговоров о возможном единстве социалистов и коммунистов и вообще против линии, которую проводил в эти месяцы Ларго Кабальеро. Прието, искушённый в парламентской политике, имел репутацию превосходного оратора и делового человека. Он неплохо ладил с политиками республиканских партий и одно время рассматривался ими как потенциальный премьер-министр, чему сильно воспротивился Ларго Кабальеро³⁰. Он прочно контролировал партийную машину социалистов в те месяцы. Гэбриел Джексон утверждает, что победа Прието на внутрипартийных выборах в июне 1936 г. была «первым видимым свидетельством того, что революционный прилив в Социалистической партии начинал ослабевать»³¹.

А пока в Социалистической партии происходило резкое размежевание, анархисты преодолевали тяжёлый раскол в их рядах, произошедший в первые годы Республики. На майском конгрессе в Сарагосе трейнтинистские (нефаистские) оппозиционные профсоюзы, вышедшие или исключённые из Национальной конфедерации труда, были восстановлены и приняли полноценное участие в съезде, после чего их представители вошли в руководство анархо-синдикалистского профсоюзного движения.

Если среди левых между февралём и июлем 1936 г. усиливалась поляризация, то сходный процесс происходил и на правом фланге испанской политики. Хотя СЭДА по итогам выборов получила вторую по численности депутатскую фракцию в кортесах и далеко опередила прочие правые партии, её позиции серьёзно пошатнулись в последующие месяцы.

Внутри СЭДА на смену Хиль-Роблесу пришли более радикальные элементы, в частности Хосе Кальво Сотело. В своих пламенных речах, в парламенте и вне его, Кальво Сотело обрушивался на левых, обличал слабость действующего правительства и пророчил надвигающуюся катастрофу. Он почти наверняка был вовлечён в заговор военных, который привёл к Гражданской войне.

В то же время сама СЭДА уступала свои позиции откровенным экстремистам справа. Карлисты и фалангисты переносили борьбу на улицы, где у них происходили постоянные столкновения, особенно с социалистическими и коммунистическими молодёжными группами. Лидер Фаланги Хосе Антонио Примо де Ривера был арестован правительством.

В этот период Фаланга росла особенно быстро. Многие молодые люди, ранее принадлежавшие к СЭДА, перешли в организацию Примо де Риверы. В эти месяцы она из небольшой маргинальной группы превратилась в крупного игрока на испанской политической сцене³².

Обе стороны политического спектра всё чаще обращались к насилию в борьбе против своих оппонентов. Это вело к многочисленным смертельным исходам. Стэнли Пейн приводит полицейскую статистику, показывающую, что в результате политического насилия с 17 февраля по 17 июля 215 человек были убиты и 537 получили ранения³³.

Два из этих актов насилия, произошедшие всего за несколько дней до начала Гражданской войны, получили особенно широкую огласку. Молодой офицер Штурмовой гвардии, преданный Республике, был убит, по-видимому правыми экстремистами. Несколько его сослуживцев, решив отомстить за него, в ответ похитили и убили Хосе Кальво Сотело, который, вероятно, стал бы гражданским предводителем мятежников, если бы выжил. Хотя некоторые утверждали, что расправа над Кальво Сотело и была тем актом, который спровоцировал выступление 17 июля, она определённо не имела такого значения – мятеж был спланирован и готов был начаться задолго до этого убийства.

Социально-экономическое развитие

Месяцы с февраля по июль 1917 г. были отмечены масштабными сдвигами как в сельской местности, так и в городах. В центральной и южной частях страны происходили массовые захваты земли арендаторами и батраками, и одновременно правительственный Институт аграрной реформы приступил к осуществлению обширной программы по легальной экспроприации земли и передаче её крестьянам. Согласно одному отчёту, институт за четыре месяца изъял 600 000 гектаров пахотной земли и разместил на ней 100 000 крестьян³⁴. Согласно Эдварду Малефакису, «с марта по июль было перераспределено гораздо больше земли, чем за всю предыдущую историю Республики»³⁵.

В некоторых местах происходили крупные стачки сельскохозяйственных рабочих. Эдвард Малефакис пишет: «За два с половиной месяца между 1 мая и началом гражданской войны 18 июля Министерство труда зарегистрировало 192 аграрных забастовки – столько же, сколько за весь 1932 г., и почти половину того, что приходилось на беспокойный 1933-й»³⁶.

В городах также происходили серьёзные изменения:

“ «Острое беспокойство у правительства вызывали не только волнения в сельской местности, но и не в меньшей степени трудовые конфликты в городских центрах. С конца мая до начала Гражданской войны Республику сотрясали забастовки, затронувшие почти каждую профессию и каждую провинцию. Несмотря на цензуру, колонки прессы пестрели сообщениями о продолжающихся забастовках, о старых забастовках, которые были прекращены, о новых забастовках, которые были объявлены и объявлением которых угрожали, о частных забастовках и всеобщих забастовках, о сидячих забастовках и забастовках солидарности. Забастовки проводились не только за повышение заработной платы, сокращение рабочего дня и оплачиваемый отпуск, но и для обеспечения

реализации декрета от 29 февраля, обязавшего работодателей принять обратно всех рабочих, уволенных по политическим мотивам после 1 января 1934 г., и выплатить им компенсацию»³⁷.

Возможно, самой серьёзной из всех была стачка строительных рабочих Мадрида. Она началась как совместная акция профсоюзов ВСТ и НКТ, но после того, как ВСТ объявил о её прекращении, строители НКТ отказались последовать за ним, что привело к столкновениям между анархическими и социалистическими рабочими и аресту руководителей профсоюза строителей НКТ. В итоге, когда началась Гражданская война, они были освобождены и, под руководством Сиприано Меры, организовали милиционную колонну, которая отвоевала для Республики провинцию Куэнка³⁸.

Заговор военных

На этом бурном внутривнутриполитическом фоне влиятельные круги в высшем командовании испанских вооружённых сил готовили вооружённый мятеж, которому предстояло стать отправной точкой Гражданской войны. Перемены в правительстве на удивление мало влияли на эту подготовку.

Хосе Бульехос, бывший генеральный секретарь Коммунистической партии Испании, утверждал: «Историческая правда заключается в том, что план мятежа не был сымпровизирован в первые месяцы 1936 г. и не являлся результатом политики правительства Асаньи и Касареса Кироги, но начал разрабатываться в 1933 г., когда группа высших военных чинов, в большинстве своём монархистов, создала Испанский военный союз, в высшей степени реакционную организацию, намереваясь восстановить монархию... Согласно фашистским источникам... организация мятежа против Республики началась в марте того года на частых встречах с участием именитых военных и политических лидеров, в том числе генералов Франко, Кейпо де Льяно, Вильегаса и полковника Ягуэ»³⁹.

Некоторые крайне правые гражданские политики вступили в контакт со многими ведущими генералами, включая Франко, Фанхуля и Годеда, ещё перед выборами февраля 1936 г., предлагая совершить переворот для предотвращения победы левых⁴⁰. Сразу после того, как результаты выборов стали известны, не только генерал Франко, бывший начальником генерального штаба, но и политические лидеры Кальво Сотело и Хиль-Роблес, как теперь известно, пытались заставить премьер-министра Портелу Вальядареса и президента Алькала-Самору объявить военное положение, которое фактически передало бы власть в руки армии. И премьер-министр, и президент отклонили эти требования и согласились на немедленное формирование правительства из сил, победивших на выборах, с Мануэлем Асаньей во главе⁴¹.

Долорес Ибаррури и её коллеги, ссылаясь на франкистские источники, утверждают, что основа заговора, который в итоге привёл к гражданской войне, была заложена в конце февраля, прежде чем Франко покинул Испанию в связи с назначением его командующим на

Канарские острова: «Была образована первая хунта генералов, ответственная за организацию мятежа и состоявшая из Мола, Варелы, Годеды, Франко, Саликета, Фанхуля, Понте и Оргаса. Санхурхо был определён руководителем движения, а генералу Родригесу дель Баррио была поручена координация действий заговорщиков»⁴².

Когда левые вернулись к власти, новое правительство предприняло некоторые шаги, предположительно направленные на то, чтобы ослабить тех военных, которые могли строить заговоры против режима. Однако эти меры были весьма умеренными и довольно неэффективными.

Левореспубликанское правительство, в основном, перетасовывало командиров, надеясь задвинуть потенциально мятежных генералов на должности, где они не могли нанести большого ущерба Республике. Генерала Франсиско Франко «сослали» командовать гарнизоном на Канарских островах, вблизи африканского побережья – откуда он без особых затруднений поддерживал связь с войсками в Испанском Марокко, где у него было много сторонников. Генерал Эмилио Мола был поставлен командующим в Наваррском регионе в Северной Испании, где он быстро завербовал для заговора карлистов, которые пользовались в той области большим влиянием и имели крупные полувоенные формирования. Генерал Мануэль Годед, также попавший под подозрение, был назначен командующим гарнизонами на Балеарских островах, откуда он поддерживал тесный контакт с гораздо более важными войсковыми частями в Каталонии.

Хосе Бульехос говорит: «Несколько раз офицеры и генералы, лояльные Республике, сообщали главе правительства о подготовке государственного переворота и о лицах, гражданских и военных, вовлечённых в неё. Касарес Кирога никогда не обращал внимания на эти настойчивые предупреждения и не принимал необходимых предосторожностей»⁴³.

Один пользовавшийся значением левореспубликанский политик того времени предположил две причины, по которым правительство февраля – июля 1936 г. не пошло на более масштабную чистку вооружённых сил. С одной стороны, антиреспубликанские настроения были широко распространены в офицерской касте. Тотальная чистка противников Республики фактически означала бы ликвидацию вооружённых сил – настолько укоренёнными и многочисленными были неблагонадёжные элементы в офицерском корпусе.

Другая причина, не позволявшая правительству провести полную чистку армии, по словам данного политика, заключалась в том, что пойти на это – значило бы изменить весь баланс сил в тот момент. Республиканские партии оказались зажаты между социалистами слева и различными консервативными партиями справа. Если бы правительство всерьёз занялось чисткой армии, то республиканские партии в правительстве должны были бы доверить поддержание порядка социалистической милиции, и они опасались, что в этом случае полностью окажутся во власти Социалистической партии⁴⁴.

До того, как начался мятеж, предводителем заговора считался Хосе Санхурхо. Он был генералом Гражданской гвардии, возглавившим выступление в Севилье против Республики в августе 1932 г., после провала которого он был арестован и приговорён к длительному тюремному заключению. Однако правый режим после своего прихода к власти освободил

его. Санхурхо погиб в авиакатастрофе в Португалии как раз тогда, когда мятеж шёл полным ходом.

Официальная коммунистическая история Гражданской войны подчеркнула роль офицеров, которые провели большую часть своей карьеры в Испанском Марокко, во время его затянувшегося до бесконечности завоевания, последующего умиротворения колонии и, наконец, подготовки мятежа 1936 года. В этом издании говорится: «За время колониальной войны против марокканского народа там сложилась группа военных, называемых “африканистами”, разделявших монархические и крайне реакционные взгляды и служивших по большей части в соединениях, набранных из марокканцев... или в наёмных войсках Иностранного легиона. К таковым относились Санхурхо, Мануэль Годед, Франко, Ягуэ, Мильян Астраи... Гарсия Валино... Муньос Грандес... и другие»⁴⁵. Позднее, в 1935 г., когда Хосе Мария Хиль-Роблес был военным министром, он назначил этих людей на ключевые посты в военной иерархии⁴⁶.

Генералы и офицеры, участвовавшие в заговоре, готовили его, почти не скрываясь. Несмотря на постоянные открытые призывы анархистов, коммунистов, поумистов и левых социалистов, к которым также просачивались сведения, правительство практически ничего не делало, чтобы помешать заговорщикам. Более того, 18 мая оно опубликовало официальное обращение, в котором говорилось: «Все сержанты и офицеры армии преданны Республице, и будет клеветой утверждать противоположное»⁴⁷.

Принято считать, что огромное большинство офицерского корпуса испанских вооружённых сил было вовлечено в Июльский путч 1936 г. Так, Сальвадор де Мадарьяга писал: «За редкими исключениями, можно сказать, что каждый офицер армии, у которого была такая возможность, присоединился к мятежникам. Из офицеров, которые остались на стороне правительства, лишь меньшинство поступило так по личному убеждению. Большинство присоединились бы к своим товарищам, если бы положение им позволяло; они часто и время от времени удачно пытались перейти на другую сторону»⁴⁸.

Сами мятежники также рисовали картину движения, в котором вся армия выступила как единое целое, хотя фактически дело обстояло иначе. Большинство высших командующих вооружённых сил не участвовали в заговоре, и во многих местах мятеж возглавили их заместители, взявшие на себя командование.

Как подсчитали Хосе Коста Фонт и Рамон Мартинес Гонсалес, в мятеже принял участие лишь один из восьми командующих военными округами; 17 из 21 генерала остались верны Республице; все шесть генералов Гражданской гвардии были лояльны, как и главнокомандующий авиации. Из 59 бригадных генералов только 17 присоединились к мятежникам.

Шестнадцать генералов, не успевших покинуть области, где торжествовали мятежники, были застрелены. Коста Фонт и Мартинес комментируют: «Никогда не проливалось столько крови военных высших чинов, сколько было пролито в этом сражении в защиту Республицы».

В числе высших офицеров, казнённых мятежниками, были генерал-капитан Второго округа (с центром в Севилье) и командующий Восьмым округом (Галисия). Кроме того, мятежниками были казнены генералы, занимавшие должности военных губернаторов Гранады, Сарагосы, Ла-Коруньи, Севильи, Бургоса, Саламанки и трёх марокканских городов – Тетуана, Мелильи и Сеуты. По наблюдению Косты Фонта и Мартинеса Гонсалеса, «первыми жертвами июльского мятежа 1936 г. стали не гражданские губернаторы, мэры, депутаты кортесов, члены левых партий и профсоюзов, а генералы, военачальники, пролившие свою кровь в защиту законности»⁴⁹.

Стэнли Пейн обращает внимание на число офицеров регулярной армии, оставшихся лояльными: «По меньшей мере 70 процентов офицеров, находившихся на действительной службе, оказалось на территории левых, и не больше трети активно участвовало в мятеже. В общей сложности, насчитывалось около 10 000 кадровых офицеров, которые не поддержали мятежников и находились в распоряжении левых. При наличии у политических лидеров достаточного понимания и воображения эти люди могли быть задействованы в боевых операциях, решив их исход. Революционная волна, поднявшаяся после 19 июля, по большей части исключала эту возможность»⁵⁰.

Начало Гражданской войны

Сигналом к началу мятежа стал вылет генерала Франсиско Франко с Канарских островов 17 июля 1936 г., сначала во Французское и на следующий день в Испанское Марокко. Перед прибытием Франко его сообщники установили полный контроль над колонией. Почти немедленно были предприняты шаги по переброске войск оттуда (преимущественно марокканцев и иностранных легионеров) в материковую Испанию.

Реакция республиканского правительства на события 17 июля была, мягко говоря, вялой. Премьер-министр Сантьяго Касарес Кирога 18 июля объявил, что мятеж был локализован, в то время как он уже распространился на Севилью и Малагу. Но 19 июля Касарес Кирога подал в отставку, и президент Мануэль Асанья поручил Диего Мартинесу Баррио сформировать новый кабинет. Новый премьер пытался договориться с мятежниками и даже, как говорят, предлагал генералу Моле пост военного министра. Его кабинет подержался меньше суток.

В итоге президент Асанья назначил премьер-министром левореспубликанского лидера Хосе Хиралю, и тот, наконец, согласился исполнить требование рабочего движения и лоялистских партий, вооружив рабочих и других, кто хотел защищать Республику. Это решение имело особую важность, по крайней мере для Мадрида⁵¹.

Стэнли Пейн считает, что нерешительность левореспубликанских лидеров перед лицом вооружённого мятежа имела катастрофические последствия:

■

«[Они] впали почти в полный паралич... В дни 17–19 июля за предводителями мятежа последовала едва половина испанской армии, а большая часть флота, воздушных сил и полиции оставалась лояльной. Если бы Асанья... и его коллеги решительно и энергично предприняли усилия, чтобы сохранить целостность государства после 17 июля, то нет оснований полагать, что подобная попытка была бы обречена на поражение... Только два полка в столице присоединились к мятежу, и не исключено, что ситуацию можно было бы удержать под контролем, не давая воли революционерам. В своём последнем разговоре с Асаньей в ночь на 19 июля Мигель Маура призывал его сосредоточить абсолютную власть в руках республиканского правительства, но это требовало смелости, которой Асанье не доставало. Президент считал, что в момент кризиса революционеры не станут подчиняться приказам правительства, если им не позволят создать параллельные органы власти. Многолюдные и агрессивные уличные демонстрации против кабинета Мартинеса Баррио в Мадриде 19 июля утвердили его в этом мнении. Весьма вероятно, предположение Асаньи было верным, но остаётся фактом, что он не захотел это проверить»⁵².

Национальный комитет НКТ и начало мятежа

Видя нерешительность правительства после начала мятежа Франко и других генералов, национальные лидеры НКТ, как и другие группы, готовые противостоять мятежникам, чувствовали растущее разочарование. Много лет спустя Ф. Креспо в эмигрантском анархическом издании «Надежда» (Espoir) описывал действия Национального комитета НКТ, который тогда находился в Мадриде:

“ «После полудня 17-го и до утра 19-го Национальный комитет НКТ передал около 80 сообщений по телефону, одновременно отвечая на обращения региональных, провинциальных и комаркальных (районных) организаций Либертарного движения. Все мнения совпали, и анархо-синдикализм проявил инициативу, решительность и готовность дать ответ фашизму, импортированному из Берлина, Рима и Лиссабона... С убеждением, что 900 000 рабочих, принадлежащих к НКТ... готовы к борьбе, в три часа дня составили коммюнике для революционеров, перечисляя те меры, которые были приняты несколько часов спустя. Национальные комитеты трёх ветвей Либертарного движения, НКТ, ФАИ и ЛМ, единодушно решили положить конец самоубийственным колебаниям официального антифашизма...»

В результате этих действий, пишет Креспо:

“ «В семь вечера Национальный комитет НКТ, готовый преодолеть любое сопротивление или препятствие, которое могло встретиться на его пути, вошёл в здание Национальной радиостанции и попросил выделить ему время в эфире для не более чем шестиминутного выступления. Несколько удивившись и пожелав узнать, что именно хотела сообщить НКТ, однако не дав прямого отказа, поскольку Национальный комитет ясно выразил своё намерение, работники радиовещательного аппарата передали наше решительное заявление о том, что анархо-синдикализм без промедления вступает в революционный бой, чтобы противостоять фашизму везде, где он проявил себя, и везде, где он ещё этого не сделал, но укоренился».

После этого члены Национального комитета НКТ покинули радио. В 10 часов, тем же вечером 19 июля, ВСТ передал аналогичное сообщение по той же станции⁵³.

Мятеж в Каталонии

Анархисты уже несколько лет имели боевые группы в разных районах Барселоны. Они разработали стратегию и тактику захвата контроля над городом. Однако после февральских выборов 1936 г., когда возможность военного переворота против Республики становилась всё более реальной, они пересмотрели свои планы, чтобы использовать их в случае подобного выступления вооружённых сил.

После того, как угроза военного переворота стала практически неоспоримой, анархисты вошли в контакт с каталонским президентом Луисом Компанисом с целью предупредить такое развитие событий. Был создан контактный комитет каталонского правительства и анархистов, чтобы отслеживать подготовку военного заговора. 16 июля региональный пленум НКТ попросил правительство предоставить тысячу винтовок⁵⁴.

Однако президент Компанис и его правительство продолжали отклонять требования анархистов по вооружению рабочих, чтобы те могли оказать сопротивление военному мятежу. Вследствие этого в дни накануне мятежа анархистам пришлось обойти оружейные магазины, где они раздобыли охотничьи ружья, но у них по-прежнему не было винтовок и тяжёлого вооружения.

Анархически настроенные портовые рабочие предприняли вылазку на суда, стоявшие в гавани Барселоны, чтобы взять там оружие, которое, как они знали, «на всякий случай» держали все экипажи. Однако каталонское правительство отреагировало на это отрицательно и послало штурмовых гвардейцев вернуть оружие. В итоге был достигнут компромисс: анархисты отдали часть захваченного оружия, оставив большую часть себе. Анархисты также разоружили большинство частных охранников в городе и припрятали их оружие.

В других вопросах каталонское правительство также отказывалось сотрудничать с анархистами. Цензоры запретили публикацию в «Solidaridad Obrera» инструкций ФАИ рабочим о действиях в случае вооружённого мятежа. ФАИ немедленно перепечатала эту инструкцию в виде листовки. Выпуск «Рабочей солидарности» от 18 июля также был подвергнут цензуре, поскольку она сообщила о выступлении военных в Марокко на день раньше, чем «La Vanguardia».

Как бы то ни было, агенты анархистов в городских казармах сообщили НКТ, что мятеж должен начаться в первые часы 19 июля. НКТ проинформировала Хенералидад о том, что реквизирует транспортные средства, чтобы поддерживать связь между анархическими комитетами обороны в разных частях Барселоны. По всему городу начали разъезжать автомобили с надписью «CNT-FAI» 55.

«La Vanguardia» в выпуске от 19 июля разместила на первой полосе передовую статью, озаглавленную «Порядок восстановлен», и для убедительности привела соответствующее заявление каталонского советника по внутренним делам. Однако внизу той же страницы, под неприметным заголовком «Аресты и конфискованное оружие», сообщалось: «Прошлой ночью в камерах Генерального комиссариата общественного порядка находилось большое число арестованных, в большинстве своём связанных с фашистами, а в различных полицейских участках находится большое количество боевого и личного оружия разного вида и калибра, изъятого полицией утром и днём в ходе многочисленных обысков в политических центрах, в особенности принадлежащих крайне правым».

Ранним утром 19 июля армейские силы начали выдвигаться из казарм Барселоны, чтобы захватить город. Немедленно зазвучали сирены всех фабрик и судов в гавани, как и планировали анархисты.

Анархисты собрали свои силы обороны в профсоюзных помещениях города, их штаб-квартира располагалась в Союзе строительных рабочих. (Франк Еллинек ошибался, утверждая, что в Каталонии не было «никакой милиции», поскольку у анархистов уже несколько лет были организованы комитеты обороны⁵⁶.) Они позволили солдатам оставить казармы, так как сопротивляться им на городских улицах было легче, чем штурмовать расположения частей. Мятежные армейские силы, таким образом, смогли войти в центр города, где они заняли важнейшие здания на Пласа-де-Каталунья, включая отель «Колон» и телефонную станцию.

Однако в рабочих кварталах анархическим комитетам обороны удалось взять верх над регулярной армией. Захватывая казармы, они получали всё больше оружия, включая пулемёты и даже пушку. Их поддерживали штурмовые гвардейцы, которые остались верны правительству.

Были серьёзные сомнения по поводу лояльности гражданских гвардейцев. Для этих сомнений имелись очевидные основания, так как большинство старших офицеров Гражданской гвардии в Барселоне обещали свою поддержку заговорщикам⁵⁷. Однако в итоге они связали свою судьбу с Республикой и сыграли важную роль при взятии оплотов мятежников на Пласа-де-Каталунья, в центре города.

К утру 20 июля мятеж был подавлен практически по всей Барселоне, кроме казарм Атаранасас. В ходе массовой атаки на эту цитадель мятежников, которая увенчалась успехом, был убит анархический лидер Франсиско Аскасо. К полудню военные мятежники были побеждены не только в Барселоне, но и по всей Каталонии⁵⁸.

Отдельные перестрелки продолжались в Барселоне ещё несколько дней после окончания основных боевых действий. Барселонская газета «La Vanguardia» 24 июля опубликовала инструкции от «делегата НКТ, Торио», которые были переданы по радио прошлой ночью и касались этих случайных стычек: «Милиционеров в первую очередь инструктируют о тактике, которой им надлежит следовать при столкновении с людьми, стреляющими с крыш. В этих инструкциях говорится, что они не должны расходовать боеприпасы, как это делалось до сих пор, без каких-либо положительных результатов. Вместо этого они должны сделать следующее: определить место, с которого ведётся стрельба, и если они не могут немедленно найти человека, который стреляет, то, как только дом, с которого ведётся огонь, будет определён, следует обыскивать здание, пока стрелки не будут обнаружены...»⁵⁹

В том же самом выпуске были опубликованы воззвания с требованием вернуться к работе, изданные барселонской и каталонской региональными федерациями НКТ, а также аналогичные обращения от отдельных профсоюзов.

Мятеж на Балеарских островах

Генерал Годед, один из руководителей армейского заговора, был командующим военного района Балеарских островов. 18 и 19 июля НКТ проводила региональный конгресс в Пальма-де-Мальорке. 18-го, когда пришли новости о мятеже в Марокко, лидеры НКТ и другие прореспубликанские силы попросили гражданского губернатора островов раздать оружие народу, чтобы защитить режим от возможного выступления на Мальорке. Тот отказался, говоря, что генерал Годед заверил его в своей полной поддержке Республики.

Однако на следующий день рано утром оружие было роздано сторонникам Фаланги, собравшимся в соборе Пальма-де-Мальорки. Большинство рабочих острова, состоявших в профсоюзах, были членами ВСТ, который, очевидно, не стал брать на себя инициативу в данной ситуации. Генерал Годед стремительно перешёл в наступление и объявил в регионе военное положение, присоединившись, таким образом, к мятежу. Многие сэнэтисты, съехавшиеся на региональный конгресс, были арестованы и расстреляны, в их числе были представители из других частей Испании. Считается, что всего было казнено 75 анархистов.

Но на Менорке события развивались по-другому. Там большинство в профсоюзном движении принадлежало НКТ, и она приняла энергичные меры, чтобы установить контроль над островом, как только получила известие о начале мятежа в Марокко⁶⁰.

Мятеж в Мадриде

В столице мятежники колебались. Как предположил один важный левореспубликанский политический деятель, это объяснялось тем, что здесь командующий гарнизоном, генерал Хоакин Фанхуль, в действительности был больше политиком, чем военачальником. Он был депутатом кортесов и в решающий момент не мог определиться с выбором⁶¹.

Генерал Фанхуль держал войска в казармах Монтанья, и хотя у мятежников было достаточно оружия, а с офицерами-лоялистами быстро расправились, они не выдвигались из казарм ни 18-го, ни 19-го. Тем временем недавно арестованные лидеры НКТ были освобождены и вновь открыли свою штаб-квартиру, закрытую правительством. НКТ и ВСТ совместно объявили всеобщую стачку, и социалисты во главе с Карлосом Барайбаром устроили в местном отделении ВСТ центр связи, куда, при содействии почтовых и железнодорожных работников, стекалась информация о положении в разных частях Республики. 19 июля рабочим было роздано около 5 000 винтовок из Артиллерийского парка, чьи военнослужащие остались лояльными⁶².

18 июля мадридская НКТ сформировала местный комитет обороны. Вскоре после этого анархисты захватили грузовик с оружием на площади Куатро-Каминос. Они также пригрозили напасть на тюрьмы, чтобы вызволить заключённых членов НКТ, после чего премьер-министр Хираль освободил их⁶³.

Бои начались утром 20 июля. Базировавшаяся в Хетафе, в предместьях Мадрида, 1-я эскадрилья авиации оставалась лояльной, и когда в 6 утра мятежный 1-й полк лёгкой артиллерии открыл огонь по городским кварталам, посланные из Мадрида рабочие НКТ, подкреплённые солдатами с авиабазы, напали на казармы артиллеристов и заняли их. Оружие, захваченное там, сослужило хорошую службу тем же днём при взятии гарнизона в самом Мадриде⁶⁴.

Тем временем казармы Монтанья были осаждены вооружёнными рабочими, усиленными Штурмовой гвардией. У осаждавших было три артиллерийских орудия, и поддержку им оказывали самолёты с военного аэродрома, где мятеж уже был подавлен. В самих казармах шла борьба, что, видимо, объясняет, почему в двух случаях был поднят белый флаг, но когда осаждавшие двинулись вперёд, их встретили пулемётным огнём.

Наконец, началась массированная атака на казармы, которая оказалась кровопролитной, но успешной. Многие защитники казарм были убиты. К концу 21 июля на стороне мятежников действовали только гражданские снайперы, за которыми велась охота. Колонны милиции из Мадрида были отправлены на захват Гвадалахары, Толедо, Куэнки и Алькала-де-Энареса, которые первоначально были захвачены войсками мятежников⁶⁵. Даже официальная коммунистическая историография, особо выделявшая роль коммунистических ополченцев в этих первых столкновениях, признавала важность участия в них анархических отрядов⁶⁶.

Много лет спустя поумистский лидер Хуан Андраде, который находился в Мадриде в дни мятежа, отдал должное роли Штурмовой гвардии в разгроме мятежников: «Нужно сказать, что штурмовые гвардейцы сыграли без преувеличения решающую роль, которая почти всегда упускалась из виду. Гвардейцы были единственным эффективным полицейским формированием, созданным республикой, и в Мадриде они были революционной силой,

почти исключительно состоявшей из социалистической молодёжи и других левых. Их значение в боях, которые последовали затем, также оказалось решающим; именно они были теми, кто фактически спас Мадрид в эти первые пару месяцев»⁶⁷.

Мятеж на Севере

В Наварре к мятежным частям генерала Мола быстро присоединились военизированные отряды карлистов, и вскоре они заполнили весь регион. Но в соседней Стране Басков сложилась совершенно иная ситуация. Хотя силы Мола смогли захватить контроль над провинцией Алава, граничащей с Наваррой, им не удалось проникнуть в Бискайю (с центром в Бильбао) и Гипускоа. В этих двух провинциях Баскская националистическая партия, крупнейшая политическая группа в регионе, призвала людей сохранять верность Республике. Гарнизон Бильбао не сдвинулся с места.

Много лет спустя Хуан Ахуриагерра, в 1936 г. бывший председателем отделения Баскской националистической партии в Бискайе, дал отчёт о результатах ночного заседания исполнительного комитета партии, состоявшегося после получения известий о мятеже в Марокко: «За ночь мы выяснили для себя одну вещь: военный мятеж был делом рук правой олигархии, чьим лозунгом было единство – агрессивное испанское единство, направленное против нас. Правые с бешеной яростью относились к любым попыткам ввести устав автономии для Страны Басков. Законное правительство, с другой стороны, дало нам обещание, и мы знали, что в итоге получим автономию. В 6:00, после бессонной ночи, мы вынесли единогласное решение. Мы выпустили обращение, в котором заявляли о нашей поддержке республиканского правительства»⁶⁸.

В Сан-Себастьяне выступили войска в одной из казарм и Гражданская гвардия, но как только прошло достаточно времени, чтобы мобилизовались рабочие, мятежники были разбиты. Годы спустя Мигель Гонсалес Инесталь, лидер сан-себастьянского союза рыбаков НКТ, рассказал об этих событиях. По его словам, когда он пришёл на переговоры с гражданским губернатором Артолой, левым республиканцем, по поводу прекращения забастовки рыбаков в связи с мятежом в Марокко, то оказалось, что губернатор ничего не знает о случившемся, а когда ему сообщили, он долго не мог решиться на что-либо. Вслед за этим, говорит Гонсалес Инесталь, «я подошёл к телефону и позвонил в свой профсоюз. Я сказал парням приготовиться к неприятностям, которые готовились на нас обрушиться. Голоса, раздавшиеся на том конце линии, казались довольными»⁶⁹.

В Сантандере, к западу от Страны Басков, гарнизон был окружён вооружёнными рабочими и сдался⁷⁰.

Далее на запад, в Астурии, обстановка несколько дней оставалась неясной. В региональной столице Овьедо были мобилизованы рабочие, но днём 18 июля полковник Аранда, командующий местным гарнизоном, убедил профсоюзных лидеров в своей верности Республике. Когда социалистические и анархические лидеры решили ответить на призыв из Мадрида о посылке подкреплений, Аранда помог им организовать колонну из 3 000 бойцов, включая шахтёров с динамитными шашками, и отправить её на юг. Коммунисты позднее

утверждали, что они были против того, чтобы Овьедо оставляли без милиционных сил⁷¹.

Как только рабочая милиция покинула Овьедо, Аранда раскрыл свои истинные намерения. Он приказал войскам оставаться в своих казармах и направил Гражданской гвардии по всему региону приказ срочно прибыть в Овьедо. Хотя анархисты и социалисты во главе с Ларго Кабальеро прекратили переговоры с полковником, правые социалисты и республиканцы продолжали его уговаривать. Аранда нашёл предлог покинуть встречу, возглавил свои войска и установил контроль мятежников над городом. Овьедо так и не был отвоёван Республикой в течение Гражданской войны, и невероятное количество ресурсов было потрачено в бесплодных попытках взять астурийскую столицу⁷².

Тем временем анархисты и социалисты успешно удержали под своим контролем остальную часть Астурии. В Хихоне, втором городе региона, офицеры в двух казармах колебались два дня, прежде чем выступить в поддержку мятежников, и за это время лояльные Республике силы установили контроль над оставшейся частью города, после чего организованные отряды милиции атаковали казармы. Тем не менее прошло ещё две с лишним недели, прежде чем казармы Симанкас были взяты штурмом, и в этот период три корабля, присоединившихся к мятежникам, пытались помочь осаждённым, бомбардируя город⁷³.

На северо-западе страны, в Галисии, мятежники в итоге одержали победу, хотя не обошлось без ожесточённой борьбы. Матросы кораблей, стоявших в галисийских портах, захватили контроль над своими судами, убив многих мятежных офицеров. На короткое время им удалось захватить и сами порты, однако мятежники смогли отбить их, хотя бои в Галисии продолжались несколько недель⁷⁴.

Успех мятежников в Сарагосе

Сарагоса была одной из главных цитаделей анархистов, и всего за два месяца до начала войны там состоялся конгресс, на котором произошло воссоединение НКТ. Однако город пал перед мятежниками в первые же дни Гражданской войны.

Командующий местным гарнизоном, генерал Мигель Кабанельяс, имел репутацию республиканца, хотя в действительности был одним из руководителей военного заговора. Когда известия о мятеже в Марокко достигли Сарагосы, он заявил о своей лояльности правительству, но объявил осадное положение и позволил фалангистам и другим гражданским, сочувствовавшим мятежникам, присоединиться к его войскам в казармах⁷⁵.

Рабочие организации подозревали, что назревает переворот, и прежде чем началась война, их представители явились к гражданскому губернатору и предупредили, что военный губернатор ненадёжен и следует направить в Мадрид прошение о его отставке. Однако гражданский губернатор отказался это сделать. Когда разразилась гражданская война, войска в Сарагосе не сразу показали свои истинные намерения. Проводились долгие встречи с высшими офицерами. Тем временем рабочие, которые имели своих людей в казармах и знали, что там происходило, убеждали гражданского губернатора передать им оружие из арсеналов, охраняемых лояльными солдатами. Однако тот вновь ответил

отказом. Рабочие отряды были вооружены лишь пистолетами. В конце концов, гражданский губернатор издал распоряжение о том, что гражданские лица не должны иметь оружия и что полиция может без предупреждения стрелять в любого, кто окажется вооружённым. Это дало повод устроить всеобщее избиение левых активистов, которые хладнокровно расстреливались на улицах и в своих домах. Один очевидец из «Социалистической молодёжи» впоследствии свидетельствовал, что только двое из 500 с лишним членов его организации пережили эту расправу⁷⁶.

19 июля, к тому времени когда армия и Гражданская гвардия начали окружать органы НКТ, было уже слишком поздно организовывать сопротивление. Была объявлена всеобщая стачка, но армия вскоре установила полный контроль над городом, и отряды мятежников отправились на захват Арагонского региона, столицей которого была Сарагоса⁷⁷.

Мятеж в Андалусии

Андалусия, южный регион, в течение 75 лет была важнейшим опорным пунктом анархистов среди сельских рабочих. Кроме того, НКТ пользовалась широкой поддержкой у рабочих Севильи, Кадиса и других городов региона. Социалисты также имели много сторонников среди городских рабочих Андалусии. Однако в большинстве крупных городов мятежники достигли успеха, в значительной степени потому, что командующим армии удалось обмануть рабочих и их лидеров, а также потому, что гражданские губернаторы отказались вооружать рабочих и крестьян.

Альхесирас, около Гибралтара, легко был захвачен мятежниками. В Кадисе штурмовые гвардейцы раздали оружие профсоюзам, которые 19 июля объявили всеобщую стачку. Но гражданский губернатор поручился за лояльность армейского гарнизона, очевидно, чтобы оставить рабочих беззащитными. Когда армия, поддержанная мятежным кораблём, выступила в Кадисе 20 июля, она смогла полностью овладеть городом за сутки.

В Севилье мятежники в первые дни войны добились победы, пожалуй, самым невероятным образом. Первоначально один лишь командующий Гражданской гвардией поддержал мятеж. Он привёл в свои казармы фалангистов и других сочувствующих гражданских. Казармы Штурмовой гвардии были атакованы мятежниками, и все их защитники погибли.

Тем временем генерал Кейпо де Льяно, только что прибывший в Севилью, во главе небольшой группы мятежников захватил городскую радиостанцию и, проиграв республиканский гимн, объявил в эфире, что теперь он отвечает за порядок в городе. Социалисты и анархисты, очевидно, были введены в заблуждение этим выступлением. К тому времени, когда они узнали, что Кейпо де Льяно отдал распоряжение об аресте их лидеров, мобилизовать силы для отпора мятежникам уже было невозможно. Войска из Марокко уже прибыли в Севилью на подмогу мятежному генералу.

Роль ведущего, видимо, пришлась по вкусу Кейпо де Льяно. Впоследствии он стал известен как Радиогенерал за свои частые и неистовые выступления по радио.

Большинство других андалусских городов, включая Кордову, Гранаду и Уэльву, также были захвачены мятежниками.

Одним из важных городов региона, который не попал в руки мятежников, была Малага. Первоначально местные командующие гарнизона и Гражданской гвардии поддержали заговорщиков, только Штурмовая гвардия оставалась лояльной. У рабочих организаций было мало оружия.

Командующий гарнизоном 17 июля приказал войскам покинуть казармы и занял центр города. Однако местные гражданские гвардейцы не подчинились приказу и арестовали своего командира, таким образом, они не приняли участия в мятеже. 18 июля начальник гарнизона по неясным причинам приказал войскам вернуться в казармы. После этого большая толпа гражданских окружила их. Имея мало оружия, они подожгли близстоящие дома и начали забрасывать в казармы динамит. Оказавшись в западне, мятежные солдаты сдались штурмовым гвардейцам⁷⁸.

Педро Вальина, врач и на начало Гражданской войны наиболее выдающийся лидер анархистов в Андалусии, описывал то, что происходило в деревнях и сёлах этого региона и в соседних районах провинции Бадахос и Новой Кастилии:

“ «При первой вести о фашистском мятеже все деревни, вся сельская округа поднялась в одно время, не сговариваясь, как будто пробуждённая весной, и стала вооружаться всем, чем могла, от камней и лопат до охотничьих ружей и пистолетов. Приходили с самым древним оружием, ни на что не годным, с единственным желанием вооружить народ... Муниципалитеты распускались и заменялись революционными комитетами, избранными народом; деньги становились недействительными; частная собственность отменялась, особенно в сельской местности; церкви сжигались; казармы гражданских гвардейцев брались штурмом; опознанные фашисты арестовывались или расстреливались. С самого первого мгновения стремление к либертарному коммунизму, будто естественная наклонность, проявилось в массах, ранее не знавших об этих идеях»⁷⁹.

Сам доктор Вальина возглавил революционный комитет в шахтёрском городке Альмаден. На короткое время обстановка более или менее нормализовалась, и рабочие, включая шахтёров, вернулись к работе⁸⁰.

Однако в последующие недели значительная часть Андалусии оказалась наводнена войсками мятежников.

Мятеж в Валенсии

В течение почти двух недель в Валенсии сохранялась тупиковая ситуация, несмотря на то, что командование гарнизона участвовало в подготовке к перевороту, а также то, что мятежники, казалось, могли рассчитывать на значительную поддержку со стороны гражданских. Глава Валенсийской региональной правой партии, входившей в коалицию СЭДА, Луис Лусия, был участником антиреспубликанского заговора военных. Он, как сообщают, обязался выставить 50-тысячную правую милицию в течение трёх дней после начала запланированного выступления, чтобы поддержать мятежников⁸¹.

С другой стороны, валенсийское отделение Фаланги, по свидетельству очевидцев, слишком «нервничало», боясь быть втянутым в движение, противоречащее его идеалам. Оно предоставило в распоряжение мятежников всего 60 добровольцев⁸².

Другой важной политической группировкой Валенсии накануне Гражданской войны была Партия автономистского республиканского союза, основанная известным писателем Висенте Бласко Ибаньесом и в 1936 г. возглавлявшаяся его сыном Сигфридом Бласко. Некогда она была крупнейшей партией в регионе, но к 1936 г. уступила многие свои позиции другим республиканским партиям. Во время Гражданской войны она была объявлена вне закона республиканскими властями, хотя занимала нейтральную позицию в конфликте⁸³.

Гарнизон в Валенсии не присоединился ни к одной из сторон. Солдатам было приказано оставаться в казармах. В полночь на 19 июля НКТ и ВСТ объявили всеобщую стачку, и стачечный комитет НКТ приказал своим сторонникам окружить казармы. Однако гражданский губернатор несколько дней сопротивлялся требованиям предоставить оружие рабочей милиции. После победы НКТ в Барселоне милиционеры оттуда отправили необходимое оружие своим товарищам в Валенсии⁸⁴. Штурмовая гвардия оставалась лояльной, а 50 000 добровольцев, обещанных правыми, так и не появились⁸⁵.

По первоначальному плану, мятеж в Валенсии должен был возглавить генерал Годед, командовавший воинскими частями на Балеарских островах. Однако тот был уверен, что в Валенсии «всё находится под контролем и в его присутствии нет необходимости», и вместо этого решил руководить переворотом в Каталонии⁸⁶.

Командующий войсками региона, генерал Мартинес Монхе, заявил о своей верности Республике. Однако он категорически отклонил требование раздать оружие рабочим и потребовал прекратить всеобщую стачку как «ненужную».

Тем временем анархисты, социалисты, республиканцы и другие захватили все общественные здания. НКТ и ВСТ продолжили стачку, захватили оружие в порту и на судах, стоявших в гавани, и начали издавать газету «UGT-CNT». Они де-факто установили в регионе новую гражданскую администрацию и начали набор в милицию. Через десять дней, после того как солдаты стали выступать против своих «нейтральных» офицеров, была предпринята всеобщая атака на казармы, обошедшаяся практически без потерь, и в итоге Валенсия и весь регион Леванта остались за Республикой⁸⁷.

Соппротивление на Канарских островах

Даже на Канарских островах, где базировался генерал Франко, мятежники встретили серьёзное сопротивление. Хотя в первые часы утра 18 июля мятежные войска заняли центр Лас-Пальмаса, бои в городе и его окрестностях продолжались бо́льшую часть дня, причём Гражданская и Штурмовая гвардия присоединились к сопротивлявшимся рабочим.

На другом острове, в городе Санта-Крус, штурмовые гвардейцы также защищали Республику с оружием в руках. При поддержке рабочих они смогли продержаться десять дней. Однако к концу июля мятежники установили полный контроль над этим атлантическим аванпостом Испании.

От переворота к гражданской войне

Через несколько дней после начала мятежа 17 июля 1936 г. в Испанском Марокко то, что по плану заговорщиков должно было стать обычным государственным переворотом, переросло в гражданскую войну. Мятеж потерпел неудачу в Каталонии, Леванте, Новой Кастилии, Стране Басков, Сантандере, Астурии и половине Эстремадуры. Он не достиг успеха в большинстве крупнейших городов страны; он закончился поражением в двух основных промышленных зонах, Каталонии и Стране Басков.

Регионами, где мятеж увенчался успехом, были по преимуществу сельскохозяйственные области на юге (Андалусия и Эстремадура), в центре (Старая Кастилия и Леон), на севере (Наварра и провинция Алава) и северо-западе (Галисия). Мятежниками также был захвачен важный горнопромышленный район – оловянные рудники на Рио-Тинто в Андалусии.

Как республиканская, так и мятежная территория были разделены на две части. На юге область, занятая мятежниками, включала в себя значительную часть Андалусии и южную Эстремадуру, и она была отрезана от контролируемых мятежниками регионов Старой Кастилии, Леона, Галисии, Наварры и Арагона республиканскими регионами северной Эстремадуры и Новой Кастилии. Республика, со своей стороны, также оказалась рассечена – бо́льшая её часть, охватывавшая центральную и средиземноморскую Испанию, была отделена от Баскского, Сантандерского и Астурийского регионов на севере областями Арагона, Старой Кастилии и Леона, перешедшими к мятежникам.

Страна оказалась расколота и по другим признакам. Городские рабочие и сельские батраки в подавляющем большинстве встали на защиту Республики. Крестьяне – собственники и арендаторы, мелкие предприниматели и образованные люди резко разделились в своих предпочтениях между Республикой и мятежниками. Крупные землевладельцы, промышленники, банкиры практически единодушно поддержали мятеж.

Раздел прошёл также по линии вероисповедания. Бо́льшая часть римско-католической иерархии и духовенства поддержала мятежников. Однако было одно главное исключение из этого правила – Страна Басков, где церковные иерархи, священники и миряне в основном

поддерживали Республику. В других регионах также были рассеяны либерально настроенные католики, вставшие на сторону республиканского дела.

Наконец, сами вооружённые силы далеко не были единодушны в своей поддержке мятежников. Как мы уже отмечали в этой главе, значительная часть офицерского корпуса осталась верной Республике, и среди них немало было тех, кто заплатил за эту верность своей жизнью в первые дни мятежа. Однако лояльные офицеры на протяжении всей Гражданской войны продолжали оставаться под подозрением со стороны лоялистов-гражданских, в особенности анархистов.